

Шерри Томас

Вторая книга в авторской серии
«Магия стихий»

Гибельное
море

Проведя лето вдали друг от друга, Тит и Иоланта (по-прежнему как Арчер Фэрфакс) спешат вернуться в Итон и возобновить подготовку к битве с Лиходеем. Иоланта, больше не связанная клятвой на крови, как никогда решительно настроена исполнить своё предназначение — особенно потому, что кольцо шпионов Атлантиды сжимается всё туже. Однако вскоре после возвращения в школу Тита ждёт поразительное открытие. Под сомнением окажется всё, что касается их миссии. Ошеломлённая узнанным, Иоланта вынуждена смириться с новой ролью, а Тит — решить, следовать ли, как прежде, предсказаниям матери или проложить иной путь в неведомое будущее.

Шерри Томас

Гибельное море

Над переводом работали:

Переводчики: Мел Эванс, Marigold, Lorik, KattyK, LuSt, lisitza, laflor

Сверщики: gloomy glory, KattyK, Talita, Marigold

Редактор и куратор: gloomy glory

Посвящается

Донне Брей, которая просто лучшая.

Девушка вздрогнула и очнулась.

Ее засыпало. Песок был везде. Под ней — и она пальцами зарывалась в горячую зернистую массу. Над ней — подгоняемый ветром он затмевал небо, и воздух становился красным, будто поверхность Марса.

Песчаная буря.

Девушка села прямо. Песок завихрился вокруг миллионами светло-коричневых крупинок. Непроизвольно она оттолкнула их, приказывая держаться подальше от ее глаз.

И песок отпрянул.

Девушка моргнула и вновь махнула рукой. Песчинки отхлынули еще дальше. Сама же буря даже не думала униматься, лишь усилилась, и небо стало зловеще темным.

«Значит, я могу управлять песком».

В песчаную бурю лучше всего быть именно магом стихий. И все же кое-что в этом открытии вызывало замешательство. Сам факт, что сей навык оказался для девушки внове, что она понятия не имела о таком своем таланте, который обычно проявляется с рождения.

А еще она совершенно не понимала, где находится. И почему. И где была до того, как очнулась в пустыне.

Ничего. Ни единого воспоминания о материнском объятии, отцовской улыбке или секретах лучшей подружки. Ни проблеска в памяти о цвете парадной двери родного дома, весе любимого стеклянного бокала или названиях лежащих на столе книг.

Она сама для себя оказалась незнакомкой. Незнакомкой с прошлым, бесплодным, точно выжженная пустыня. Когда каждая присущая тебе черта словно бы похоронена, глубоко и надежно.

Сотни мыслей проносились в голове испуганной птичьей стаей. Как долго она уже в таком состоянии? И всегда ли была такой? И не должен ли здесь, рядом, находиться кто-нибудь, чтобы за ней присматривать, раз уж она сама про себя ничего не знает?

«Тогда почему я одна? Одна-одиношенька непонятно где? Что случилось?»

Девушка прижала два пальца к груди. Давление изнутри затруднило дыхание. Она открыла рот в попытке побыстрее втянуть воздух, наполнить легкие, чтобы они не казались столь же пустыми, как остальные ее части.

И только через минуту собралась с духом и внимательно себя осмотрела, надеясь отыскать какие-то подсказки или даже прямые ответы, которые поведают о ней все необходимое. Руки ожиданий не оправдали: несколько мозолей на правой ладони и больше ничего значимого. Задрав рукава, девушка обнаружила лишь бледные предплечья. Взгляд на кожу живота тоже не принес ничего нового.

— *Revela omnia*, — произнесла она и удивилась, услышав низкий, почти осипший голос. Затем, в надежде, что его звук поможет прорваться воспоминаниям, повторила: — *Revela omnia*.

Но ничего не произошло. Да и заклинание не проявило никаких тайных надписей или знаков на коже.

Наверняка это уединение — лишь видимость. Неподалеку должен находиться хоть кто-нибудь, кто сможет помочь: родитель, брат, друг. Наверное, этот кто-нибудь сейчас блуждает рядом, зовет, стараясь отыскать потеряшку, убедиться, что она в порядке.

Но сквозь завывания ветра не было слышно голосов, лишь песчинки метались под действием неподвластных им сил. И даже расширив созданную вокруг себя сферу чистого воздуха, девушка не увидела ничего, кроме песка.

Она на мгновение закрыла лицо руками, глубоко вздохнула и встала, решив для начала обыскать свою одежду. Но вдруг почувствовала что-то в правом ботинке.

Сердце екнуло. Волшебная палочка!

С тех пор, как маги осознали, что волшебные палочки являются лишь проводниками магической энергии — чем-то вроде усилителей, не так уж и необходимых, — почитаемые инструменты превратились в обожаемые и всегда именные аксессуары. Порой персонализация палочки доходила до полного абсурда. В индивидуальное оформление вплетались имена, любимые заклинания, герб города или школы. На некоторых волшебных палочках даже можно было найти всю родословную хозяина, выгравированную крохотными буквами.

Несказанное счастье — обнаружить сейчас историю своей семьи, хотя девушка согласилась бы и на простое *«В случае потери прошу вернуть _____»*.

Но волшебная палочка оказалась гладкой, словно напольная дощечка. Ни резьбы, ни инкрустации, ни декоративного орнамента. И под заклинанием увеличения удалось увидеть лишь голое дерево. Непонятно даже, кто изготовитель.

Грудь сдавило. Разве любящие родители подарили бы своему ребенку такую палочку? Все равно что отправить его в школу в бумажной одежде. *«Значит, я сирота?»* Отвергнутая при рождении, воспитанная в приюте? Стихийников бросают чаще, ведь с ними так много проблем в детстве.

Однако одежда — синяя туника длиной до колена и белоснежный бешмет — поражала материалом исключительного качества, невесомая, но крепкая, со сдержанным блеском. И жар пустыни ощущался лишь на лице и руках, под тканью же было вполне уютно.

В самой тунике карманов не оказалось, но девушка нашла их в скрытых подолом брюках, а там — слегка помятую прямоугольную карточку:

Она дважды моргнула, дабы убедиться, что верно прочла.

Вайоминг? Это который на американском Западе? На немагическом американском Западе?

Различные снимающие личину заклинания скрытый текст не проявили. Медленно выдохнув, девушка вернула карточку в карман брюк.

Она-то думала, что хватит и имени, крошечной зацепки. Но вот оно имя, вот она зацепка, а все стало намного хуже, чем когда у нее не было ни малейшего представления о собственном прошлом. На глухой стене, словно дразня, появилось пятнышко цвета и текстуры, в то время как остальная часть фрески — люди, места, принятые решения,

которые сделали ее той, кто она есть — по-прежнему оставалась вне поля зрения.

Не задумываясь, девушка резко хлестнула по воздуху волшебной палочкой, чуть не зарывав от огорчения. Завихрившись, песок отступил. Она судорожно вздохнула: в восьми шагах от нее лежала наполовину засыпанная холщовая сумка.

Девушка бросилась вперед. Ремешок оказался порван, но сама сумка цела. Не очень большая (вершков десять в ширину, шесть в высоту, а в глубину и того меньше) и не слишком тяжелая. Но самое примечательное — это количество карманов: по крайней мере двенадцать снаружи и бесчисленное множество внутри. Расстегнув пряжку на большом внешнем кармане, девушка нашла сменную одежду, а в другом отделении схожего размера — прямоугольник плотно сложенной ткани, который, скорее всего, разворачивался в небольшую палатку.

Внутренние карманы были аккуратно и разборчиво подписаны: «Питание, в упаковке дневная норма»; «Вспомогательное средство для скачков: пять гранул за прием, не более трех раз в день»; «Теплая простыня — если замерзнешь, а внимание привлекать нельзя».

«Если замерзнешь». Стала бы она сама к себе обращаться во втором лице? Или это свидетельствует о тесной связи с кем-то? С тем, кто знал, что ей может однажды пригодиться такой набор?

Тридцать шесть кармашков одного из внутренних отделений были заполнены лекарствами. Не от болезней, а от всевозможных повреждений, начиная сломанными конечностями и заканчивая ожогами от драконьего пламени. Пульс ускорился. Эта сумка уж точно собиралась не для туристического похода, а на случай чрезвычайной ситуации, в ожидании серьезной, возможно, даже непомерной опасности.

Карта. Тот, кто так скрупулезно все подготовил, наверняка положил карту.

И она нашлась, в одном из меньших наружных карманов, сотканная их шелковистых нитей столь тонких, что невооруженный взгляд едва их различал. Владения магов обозначались зеленым цветом, земли немагов — серым, сверху написано: *«Положи карту на землю или, если потребуется, на воду».*

Девушка расправила карту на песке, который начал быстро остывать, едва разбушевавшиеся небеса перекрыли полыхающее солнце. И практически сразу же на полотне появилась красная точка. В пустыне Сахара, в сотне верст на юго-запад от границы одного из Объединенных Бедуинских Королевств.

Полымя знает где.

Девушка стиснула пальцами края карты. Куда идти? Единственное известное ей место из прошлой жизни — ранчо «Лоу Крик», и до него отсюда тысячи полторы верст, не меньше. В пустынных мирах границы, как правило, охраняются не так тщательно, как в островных, но без официальных документов не получится перепрыгнуть океаны и континенты, воспользовавшись одним из переместителей в Объединенных Бедуинских Королевствах. К тому же за нахождение там, где не следует, вполне могут и арестовать — Атлантида не любит, когда маги скитаются вокруг без должным образом оформленных разрешений.

А если выбрать немагический маршрут, то придется топтать те же полторы тысячи верст до Триполи или Каира. *«И даже каким-то чудом добравшись до берега Средиземного моря, я все равно окажусь в трех неделях пути от американского Запада».*

На карте появилась новая надпись — на сей раз поверх той самой пустыни, куда забросило девушку.

«Любимая, если ты читаешь эти слова, значит, случилось худшее, и я больше не могу тебя защищать. Знай, ты была лучшей частью моей жизни, и я ни о чем не жалею.

Да пребудет с тобой Фортуна.

Живи вечно».

Она погладила буквы, едва ли замечая, как дрожат пальцы. Горло опалило тупой болью от потери защитника, которого не удавалось даже вспомнить. От потери возможности познать собственное прошлое.

«Ты была лучшей частью моей жизни».

Написать такое мог брат или друг. Но девушка почти не сомневалась, что автор этих строк был ее возлюбленным. Она прикрыла глаза и попыталась нащупать хоть что-то. Что угодно. Имя, улыбку, голос... Пустота.

Заревел ветер.

Нет, это она сама закричала от невыносимого отчаяния.

И песок отпрянул, будто опасаясь ее дальнейших действий.

Девушка тяжело дышала, как бегун после длинной дистанции. Круг чистого спокойного воздуха вокруг нее расширился на сотню шагов во все стороны.

Она оцепенело огляделась в поисках чего-то, что уже не рассчитывала найти.

Ничего. Ничего. Абсолютно ничего.

И тут в песке возникли очертания тела.

Держава, за семь недель до описываемых событий

— Его светлость принц Тит Седьмой, — звучно объявили каменные фениксы, караулом стоящие по четырем углам.

Тит замер на краю террасы, глядя на раскинувшийся перед ним прославленный сад Цитадели. Во многих садах еще можно было отыскать нетронутые, даже заповедные уголки, но не в этом. Здесь акры вечнозеленых кустов тщательно подстригали таким образом, чтобы при взгляде сверху они складывались в стилизованную фигуру феникса — символ дома Элберона.

Растения, разводимые умельцами-ботаниками Цитадели, цвели поздним летом, и ежегодно цвет бутонов менялся. Ныне они были насыщенного ярко-оранжевого оттенка. Далберт, камердинер и личный шпион Тита, докладывал, что видел эмблемы феникса на общественных зданиях Деламера, нанесенные краской схожего пламенного цвета и часто сопровождаемые поспешно нацарапанным «*Феникс в огне!*».

В прошлый раз пылающий феникс стал предвестником Январского восстания.

В пространстве между распахнутыми крыльями ландшафтной птицы установили большой белый навес, сверкающий в лучах полуденного солнца, и там уже полным ходом шел дипломатический прием. Слуги в серых ливреях Цитадели лавировали между гостями, разряженными в мантии оттенков драгоценных камней, предлагали закуски и бокалы с охлажденным летним вином. Морской бриз доносил до принца прекрасную музыку, в которую вплетались звуки тихого смеха и увлеченной беседы.

Тит вздохнул. Его охватила тревога. Возможно, это лишь реакция на то, что скрывалось за показным весельем на приеме, но на самом деле, как и всегда, все касалось одной лишь Фэрфакс, его могущественного и ослепительного мага стихий.

Тит спустился по лестнице широким легким шагом и в сопровождении свиты из двенадцати человек двинулся по аллее вдоль ряда статуй. Стоило ему только подойти к навесу, как все собравшиеся тут же склонились и присели в реверансах. Может, Тит и не обладал реальной властью, но формально все еще оставался правителем Державы.^[1]

Ему навстречу с улыбкой на лице вышла женщина исключительной красоты — леди Калиста, официальная хозяйка дворца, самая титулованная и прекраснейшая чародейка-прелестница своего поколения и одна из самых ненавистных Титу личностей в целом свете.

Ведь он поставил перед собой цель уничтожить Лиходея, верховного главнокомандующего мира Новой Атлантиды и величайшего из тиранов, а леди Калиста была его покорной служгой. К тому же, несмотря на отсутствие доказательств, Тит всем сердцем верил, что именно она виновна в смерти его матери.

— Миледи, — поприветствовал он.

— Ваше высочество, — проворковала леди Калиста. — Мы счастливы, что вы смогли к нам присоединиться. Пожалуйста, позвольте представить вам нового посла королевства Калахари.

Тит искренне обрадовался, заметив под ее глазами темные круги. Жизнь леди Калисты весьма усложнилась с вечера четвертого июня, когда наиболее ценный для Атлантиды узник пропал из библиотеки Цитадели. Там же и в ту же ночь нашла свою внезапную и

неожиданную смерть инквизитор — самая преданная и одаренная помощница Лиходея.

На свою беду, леди Калиста появилась в библиотеке последней перед исчезновением Хейвуда. И именно она приказала вытереть с пола лужу крови, в то время как Атлантида очень хотела получить хотя бы пару капель, дабы выяснить, кто же виновен в кончине инквизитора.

В итоге, несмотря на годы верной службы, за леди Калистой стали следить столь же пристально, как за Титом, ограничив ее передвижения стенами Цитадели. Кроме того, теперь она еженедельно должна была встречаться с дознавателями Атлантиды, и каждая такая беседа длилась часами, а порою даже целый день напролет.

Сбитая с толку и страдающая леди Калиста угрозы не представляла — одной проблемой меньше.

После официального представления она оставила Тита беседовать с новым послом Калахари и его семьей. В подобных светских ситуациях Тит всегда чувствовал себя неуютно — он подозревал, что кажется чопорным и неприветливым. Если бы только Фэрфакс была рядом... Она инстинктивно знала, как умиротворить окружающих, да и сам он в ее обществе расслаблялся.

Предполагалось, что это лето они беззаботно проведут в Лабиринтных горах, где будут наблюдать за двигающимися пиками, исследовать спрятанные водопады и, возможно, даже подкрадутся к гнездам фениксов на самых вершинах в надежде увидеть огненное возрождение легендарной птицы. Это не значит, что ожидалось сплошное безделье: в план входили и сотни часов изнурительных тренировок, столько же времени на освоение новых заклинаний, не говоря уже о тайном расследовании того, куда мог деться опекун Фэрфакс после исчезновения из библиотеки Цитадели. Но самое главное — они собирались все время быть вместе.

Однако стоило Титу выйти из железнодорожного вагона, который служил ему личным переместителем, как стало очевидно: все каникулы, каждое мгновение, он будет под пристальным присмотром. А это действительно страшно, учитывая, что он тайно держал Фэрфакс при себе в облике крошечной черепашки, и действие зелья длилось не более двенадцати часов.

Ему удалось тайком, в жуткой нервотрепке, вывезти ее из замка и оставить в заброшенной лачуге пастуха. Тит собирался вернуться чуть позже и переправить Фэрфакс в заранее подготовленный безопасный дом, но через десять минут после возвращения в замок его уже тащили в Цитадель — официальную резиденцию правителя Державы в столице, откуда не получится тайно и с легкостью сбежать в горы.

Они с Фэрфакс обсуждали дюжины вариантов на случай непредвиденной ситуации, но не было ничего даже близкого к такому сценарию, при котором она в одиночку застрянет в Лабиринтных горах. Дни напролет Тит с трудом мог есть и пить, пока не прочитал объявление о наличии всевозможных клубней для осенней высадки — всего три строчки на обороте «Деламерского наблюдателя» — так Фэрфакс сообщала, что к началу семестра уже будет ждать его в Итоне.

Тит чуть не лопнул от облегчения и гордости — на Фэрфакс всегда можно положиться, она обязательно найдет выход, не важно, сколь ужасна сложившаяся ситуация. С тех пор осталось лишь долгое, томительное ожидание окончания лета, того момента, когда они вновь встретятся.

И вот время наконец пришло. Титу было позволено уехать в Англию сразу же после

приема. Удивительно, как он еще умудрялся держать себя в руках, переходя от одной группы гостей к другой. То дыхание перехватывало, стоило лишь представить, как совсем скоро он крепко обнимет Фэрфакс, то в следующее мгновение становилось дурно — а что, если ее не окажется в пансионе миссис Долиш?

— ...прежде чем вы будете править по полагающемуся вам праву. Должна заметить, я надеялась увидеть вас на некоторых совещаниях этим летом.

Только через несколько мгновений Тит осознал, что его ответа ждет генерал Рейнстоун, главный советник регента по безопасности.

— Согласно обычаям двора, мне должно исполниться семнадцать лет, чтобы я мог присутствовать на заседаниях Совета и совещаниях по вопросам безопасности, — отозвался Тит.

А семнадцать ему исполнится лишь через несколько недель.

— Да что может дать эта разница в несколько дней? — раздраженно спросила Рейнстоун. — Ваше высочество достигнет совершеннолетия в столь беспокойное время, и вам понадобится весь опыт, который только можно перенять. На месте его превосходительства я бы настаивала, чтобы ваше высочество как можно скорее обучили государственному управлению.

Его превосходительство, то есть Алект — правивший вместо Тита регент. И покровитель леди Калисты.

— И что, по-вашему, мне следует знать?

Рейнстоун служила в личной гвардии матери Тита, давным-давно, когда он был еще слишком мал, чтобы толком что-то запомнить. Теперь же он знал генерала в основном по ее редким наездам в замок в Лабиринтных горах, когда она просвещала принца в вопросах безопасности мира — по крайней мере, в тех, что он, по ее мнению, уже мог осмыслить в столь юном возрасте.

Рейнстоун мазнула взглядом по толпе и понизила голос:

— По нашим сведениям, сир, лорд главнокомандующий Новой Атлантиды покинул свою крепость в горах.

Вот так новость. По спине пробежал холодок.

— Я слышал, он не так давно ужинал здесь, в Цитадели. Так что не вижу в ваших сведениях ничего необычного.

— Но та трапеза уже сама по себе исключительное событие — тогда главнокомандующий впервые после Январского восстания отлучился из дворца.

— Означает ли это, что леди Калисте стоит вновь ждать его на ужин?

Генерал Рейнстоун нахмурилась:

— Ваше высочество, здесь нет места для шутки. Лорд главнокомандующий так просто свою нору не покидает, и... — Она осеклась.

К ним приближалась дочь леди Калисты — Арамия.

— Ваше высочество, генерал, — поприветствовала она. — Прошу прощения, что прерываю, но, кажется, с вами хочет переговорить премьер-министр, генерал.

— Разумеется. — Рейнстоун поклонилась. — С вашего позволения.

Арамия повернулась к Титу:

— А ваше высочество, наверное, еще не видели новую пристройку к фонтану «Поражение Узурпатора»?

Около пяти месяцев назад, на приеме, не сильно отличавшемся от нынешнего, леди

Калиста по приказу Атлантиды подлила Титу сыворотку правды. И сделала это руками своей дочери, которую Тит считал другом. Если Арамия и сожалела о своем поступке, то Тит ничего не заметил.

— Я уже видел, — холодно ответил он. — Пристройку закончили еще два года назад.

Арамия покраснела, но улыбаться не перестала:

— Разрешите показать вам некоторые особенности, которые вы могли пропустить. Не соблаговолите ли пройти со мной, сир?

Тит собирался сразу же отказаться. Но в прогулке к фонтану, а значит, и уходе от навеса, имелись некоторые достоинства — там хотя бы не придется ни с кем беседовать.

— Веди.

«Поражение Узурпатора», самый большой и тщательно продуманный из девяти фонтанов Цитадели, был размером с небольшой холм и изображал полчище виверн, поверженных стихийной мощью Гесперии Величественной. Отсюда и вплоть до рукотворной насыпи, на которой стояла Цитадель, тянулся длинный зеркальный пруд. Сорока саженьями ниже о подножье утеса бились волны Атлантического океана, а вдалеке на залитой солнцем воде качалась прогулочная яхта с убранными парусами.

Арамия обернулась. Последовавшая за принцем свита — восемь стражников и четыре слуги, — повинувшись взмаху его руки, замедлилась и замерла вне пределов слышимости.

— Мама очень рассердится, если узнает о моем поступке. — Арамия склонилась над фонтаном и коснулась покрытой рябью поверхности. — Но сейчас она сильно напугана всеми этими встречами с дознавателями, хоть никогда и не признается. Они заставляют ее принимать сыворотку правды, и... они не такие уж и добрые на самом деле.

— Вот что случается, когда досаждаешь Атлантиде.

— Разве после всего, что она для тебя сделала, ты ничем не можешь помочь?

Тит вскинул бровь. После всего, что леди Калиста для него сделала?

— Ты преувеличиваешь мое влияние.

— Но все равно...

— Вот вы где! — раздался звонкий мелодичный голос. — А я повсюду вас ищу.

С противоположной стороны фонтана появилась девушка невероятной красоты: кожа цвета коричневого сахара, лицо с почти совершенными чертами, черные волосы, водопадом струящиеся до коленей.

Арамия уставилась на незнакомку, разинув рот, будто не в силах поверить, что существует кто-то, способный посоперничать в неотразимости с ее матерью.

Тит же благодаря взрослению рядом с леди Калистой всегда подозрительно относился к столь абсолютной красоте, так что быстро перевел взгляд с лица девушки на ее мантию. Бытует шутка, дескать, мантии бывают очень похожи на обивку мебели, но эта выглядела так, будто и в самом деле сделана из обивочной ткани. Точнее, из хитроумного абажура — даже кисточки и бахрому сохранились.

— Не оставите ли вы нас с его высочеством на минутку? — вежливым, но не терпящим возражений тоном обратилась незнакомка к Арамии.

Опешив, та уставилась на Тита.

— Можешь идти.

«Мне все равно больше нечего тебе сказать».

Арамия ушла, беспрестанно оборачиваясь.

— Ваше высочество. — Девушка заговорила первой, даже не дождавшись, когда Тит сам

к ней обратится.

В школе он не обращал внимания на такую ерунду, но сейчас он в собственном дворце, тем паче на дипломатическом приеме, где гости привязаны к этикету не меньше, чем к матерям родным, а может, даже больше.

В голову пришло, что, хоть незнакомка и могла сойти за представительницу свиты посла Калахари, Тит не видел ее среди толпы под навесом, а ведь девушку с такой внешностью сложно не заметить.

Это не первый случай: маги и прежде проникали на дворцовые приемы тайком. Но разве после июньских событий охрану в Цитадели не усилили?

— Как вы сюда попали?

Девушка улыбнулась. Она была не многим старше Тита, лет двадцати или двадцати одного.

— Мужчина невосприимчивый к моему обаянию! Мне это нравится, ваше высочество. Разрешите тогда сразу перейти к сути. Мне интересно местонахождение вашего мага стихий.

Потребовались все его силы, но Тит справился с потрясением, не наставил на нее волшебную палочку и не совершил ничего безрассудного. Лишь глаза закатил:

— Ваши хозяева уже меня об этом спрашивали. Даже инквизицию натравили. Неужто теперь опять все заново?

Волосы девушки развевались на ветру, словно пиратское знамя. Она протянула руку и закатала рукав, обнажив белую метку на предплечье: слон с четырьмя бивнями топчет водоворот — символ сопротивления во многих королевствах близ экватора.

— Я не агент Атлантиды.

— И как это должно повлиять на мой ответ? Я понятия не имею, где эта девчонка.

— Мы знаем, что она стихийник из пророчества — самый могущественный за многие века. А еще знаем, что ее попадание в лапы Лиходея обернется бедствием для тех из нас, кто жаждет свободы. Позвольте нам помочь ей. Мы сможем сделать так, что Лиходей никогда к ней не приблизится.

«А что, если все же приблизится? Убьете ли вы ее, лишь бы не отдавать? И что вас с самого начала удержит от убийства, если ваша единственная цель — не подпускать к ней Лиходея?»

— Что ж, тогда удачи с поисками.

Девушка наклонилась к Титу, явно не собираясь сдаваться:

— Ваше высочество...

Раздались крики. Он обернулся. По лестнице топотала стража, и личные гвардейцы Тита тоже уже торопились к нему.

— Ой! — воскликнула незнакомка. — Кажется, я должна покинуть ваше высочество.

И одним движением сняла с себя смехотворную мантию. Быстрый взмах, и ткань расправилась, превратившись — ну конечно! — в ковер-самолет, побольше да получше того, что был у Тита.^[2]

Шпионка, теперь одетая в облегающую тунику и брюки цвета грозových облаков, запрыгнула на ковер и, отвесив шутливый поклон, понеслась прочь к ожидающей вдали лодке.

Пустыня Сахара

Она сунула карту в карман, подхватила сумку и устремилась к телу. Но на полпути замерла, повинувшись инстинктам, о существовании которых и не подозревала. Потеря памяти, медикаменты на случай увечья, записка на карте — «...случилось худшее, и я больше не могу тебя защищать...» — все кричало о серьезной, может, даже беспрестанной опасности. И человек на песке мог с равной долей вероятности оказаться как союзником, так и врагом.

Девушка достала волшебную палочку, заклинанием создала вокруг себя щит и куда осторожнее двинулась вперед.

На расprostертом теле были надеты черные брюки и черный пиджак, из-под рукава которого выглядывал манжет белой рубашки — в общем, мужская одежда немага. Немага с другой части света. Долговязый, с волосами темными даже под слоем пыли, он лежал, отвернувшись в другую сторону. Желудок девушки сжался. Мог ли этот человек быть тем самым? Если она увидит его лицо, если он назовет ее по имени, прикоснется, то неужели все вернется на круги своя, будто в конце сказки, когда герои награждаются счастьем и удачей?

Несмотря на немагический наряд, в руке у лежащего оказалась волшебная палочка. Спина пиджака была разорвана, выставляя напоказ темный жилет под ним. «*Может, он пытался меня защитить?*» Стоило подойти поближе, как человек согнул и стиснул пальцы. Девушку захлестнула волна облегчения — он все еще жив, она не застряла в бескрайней Сахаре в полнейшем одиночестве.

Пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не кинуться к нему. Вместо этого она отступила подальше.

— Эй!

Он даже не посмотрел в ее сторону.

— Эй?

И снова никакой реакции.

А может, он потерял сознание? И движение пальцев, которое она видела, произвольное, как у пострадавшего от сотрясения? Девушка зачерпнула песка и мягко бросила в сторону тела — что-то вроде робкого «тук-тук», — но в пяти шагах от него крупинки ударились о невидимый воздушный барьер.

Человек повернулся и вскинул волшебную палочку:

— Ближе не подходи.

Он оказался молод и хорош собою. Но его лицо не вызвало потока воспоминаний, даже слабого намека на узнавание, лишь заставило задуматься: «*Неужели я столь же юна?*»

— Я не причиню тебе вреда, — сказала девушка.

— Тогда давай расстанемся дружелюбными незнакомцами.

Сердце защемило от слова «незнакомцы». Но тут же ее глаза расширились: то, что она приняла за жилет под разорванным пиджаком, на самом деле оказалось плотью, которая... что? Обгорела? Инфицирована? В любом случае выглядело это просто ужасно.

— Ты ранен.

— Я способен сам о себе позаботиться.

Юноша по-прежнему оставался вежлив, но смысл его слов был вполне очевиден:

«Уходи. Тебя сюда не звали».

Девушка не желала навязывать свое общество, даже если на сотню верст другой живой души не сыщется. Но эта рана... От такой можно и умереть.

— У меня есть средства, которые тебе помогут.

Незнакомец выдохнул, будто этот разговор отнял у него все силы:

— Тогда оставь их на песке.

В обмен на лекарства она собиралась расспросить, как он оказался в пустыне, кто или что его ранило, и не знает ли он, случаем, как им отсюда выбраться. *«Может, не так уж и серьезна рана, раз он отказывается общаться? Ведь будь я на его месте, не привередничала бы. Или так только кажется».*

По правде говоря, без воспоминаний, определяющих выбор, девушка понятия не имела, как бы поступила.

Она покачала головой и зарылась в сумку:

— Если опишешь свои травмы, мне будет проще подобрать лекарства.

— Мне нужно что-нибудь для снятия боли, для дезинфекции, выведения ядов и для восстановления кожи и тканей, — ответил юноша отрывисто и отстраненно.

Девушка уже начала жалеть о предложенной помощи — как знать, вдруг ей и самой пригодятся эти средства в самом ближайшем будущем, — но все же выудила из сумки все перечисленное и заклинанием левитации направила к воздушному щиту вместе с несколькими питательными батончиками.

— Ты стихийник? Водой управляешь?

Юноша слегка скривился, но промолчал.

— Так да или нет? — настаивала она. Все лекарства мира не помогут, если он через несколько дней умрет от жажды.

— И как долго ты собираешься затягивать наше прощание?

Она едва не отшатнулась. Он рыкнул так, будто был рожден для этого звука, а презрение в его голосе казалось острее зубов виверны.

Девушка вытащила из сумки пару бурдюков и, подавив острое желание бездумно и мелочно съязвить, призвала воду из подземных рек и оазисных озер. Ну и пусть он грубиян, без питья все равно оставлять нельзя, и какой смысл сквернословить, когда незнакомец и так в невыигрышном положении.

Впрочем, вода по требованию не появилась. *«Вода ведь настоящая, ей требуется время, а это величина неопределенная, зависящая от расстояния и насыщенности ближайшего источника»*, — успокаивала себя девушка.

Но что, если у нее просто нет такой власти? Тогда они оба обречены.

Прошла целая минута, прежде чем перед ней, зависнув в воздухе, появилась первая капля — и девушка на миг с облегчением прикрыла глаза. Ее товарищ по несчастью невозмутимо наблюдал за медленно растущим водным шаром.

Она наполнила бурдюки и бросила их в его сторону. Один с бульканьем упал на песок. Другой, который швырнули чуть сильнее, перед падением врезался в щит, отчего тот слегка задрожал.

Занятно. Бурдюк должен бы отскочить от любого нормального щита, но этот, кажется, только что поглотил удар.

Эластичный купол. И если юноша сам его установил, то он явно сильный маг.

— Ну а теперь, когда ты продемонстрировала свою умопомрачительную доброту,

уйдешь наконец?

— Обязательно. Особенно теперь, когда ты выказал свою безмерную благодарность.

У него хватило такта промолчать.

Закрепляя клапаны на карманах и стягивая наружные ремни сумки, девушка тихонько ворчала себе под нос. Не стоило и надеяться, что этот симпатичный юноша может оказаться ее защитником: для него имел значение лишь он сам и никто боле.

Сердце разрывалось от тоски по позабытому верному союзнику. Пальцы скользнули по сумке — вещественному проявлению заботы, которой он окружил девушку. Как бы ей хотелось вспомнить о нем хоть что-нибудь, любую мелочь. Например, смех, если ничего другого не...

Она насторожилась. К завыванию песчаной бури добавился новый звук — будто в воздухе появились громадные объекты. Появились и очень быстро приближались.

Спасение? Или очередная угроза? В любом случае лучше сначала посмотреть, кто там, а потом уже решать, стоит ли показываться им на глаза. Чуть раньше девушка расчистила пространство вокруг себя на сто шагов, но теперь вновь позволила песку подступить, не тронув лишь промежуток между нею и юношей.

Который тоже внимательно прислушивался, сосредоточенно хмурясь.

Земля не дрожала, значит, объекты двигались по воздуху, что подразумевало наличие магов — у немагических аэростатов и хлипких дирижаблей не было шансов выстоять в столь сильную песчаную бурю.

Юноша зашипел. Впервые на его лице проскользнул страх.

— Бронированные фаэтоны.

Сердце ушло в пятки. Он прав, в шуме проскальзывал металлический лязг. Только у Атлантиды имелись такие воздушные экипажи. *«А тебе ни за что нельзя попадаться в руки Атлантиды».*

Почему, девушка не помнила, сознавала лишь, что это крайне важно. Иначе все будет потеряно.

Шум бьющихся о металл крупинок уменьшился, а потом и вовсе исчез. Буря не утихла — просто атланты, как и она сама недавно, отгоняли песок подальше.

— Пусти меня под купол, — потребовала девушка.

Она окажется тут совершенно незащитной, если бронированные фаэтоны решат пролить дождь смерти: ей по силам лишь принудить воздух к движению, но не очистить его.

— Нет.

Взывать к благородству незнакомца не стоило и пытаться.

— Хочешь, чтобы я подсказала им, где ты? — спросила девушка, подхватывая с песка питательные батончики, лекарства и бурдюки с водой. — Как мне кажется, ты сейчас не особо можешь двигаться.

Юноша оскалился:

— Твоя доброта воистину впечатляет.

— А твоя признательность пристыдит любого. Пусти меня или приготовься встречать атлантов.

Ее поразила собственная безжалостность. Всегда ли она умела так жестко торговаться, или это лишь ответ на чужое хладнокровие?

— Ладно, — процедил он сквозь зубы. — Но я не позволю тебе войти без соглашения о непричинении вреда. Выдави каплю крови на купол.

Магия крови? Девушка вздрогнула.^[3] Соглашение о непричинении вреда, конечно, не столь ужасно, как клятва кровью, но подобная магия все равно могущественна и опасна, и требует предельной осторожности.

— Только если и ты сделаешь то же самое.

— Ты первая.

Она достала из сумки замеченный ранее компактный набор инструментов, острой иглой уколола палец и прикоснулась к куполу.

«Будто трогаешь макушку огромной медузы — прохладно, мягко, но упруго».

Юноша скривился. Ей подумалось, от отвращения, а оказалось — от боли, ведь пришлось пошевелиться, чтобы вынуть карманный нож из пиджака. Еще одна капля крови полетела к щиту, который моментально ее поглотил, словно иссохшая почва воду.

В следующий миг рука девушки по локоть погрузилась в купол. Она испуганно отпрянула.

— Поспеш!

Она протиснулась внутрь, ощущая, как невидимый барьер липнет к коже. Затем уселась рядом с юношей и велела песку подняться и укрыть купол, не успокоившись, пока под ним не воцарилась кромешная тьма.

Тридцать секунд спустя раздался глухой звук приземлившегося неподалеку бронированного фаэтона.

Похоже, атланты точно знали, где их искать.

Англия

Через два часа после побега незваной гостьи из Цитадели Тит вошел в парадные двери своего пансиона в Итоне. Гостиная миссис Долиш — сплошь набивной ситец и вышитые цветочки — была, как всегда, опрятна и благовидна. Но стены сотрясались от топота и счастливых воплей тридцати пяти учеников, что сновали вверх-вниз по лестнице и приветствовали друзей, которых не видели с конца летнего семестра.

Горьковато-сладкое чувство ширилось в груди — в этом доме Тит провел самые счастливые часы своей жизни. И сейчас так и слышал хвастливые речи Фэрфакс и видел радостно-самоуверенное выражение на ее лице.

Он бросился бежать, расталкивая шумную компанию младших мальчиков, заполонивших гостиную, и перепрыгивая через три ступеньки за раз. На лестничной площадке второго этажа толпились старшие ученики — но Фэрфакс среди них не было.

Мелькнула мысль и их отпихнуть с дороги, но тут один из ребят, Лиандр Уинтервейл, обернулся и, заметив Тита, поприветствовал его крепким ударом по спине:

— Принц, уже слышал новость? Фэрфакс в числе двадцати двух. Как и я, естественно.

Не сразу до Тита дошел смысл слов Уинтервейла: тот говорил о крикете. В начале осеннего семестра выбирали двадцати двух мальчиков, делили на две группы, и весь год они играли друг против друга. А в летнем семестре лучшие одиннадцать игроков становились школьной командой и защищали честь Итона в сражениях с Хэрроу и Винчестером.

— А... сам-то Фэрфакс в курсе?

Уинтервейл усмехнулся:

— С тех пор, как узнал, не устаю хвастаться.

В груди разлилось облегчение, голова закружилась. *«Она здесь. Она смогла вернуться».*

— И где он?

— Пошел с Купером на Хай-стрит.

Тит подавил разочарование:

— Это еще зачем?

— Конечно же, за всякой снедью для завтрашнего чая, а то нам нечего будет есть. — Уинтервейл будто и не заметил бушующих внутри него эмоций. — И кстати, Кашкари не сможет к нам присоединиться еще несколько дней. Миссис Долиш получила от него телеграмму. Пароход попал в шторм в Индийском океане, и он только сегодня добрался до Порт-Саида.

Целых четыре года Тит почти не обращал внимания на Кашкари — ученика-индийца, с которым они пили дневной чай, — ведь тот был прежде всего другом Уинтервейла. Но несколько месяцев назад Кашкари, сам того не ведая, сыграл решающую роль в спасении Тита от Атлантиды.

— Порт-Саид, — повторил он. — Следовательно, оттуда ему нужно добраться до порта Триеста, затем пересечь Альпы и проехать через Париж, прежде чем попасть сюда.

Всех летних каникул с трудом хватало, чтобы добраться из Англии в Индию и обратно. Кашкари повезло, если удалось хоть неделю провести с семьей в Хайдарабаде.

— Ты еще про Английский канал забыл. Вот где самый ужас! — Уинтервейл

вздрыгнул. — В первый год нашего изгнания отец захотел, чтобы семья получила опыт немагической жизни. Так мы пересекли Английский канал на пароходе, и я едва не вытошнил все свои кишки. С тех пор я зауважал немагов — ну, за те трудности и невзгоды, что они выносят.

Ему ничего не стоило сболтнуть подобное рядом с полудюжиной мальчишек. Слова «осмотрительность» и «предосторожность» для Уинтервейла значения не имели. Хорошо еще не заявлял в открытую, мол, я маг, но все равно, как и всегда, выпаливал первое, что приходит в голову.

Собственно, в этой искренности и беспечности крылась часть его обаяния.

— В любом случае, — продолжал Уинтервейл, — Кашкари не...

Его слова заглушили дружные крики «Фэрфакс!» и «Мы знаем, что ты один из двадцати двух, Фэрфакс!».

Тит крепко сжал перила и медленно, очень медленно обернулся. Но сквозь балюстраду удалось разглядеть лишь толпу младших учеников в коротких, до талии, пиджаках.

Тит спустился на ступеньку. Еще на одну. Затем на две. Пока наконец не увидел Фэрфакс в форме старшего ученика — накрахмаленной белой рубашке и черном пиджаке с фалдами, — которая шутя бранила мальчика, едва достававшего ей до плеча:

— Ну что за вопросы, Филпотт? Конечно, я войду в число лучших одиннадцати игроков. На самом деле, Уэст только глянет на меня и задрожит от страха, потому как я собираюсь вырвать звание капитана из его рук.

Беспечное выражение ее глаз, уверенность голоса и врожденная мягкость, с которой Фэрфакс взъерошила волосы Филпотта... Острая радость захлестнула Тита.

— Фэрфакс, ты никогда не думал о смирении?

Она вскинула голову и несколько долгих секунд не отрывала от него взгляда:

— Обязательно подумаю, как только вы, ваше высочество, научитесь вести себя в обществе.

Ее ответ сопровождался улыбкой, не той широкой ухмылкой, которой Фэрфакс ослепляла младших учеников, а легким поднятием уголков губ. И Тит тут же почувствовал ее облегчение, а следом и усталость.

Сердце сжалось. Но в тот же миг она вновь просияла и ткнула в плечо одного из старших мальчишек:

— Купер, хватит стоять истуканом! Поприветствуй Его Великолепие.

Купер демонстративно поклонился:

— Добро пожаловать, ваше высочество. Вы удостоили чести наше скромное обиталище своим августейшим присутствием.

Из всех пансионеров Фэрфакс питала наибольшую слабость именно к Куперу — за его бесхитрость и щенячью восторженность. И за наивный трепет, который бедняга испытывал перед королевской холодностью Тита.

Тому оставалось лишь придерживаться образа:

— Кто-то, возможно, решил бы, что мое августейшество может померкнуть из-за скромности вашего обиталища, но я не стану обращать внимание на такие мелочи.

Смех Фэрфакс был глубоким и насыщенным.

— Принц, твое смирение ослепляет, словно маяк в темнейшую ночь, — заметила она, поднимаясь по лестнице. — Мы можем лишь стремиться к такому сочетанию величия и скромности.

Сазерленд, стоявший за спиной Уинтервейла, так загоготал, что чуть не подавился яблоком.

Фэрфакс поравнялась с Титом. Удовольствие от близости с ней было почти болезненным. А ее легкое прикосновение к плечу — подобно удару током.

— Я рад, что у тебя получилось, Фэрфакс, — очень тихо произнес Тит. Теперь он снова мог дышать. Теперь он снова стал целым.

* * *

Очнувшись в крошечной тьме, обнаженная, корчась от боли, Иоланта Сибурн несколько не встревожилась: возвращение в человеческую форму после заклинания переоблачения всегда болезненно. Отсутствие памяти о часах, проведенных крошечной черепахой, тоже не особо беспокоило: без клятвы кровью, связывающей Иолу с принцем, ничто не обеспечивало непрерывность ее сознания во время смены облика.

Вот только тело окутывал холод, никак не связанный с ночной температурой — рядом не было Тита. Где же он? Так на него не похоже — не оставить теплого одеяла или записки с объяснениями.

Неужели его захватили атланты? И чтобы и Иоланту не постигла та же участь, Тит ее отослал? Чувствуя, как в ушах шумит кровь, она обошла комнату в поисках чего-нибудь, чем можно прикрыться.

И слегка успокоилась, обнаружив во вроде бы заброшенной хижине смену одежды, питательные батончики, монеты, да еще и студенческий пропуск, выданный небольшой консерваторией где-то на северо-востоке Державы. *«Значит, меня не отправили в отчаянии куда попало»*. Что-то произошло, Титу пришлось выдворить Иоланту из замка, но из-за нехватки времени не в заранее подготовленное убежище, а во времянку.

Одевшись и съев половину батончика, Иола вышла из хижины, чтобы изучить свое новое местоположение. Замок находился верстах в пяти на север. Заклинание дальновзоркости помогло разглядеть флаг Державы — серебряного феникса на лазурном фоне, что плескался над самым высоким парапетом.

Иоланта нахмурилась. Если властитель Державы сейчас в своей резиденции, над замком должен реять его личный штандарт — феникс и виверна, оберегающие щит с семью коронами.

Где же Тит? Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Пора было выбраться из гор и выяснить, что происходит.

Замок располагался у восточной гряды Лабиринтных гор. Теоретически, до равнины должно быть тридцать-сорок верст по прямой. Но когда горы двигаются сами по себе, без какого-либо ритма или схемы, «тридцать-сорок верст по прямой» могут обернуться неделей пешего хода.

Если, конечно, совсем не заплутаешь.^[4]

У Иоланты на дорогу ушло четыре дня, из которых два с половиной она думала, что безнадежно потерялась. К счастью, жители ближайших к горам деревень и городов привыкли к появлению заблудившихся туристов — грязных, сбитых с толку и отчаянно жаждущих вымыться и поесть. Иоланта же первым делом попросила газету. Приближалась годовщина коронации Тита, и по традиции это событие в Деламере отмечали парадом. Если его отменили, значит, принц в беде.

Но нет, газета сообщала, что парад пройдет завтра, и правитель Державы посетит несколько церемоний и вручит награды студентам-отличникам.

Добрый фермер предложил подбросить Иоланту на своей древней колеснице, которую тянул еще более древний пегас, до ближайшего городка. Мол, там она сможет воспользоваться переместителем и попасть в крупный город на пересечении скоростных трасс.

В груди все сжималось от страха: на скоростных путях вполне могли караулить агенты Атлантиды. Но Иоланта нуждалась в быстром транспорте, к тому же ее защищали чары неповторимости, не дававшие создать и распространить ее портрет.

Тем же вечером Иола прибыла в Деламер. А на следующий день после обеда увидела принца (с регентом и леди Калистой по бокам), пересекающего Дворцовый проспект на парящем балконе. Тит не надел орден деда в форме золотого солнца — знак, который показал бы, что он под домашним арестом или в плену любого другого рода. Но его окружало такое количество охраны и свиты, что едва ли получалось нормально дышать.

Иоланта не могла приблизиться к принцу, покуда вокруг него так много людей. Оставалось только опубликовать тайное послание в «Деламерском наблюдателе», отправиться в Итон и надеяться, что Титу также позволят вернуться в немагическую школу.

Столь скорый отъезд, да еще и в одиночестве — не так Иола представляла себе это лето. Она все раздумывала, не стоит ли задержаться в Деламере еще ненадолго, попробовать организовать встречу с Титом или самой заняться поисками учителя Хейвуда. Но в конце концов решила, что это слишком рискованно: в настроении столицы ощущалось какое-то трудноуловимое напряжение. Даже в очереди в продуктовой лавке народ шептался об агентах Атлантиды, которые в последнее время стали особенно активны.

Для моментального перемещения из Державы требовались документы, достать которые было неоткуда. Но со студенческим пропуском оказалось достаточно просто путешествовать по самому княжеству. Скоростными трассами и паромами Иоланта добралась до архипелага Мелюзины — одной из удаленных островных цепей.

В учебных стансах Горнила она встречала упоминание о секретном складе парусных лодок на самом южном острове архипелага. Ограничения Атлантиды для путешественников не распространялись на немагические способы передвижения, а значит, быстрый шлюп мог прекрасно помочь с побегом.

В открытом океане, по пути к острову Флориш на северо-западе Азорского архипелага, очень пригодилась власть над воздухом и водой. На месте Иоланта выторговала билет на китобойное судно до Понта-Делгада, а там перебралась на пароход до Мадейры.

Где предполагала задержаться, но сразу по прибытии узнала, что через два часа французский грузовой корабль снимается с якоря и отправляется в Южную Африку. Поколебавшись лишь минутку, Иола побежала к начальнику порта, чтобы выяснить, не берут ли французы еще и пассажиров.

Тит создал для Арчера Фэрфакса (чью личность она использовала в Итоне) прекрасную легенду, поселив его семью в Бечуаналенде, куда вряд ли могли заглянуть другие ученики. Но если агентам Атлантиды вдруг взбредет в головы поискать точное местоположение фермы семейства Фэрфакс — заклинание, столь действенное в школе, развеется как дым.

В Кейптауне Иоланта не стала задерживаться надолго, но все же успела запустить волну дезинформации, применив новую серию превратных заклятий. Теперь, стоит сюда сунуться излишне любопытным агентам, им сообщат, что Фэрфаксы только недавно уехали: дальний

родственник умер и оставил миссис Фэрфакс приличную сумму денег, так что семья решила насладиться выпавшим им счастливым случаем, избавиться от фермы и отправиться в кругосветное путешествие. Без сына, конечно, ибо тому надлежало вернуться в Итон на осенний семестр.

Вполне уместная история, к тому же Иоланта всегда представляла вымышленных родителей Фэрфакса парой, которую привлек романтический образ Африки, а вскоре разочаровала действительность. Ведь жизнь на ферме вряд ли пахнет романтикой, да и прибылью, если уж на то пошло, тоже. С неожиданным наследством Фэрфаксы могли с радостью отправиться на поиски неизведанного — приключений и острых ощущений, которых уже не получали от Африки.

В итоге, «устранив» так называемую семью на неопределенный срок, Иоланта забронировала себе спальное место на ближайший пароход до Ливерпуля. И следующие три недели надежды и страхи сражались за господство над ее сердцем. То она приходила в восторг от мысли, что снова увидит Тита, то впадала в панику: а вдруг он не вернется в Итон? Вдруг кому-то покажется более разумным держать принца в пределах Державы и на поводке покороче?

Чем ближе Иола подбиралась к Итону, тем сильнее беспокоилась. А уж когда прибыла в дом миссис Долиш и обнаружила, что Тит там не появлялся, ощутила неопикуемый ужас.

Спасаясь от суматохи пансиона, Иоланта отправилась на Хай-стрит за снэдью к чаю вместе с Купером. Тот весело болтал о других «двадцати двух» игроках в крикет, особенно про Уэста — того самого мальчика, которого прочили на место капитана школьной команды. Иола почти не слушала. Она преодолела тринадцать тысяч верст своим ходом не ради крикета, как бы он ей ни нравился.

— Просто не верится, что до конца тысяча восемьсот восемьдесят третьего года осталось всего четыре месяца, да? — заметил Купер, когда они снова оказались перед домом миссис Долиш.

— А сейчас тысяча восемьсот восемьдесят третий? — Иоланта сглотнула. — Я что-то позабыл.

— Как можно забыть, какой нынче год? — воскликнул Купер. — Я порой путаю дни недели, но не месяц и не год!

Потребовалось все ее мужество, чтобы открыть дверь пансиона. А там, посреди гостиной, окруженная младшими учениками, Иоланта наконец услышала голос Тита. И вдруг оказалась готова выиграть хоть сотню крикетных матчей, написать тысячу сочинений на латыни и провести всю жизнь среди десятков шумных и порою вонючих мальчишек.

«Он вернулся. Он в безопасности». В следующие несколько минут Иола едва ли сознавала, что говорит и делает, пока они не избавились от остальных ребят, ссылаясь на необходимость разобрать вещи принца.

Но только за ними закрылась дверь комнаты — Тит поцеловал Иоланту. И продолжал целовать, пока оба не начали задыхаться.

— Я так рад, что ты в безопасности, — выдохнул он, прижавшись своим лбом к ее.

Иоланта скользнула пальцами по плечам принца, по теплой, слегка колючей шерсти его дневного пальто. Тело под ее ладонями было худощавым, но сильным.

— Я боялась, что тебя не выпустят из Державы.

— Как ты сама выбралась?

Она прикоснулась к краю его воротника. Одежду Тита выстирали с экстрактом какого-

то вечнозеленого растения, и его слабый аромат теперь напоминал Иоле о покрытых елями хребтах Лабиринтных гор.

— Я все расскажу, если угостишь меня чаем.

Властитель Державы тут же начал отстраняться:

— Немедленно заварю...

Но Иоланта была не готова так быстро разорвать объятия. Она сжала ладонями его лицо. Гуляя по Деламеру, она купила кулон с портретом Тита. И все лето напролет компанию ей составляло лишь это крошечное изображение. Сейчас же можно было упиваться оригиналом: темными волосами, слегка длиннее, чем ей помнилось; прямыми бровями, глубоко посаженными глазами.

Иола провела пальцем по нижней губе Тита. Его глаза потемнели. Он притиснул ее к стене и снова поцеловал.

— Так... сахар или сливки к чаю? — спросил через несколько минут, прерывисто дыша.

Иоланта улыбнулась и прижалась щекой к его плечу:

— Я скучала по тебе.

— Глупо было возвращаться в Державу вместе. Следовало догадаться, что, не найдя тебя в школе, Атлантида решит поискать там. И глаз с меня не спустит.

— Здесь нет твоей вины. Нас обоих усыпило ложное чувство защищенности.

Иола положила руку на лацкан его пиджака, и Тит накрыл ее своей:

— Ну разумеется, это именно моя вина. Я должен беречь тебя.

— Но мне не суждено отсиживаться в безопасности, — заявила Иоланта, потирая его ладонь большим пальцем. — Мне суждены жуткие трудности и героические сражения. Помнишь? Так предначертано.

Тит отстранился, на лице его отразилось искреннее удивление.

— Так теперь ты поверила?

А разве могла не поверить после всех этих мучительных и удивительных событий прошлого семестра?

— Конечно. А потому хватит извиняться, что не охраняешь меня днями напролет. Это мой путь, пусть немного опасный, но так хотя бы реакции не притупятся.

К удивлению в его глазах примешалась благодарность. Тит снова прижался ко лбу Иоланты, согрел ладонями ее лицо.

— Как же я рад, что это ты. Я бы не смог разделить все это ни с кем другим.

От надрыва в его голосе, в уголках глаз Иоланты загорелись неожиданные слезы. *«Мы вместе до самого конца»*. Она дорожила этой уверенностью, хоть и страшилась ее.

— Я тебя уберегу, — мягко произнесла она. — Ничто и никто нас не разлучит. — А затем, потому что в этом семестре было еще слишком рано для рыданий, добавила: — Теперь налей мне чашечку чая и поведай, сколь ужасно было провести целое лето в пышном дворце в обществе самой красивой женщины на свете.

— М?

Приготовление чая отложилось еще на какое-то время.

Пустыня Сахара

Тело обожгло болью. Юноша прикусил губу, не зная, хочет ли просто удержаться от вскрика или не потерять сознание. Последнему не очень способствовала густая непроницаемая тьма под самодельной песчаной дюной. Казалось, стоит только закрыть глаза, и тут же погрузишься в сладкое забвение.

— Снаружи очерчен звуконепроницаемый круг, нас никто не услышит, — тихо и чуть хрипловато пояснил маг стихий, от которого никак не получалось избавиться. — А сейчас я усилию их голоса.

Неожиданно в ушах прогремело чье-то сердитое:

— ...идимости, бригадир?

— Наши стихийники расчищают максимально возможный участок, — ответила какая-то женщина. — Радиус — полторы версты. Зайдем позиции и протянем невод. Один полк двинется от центра к краю, два других — наоборот.

Юноше очень хотелось сдать атлантам — они помогут притупить эту боль, терзающую мозг. Но желание сохранить свободу оказалось гораздо сильнее, почти инстинктивным.

И единственным, что было ему известно наверняка.

Ни имени, ни прошлого, ни воспоминаний о событиях, что привели его израненного в эту пустыню. Лишь понимание: если попадет в руки Атлантиды или ее приспешников — все пропало.

Теперь снаружи раздавались только крики выполнявших приказы солдат. Маг отменил заклинание для усиления голосов, и под куполом воцарилась тишина, недвижимая и удушающая.

Юноша взвесил свои скудные возможности. Без памяти он отсюда никуда не перескочит, даже если в силах покрыть озвученный атлантами радиус. Конечно, если как следует оглядеться, то можно совершить слепой скачок, но буря заволокла все вокруг, так что такой вариант даже не рассматривался.

«Ну почему я раньше не попросил стихийника пробить в песке тоннель чистого воздуха?» Тогда удалось бы уйти подальше от этой подозрительной заботы.

Юноша почти не сомневался, что ранил его именно этот маг. Кто еще мог оказаться так близко, если не враг? Кто еще продолжал бы вертеться возле купола, невзирая на ясно выраженное желание человека остаться в одиночестве?

Страх стихийника перед Атлантидой мог оказаться лишь игрой. А шантаж, с помощью которого он пробрался под купол, — ложным маневром, чтобы уж добить наверняка. Однако готовность мага первым поделиться кровью застала юношу врасплох.

Обладая добровольно предложенной каплей крови, можно причинить большой вред. И только дурак (ну или кто-то без корыстных мотивов) стал бы так рисковать. Теперь же из почти безоговорочного врага стихийник превратился в этом уравнении в неизвестное.

— Слышал их план? — спросил он.

Юноша в ответ лишь хмыкнул.

— Я спущусь под землю, — продолжал маг. — Нужно было сразу так сделать вместо

того, чтобы возиться с магией крови.

— Так чего ж не сделал?

— А ты, видимо, всегда все взвешиваешь и основательно обдумываешь, даже когда окружен бронированными колесницами. В любом случае радуйся, что раньше мне это в голову не пришло. Теперь могу взять тебя с собой.

Это предложение воскресило едва утихшие подозрения. А что, если он какой-нибудь охотник за головами и просто боится потерять награду, если Атлантида перехватит добычу?

— Да что ты ко мне прицепился?

— Что?

— Ты навязываешь мне свое общество.

— Навязываю об... А ты настолько зазнался, что смог бы пройти мимо серьезно раненного мага?

— И это спрашивает шантажист?

Маг стихий пробормотал что-то на грани непристойности.

— Значит, предпочитаешь остаться здесь. Тогда прощай, и да пребудет с тобой Фортуна в своем самом очаровательном проявлении.

Юноша не видел в темноте, но почувствовал, как песок справа сдвинулся — стихийник начал проваливаться.

— Стой.

— Да-да?

Он колебался лишь мгновение:

— Я пойду с тобой.

Соглашение о непричинении вреда не столь нерушимо, как клятва кровью: ничто не мешает магу отдать юношу третьим лицам, желающим ему зла. Но под землей никаких третьих лиц не будет, а значит, опасности почти никакой.

— Уверен? Я ведь могу принять это за разрешение навязать тебе мое общество.

Голос стихийника сочился сарказмом. Обнадеживающе: сейчас лучше всего быть с тем, кто не хочет иметь с тобой ничего общего.

— Придется потерпеть твоё общество в обмен на лекарства.

Маг зарылся в песок под юношей, отчего того накрыло волной боли. Он стиснул зубы и сосредоточился на изменении эластичного купола в стандартный подвижный щит, который сможет удержать вокруг них пузырь воздуха.

Стихийник обвил рукой шею юноши, а ногу подставил под его колени. И началось погружение. Песок обтекал щит по бокам, устремляясь к вершине «пузыря».

— Откуда знаешь, что мои лекарства не отравлены?

— Подозреваю, что как раз отравлены.

— Ну тогда с нетерпением жду, когда смогу тебя ими напичкать.

Они стали погружаться еще стремительнее. *«Что-то не так»*. Поначалу маг стихий показался юноше весьма худощавым, но сейчас, когда их тела сплелись так тесно, он почувствовал некоторые неожиданные округлости. Вообще-то... на самом деле...

Юноша втянул воздух и зашипел от пронзившей его боли.

Никаких сомнений.

— Ты девчонка!

— И? — совершенно равнодушно отозвалась она.

— На тебе мужская одежда.

— А на тебе немагическая.

Он этого не знал. Когда пришел в себя, то лежал на спине, ощущая, как горячий песок проникает в открытую рану. Сил хватило лишь перевернуться на живот и раскинуть эластичный купол. И уж явно было не до изучения собственной одежды. Позже, когда юноше потребовался острый инструмент, он просто полез в карман, не особенно раздумывая, делают ли в магических нарядах карманы на таких местах.

С каждой минутой картина становилась все непонятнее. Очнуться посреди пустыни, израненным, не имея ни малейшего представления, как здесь очутился — уже само по себе плохо. А уж вкупе с немагической одеждой...

Они остановились.

— Метром ниже уже горная порода, — сообщила девушка и отстранилась.

Сражаясь с новой волной обжигающей боли, вызванной ее движением, юноша впился ногтями в ладонь.

Вдруг между ними появился и начал разрастаться голубой магический огонек.

— Нужно осмотреть твою рану. Если не сможешь двигаться самостоятельно — станешь для меня обузой.

Учитывая заключенное соглашение, навредить она не могла. И все же при мысли оказаться в ее власти юношу охватило беспокойство. Но выбора не было.

— Давай.

Девушка срезала часть его одежды и сбрызнула рану холодной ароматной жидкостью, которая будто дождем погасила бушующий пожар. Юноша облегченно выдохнул.

— Сейчас мне нужно очистить рану, — предупредила чародейка.

Несметное число песчинок застряло в его теле. Это будет безумно больно... Разум пронзил ужас, но юноша сжал зубы и промолчал.

Вернулась острая, неистовая боль. Он проглотил крик и приготовился к большему. Но девушка лишь снова окропила его той жидкостью, что ощущалась на спине словно слезы ангелов, и сказала:

— Готово. Времени мало, так что я вытащила все песчинки за раз.

Он бы выразил ей свою благодарность, но из-за сильной дрожи не мог вымолвить ни слова.

Чародейка слой за слоем накладывала на рану различные мази, потом протянула юноше пригоршню гранул:

— Серые придадут сил, красные снимут боль, иначе совсем не сможешь двигаться.

Он проглотил их все.

— Не шевелись минуту, лекарства должны подействовать. Потом двинемся дальше.

— Спасибо, — выдавил он.

— Ну надо же! Думала, никогда от тебя такого не услышу.

Раскладывая мешочки в сумке, она проверила и перепроверила все этикетки с дотошностью библиотекаря, что расставляет книги по полкам в соответствии с крайне строгими справочными нормами.

Теперь, когда уже было известно, что маг стихий — девушка, казалось ужасной глупостью вообще принять ее за мальчика. Да, у нее короткие волосы, мужская одежда и слегка хрипловатый голос, но без сомнения... Юноша мысленно покачал головой, дивясь своей недогадливости.

Чародейка поймала его за разглядыванием и нахмурилась — получилось весьма грозно.

— А что за холодная штука у тебя под одеждой?

Только теперь он почувствовал холод где-то рядом с сердцем — раньше и это, и все остальные ощущения заглушала боль в спине. Юноша осторожно сунул руку под пиджак. И пальцами наткнулся на что-то ледяное.

Медальон. Вытащить его оказалось сложновато, но наконец шнурок был сорван с шеи.

Половина овала. И явно где-то есть вторая часть. Но где? У кого? И не значит ли этот обжигающий холод, что она далеко, очень далеко отсюда, может, даже на другом континенте?

Он выпрямился и проверил свою порванную одежду — пиджак, жилет, рубашку. Судя по вшитым этикеткам, все вещи сделаны портным с Сэвил-Роу в Лондоне.

Юноша выудил перочинный ножик, что использовал раньше, и разглядел на рукояти гербовый щит с драконом, фениксом, грифоном и единорогом по сторонам. В жилете обнаружили часы из прохладного серебристо-серого металла, на которых было выгравировано то же самое. Во внутреннем кармане пиджака лежал кошелек все с тем же гербом, а в нем — немного немагической наличности, британской, судя по монетам. Но что более важно, там оказалось и несколько карточек с уже знакомым щитом с одной стороны и словами «Его высочество принц Тим Сакс-Лимбургский» с другой.

«Я тот самый принц Тим? И что еще за Сакс-Лимбург?» В магическом мире не было королевств и княжеств с таким названием. И насколько юноша знал, в немагическом тоже.

Чародейка протянула ему тунику из своей сумки. Он уничтожил порванную одежду, убрал медальон в кошелек и рассовал все находки по карманам брюк. Неприятное ощущение обожгло спину, стоило поднять руки, чтобы натянуть тунику, но юноша стерпел. Чародейка бросила ему бурдюк. Он выпил чуть ли не половину воды, вернул бурдюк и указал на порванный ремешок ее сумки:

— Могу починить.

— Давай, если это успокоит твою совесть.

Он соединил две половинки лямки:

— С чего ты взяла, что у меня есть совесть?

— И правда что! И когда я перестану быть такой простофилей? — Чародейка расширила свободное пространство вокруг них и поднялась. — *Linea orientalis!*

Под ногами слабо засветилась линия, бегущая на восток.

— Куда ты направляешься? — спросил юноша.

Звучало куда лучше, чем «Где мы?». Не хотелось демонстрировать, что он понятия об этом не имеет.

— К Нилу.

Значит, они в Сахаре.

— Как далеко мы от Нила?

— А ты как думаешь?

В ее глазах сиял холодный вызов. Юноша вдруг осознал, что ему нравится смотреть на нее — черты лица чародейки вызвали эстетическое удовольствие. Но более всего ему нравилась ее уверенность — теперь, когда больше не надо было с ним любезничать.

— Мне не хватает знаний, чтобы предполагать.

В ответ на это признание его смерили внимательным взглядом:

— Мы в тысяче верстах к западу от Нила.

— А как далеко к югу от Средиземного моря?

— Примерно так же.

Значит, они в паре сотен верст на юго-запад от ближайшего Бедуинского королевства — союзника Атлантиды. И бронированные колесницы, должно быть, с местной военной базы атлантов, иначе не смогли бы появиться так быстро.

Но зачем? К чему такая спешка? *«Может, по тем же причинам, по которым и ты готов стерпеть любую боль, лишь бы не попасться?»*

Юноша встал и закачался бы, если б не уперся рукой в стену влажного на ощупь песка.

— Сможешь идти? — спросила чародейка со стальными нотками в голосе.

— Да.

Он ожидал, что она ответит что-нибудь резкое, вроде: *«Начнешь отставать, и я с радостью тебя брошу»*. Но девушка лишь протянула ему питательный батончик:

— Дай знать, когда понадобится отдых.

Грудь затопило странное чувство, в котором юноша не сразу опознал смущение. Почти досаду. Конечно, еще существовала мизерная вероятность, что все касающееся этой чародейки — лишь притворство. Но с каждой секундой становилось все яснее, что она и правда просто очень порядочный и отзывчивый человек.

По вкусу батончик напоминал слегка ароматный воздух.

— Полагаю, это тоже отравлено? — заметил юноша после укуса.

Уголки ее губ чуть дрогнули.

— Разумеется.

Девушка продолжила «раскопки», двигаясь вдоль созданной ею линии и сохраняя вокруг себя достаточно места, чтобы идти рядом. Вдыхаемый воздух казался прохладным и даже чуточку влажным. Хрустящие под ногами крупинки едва заметно блестели. Над головой и по бокам щита струился песок, вызывая легкое головокружение. *«Будто в подводной лодке бороздишь темные недра странного океана»*.

Быстрая проверка показала, что они в сорока аршинах под поверхностью пустыни. Передвижной купол — даже несокрушимо твердый — не способен выдержать вес такого количества песка. Только стихийная мощь чародейки спасала их от погребения заживо.

Ее лицо было почти белым от напряжения, взгляд полузакрытых глаз устремлен вниз. При свете магического огня волосы отливали сине-черным, а стрижка привлекала внимание к точеному лицу и полным губам.

Чародейка глянула на него. *«Хватит пялиться»*. Юноша переключился на свою волшебную палочку, в которой узнал копию Валидуса, принадлежавшего Титу Великому. Вступая во взрослую жизнь, маги обычно делают себе оригинальные палочки на заказ, а до этого им часто дарят копии инструментов легендарных архимагов.

Толку от открытия никакого. Ну разве что теперь ясно: юноша, скорее всего, еще несовершеннолетний, и кто-то из его родни обожает Тита Великого.

— Ну и как, подсказала ли палочка, кто ты? — спросила чародейка.

От него не ускользнул смысл ее вопроса. *«Подсказала ли палочка, кто ты?»* Подразумевалось, что иначе он не знает, кем является. Что совпадало с действительностью, но едва ли кто-то мог сделать подобный вывод через несколько минут знакомства, если только...

Если только и она сама ничего о себе не помнит.

Юноша достал из кошелька одну из карточек. Чародейка внимательно оглядела ее со всех сторон, шепча заклинания, дабы выявить скрытые надписи. Но карточка оставалась

прежней: обычной, прямоугольной, немагической.

— А у тебя есть что-нибудь, что подсказало бы тебе, кто ты? — задал тот же вопрос юноша.

Чародейка на мгновение словно задумалась, хочет ли отвечать, потом полезла в карман и... замерла. Он тоже это услышал. Что-то большое и металлическое приближалось к ним сзади, со скрежетом дробя горную породу.

Англия

— Смотри. — Иоланта вынула из ящика стола фотографию в рамке и протянула ее Уинтервейлу.

Тут же, в комнате Фэрфакса, находились и Купер с Титом. Сегодня был короткий день, и они только что вернулись с занятий. До полдника оставалось еще несколько часов, но Иоланта предложила угостить друзей пирогом с Хай-стрит, а пансионеры миссис Долиш от еды никогда не отказывались.

— Хорошенькая! — присвистнул Уинтервейл.

Купер, взяв у него рамку, согласился:

— Симпатичная.

— Я с ней целовался, — объявила Иоланта.

Тит, разглядывавший печенье в коробке, даже не поднял головы:

— Я убил больше драконов, чем ты целовал девушек, Фэрфакс.

— А сколько драконов вы убили, ваше высочество? — восторженно спросил Купер.

— Ни одного.

Уинтервейл ткнул Иоланту локтем в бок:

— Фэрфакс, мне кажется, принц оскорбляет твою мужественность.

— Мой дорогой Уинтервейл, принц только что признался, что за всю жизнь не одолел ни одного огнедышащего зверя. Разве возможно, чтобы *он* оскорбил *мою* мужественность?

Тит посмотрел на них с понимающей улыбкой, и кожу Иоланты словно опалило жаром.

Купер сунул фотографию Титу:

— Принц, не желаете поглядеть на девушку, которую целовал Фэрфакс?

Тот едва удостоил снимок взглядом:

— Обыкновенная.

— Его высочеству завидно, потому что он сам бы хотел ее поцеловать, — заявила Иоланта.

— Я не целуюсь с простолюдинами, — парировал Тит, глядя ей прямо в глаза.

А ведь в ней совершенно точно не было ни капли аристократической крови. И он совершенно точно целовался с ней при каждой возможности.

— Тогда понятно, почему ты всегда не в духе, — съязвила Иола.

Остальные рассмеялись.

Дверь распахнулась и в комнату просунулась голова Сазерленда.

— Джентльмены, прекрасные новости: нас ждут сутки дебоша.

— Каждые сутки в моей жизни проходят в дебоше, — сказал Тит, снова вернувшись к печению. — Можешь предложить что-нибудь получше?

Сазерленд растерялся. Он был одним из тех, кто считал Тита незначительным европейским князьком, правящим полуразвалившимся замком и клочком земли, но после событий четвертого июня стал относиться к нему с большим почтением. А теперь, стоя в дверях, лишь недоуменно моргал, не зная, что сказать.

— Не слушай его, Сазерленд. Его высочество в дебошах преуспел не больше, чем в убийстве драконов, — успокоила Иоланта. — Давай же, поведай о своих новостях

подробнее.

Сазерленд смущенно прокашлялся:

— У моего дяди есть дом на берегу, в Норфолке. Он согласился предоставить его мне, чтобы я пригласил друзей. Можем съездить туда на субботу и воскресенье — поиграть в крикет, поохотиться, поубавить очень славную коллекцию коньяков.

Уинтервейл тут же вскочил:

— Я еду!

— А остальные? — Сазерленд обвел рукой комнату.

— Тоже, конечно, — ответил за всех Уинтервейл.

— Отлично. Я попрошу дядю написать миссис Долиш, что он обеспечит нам должный надзор и подходящие занятия, укрепляющие душу и тело.

— В число которых, как я понимаю, входит убавление его весьма славной коллекции коньяка? — уточнила Иоланта.

— Именно! — подмигнул Сазерленд. — И если Кашкари вернется вовремя, передайте ему, что он тоже приглашен.

Он удалился, следом, прикончив запасы пирога, ушли и Уинтервейл с Купером. Тит остался, и, не спеша доедая булочку, смотрел на Иоланту с другого конца комнаты.

Вероятно, за лето он раздался в плечах и, пожалуй, чуть-чуть подрос. Но глаза оставались все теми же — и юными, и древними. А когда он так смотрел, только на нее... Иоланту снова бросило в жар.

Они целовались, когда только могли, но могли гораздо реже, чем ей хотелось. Она запирала дверь, только когда переодевалась или принимала ванну, и мальчики привыкли влетать в комнату сразу после стука, не дожидаясь ответа — а приходили к ней постоянно. Начни Иола запираться сейчас, так кто-нибудь вроде Купера мог при всех поинтересоваться, в чем дело.

В комнате принца безопаснее, но в последнее время его трудно было там застать: он сооружал новый вход в свою лабораторию, свернутое пространство, в которое сейчас удавалось проникнуть только через маяк в семи с лишним сотнях верст отсюда — слишком далеко, чтобы Иоланта могла перескакивать туда-обратно за день.

Но когда Тит закончит, она сможет попадать в лабораторию из бывшей пивоварни всего в нескольких верстах от Итона. Там они будут только вдвоем и в безопасности. Не говоря уже о том, что там лежит Горнило.

И думалось ей, в Горниле они будут не только целоваться.

— Что ты затеяла? — Тит подбородком указал на фотографию, оставленную Купером на столе. — Что это за девчонка?

— Девчонка, которая спасет твою шкуру.

Выражение его лица изменилось — он понял, что это сама Иоланта. Благодаря заклинанию неповторимости ее нельзя было изобразить похоже, но что, если сфотографировать? Она проверила, и на снимке красовался совершенно другой человек.

Подняв рамку, Тит изучил снимок девушки с точеными чертами лица, широко расставленными глазами и в модном тюрбане.

— Где ты ее сделала?

— Тенерифе на Канарских островах. На пути в Кейптаун.

Пароход полдня простоял в порту, пополняя припасы. Иола сошла на берег, погуляла, увидела студию фотографа и решила немного развлечься.

— Пожалуй, стоит пересмотреть свою позицию по поводу поцелуев простолюдинок, — сказал Тит.

— Приятно, что ты не скован предрассудками, — тихо ответила Иоланта.

Он снова смотрел на нее:

— Мне пора.

Она решилась:

— Ты выбрал место? Место в Горниле?

Где они смогут не только целоваться.

Он провел пальцем по спинке стула:

— Ты бывала в «Королеве Времен Года»?

— Нет.

В Горниле очень много сказок.

Тит не поднимал глаз:

— У нее есть летняя вилла.

Иола медленно подошла и положила руку на его черный кашемировый жилет, выглядывавший из-под форменного пиджака:

— Ты украшаешь для меня летнюю виллу?

Их взгляды встретились.

— Что, если и так?

— Просто помни, — улыбнулась она, — нигде никаких лепестков.

По лицу Тита пробежала тень смущения, но тут же исчезла.

— Я что, похож на того, кто будет где-то разбрасывать цветы?

— Да. — Иоланта улыбнулась еще шире. — Судя по твоему виду, ты можешь считать пару мешков розовых лепестков верхом романтичности.

Он притянул ее к себе для поцелуя на целых полсекунды:

— Ничего не обещаю.

И исчез, оставив ее одну, со все еще горящими губами.

* * *

На следующий день пополудни была первая тренировка по крикету.

Иоланта переделалась в форму и постучала в дверь Уинтервейла. Никто не ответил. Странно — ей казалось, что они собирались идти на тренировку вместе. А Уинтервейл к такому относился серьезно.

Она постучала еще раз:

— Уинтервейл! Ты там?

Раздался глухой звук, будто кто-то тяжело спрыгнул со стула. Она уже собиралась постучать еще, когда дверь раскрылась.

— Где принц? — нетерпеливо спросил Уинтервейл без предисловий.

— Ушел погулять. Я могу тебе чем-то помочь?

Губы еще договаривали слова, когда Иоланта увидела за его спиной незакрытую дверь платяного шкафа и поняла: вероятно, мать вызывает Уинтервейла домой. Обычно он добирался туда через портал в шкафу, но леди Уинтервейл перекрыла переход в июне, после того, как им без спросу воспользовалась Иоланта.

Ирония ситуации заключалась в том, что дальность скачков позволяла ей перенести

друга к его дому в Лондоне. Но Иола не смела раскрыть ему свою тайну.

Уинтервейл запустил руку в волосы:

— Нет, мне нужен именно Тит.

— А, Уинтервейл, вот ты где, — сказала миссис Долиш, слегка запыхавшись после подъема по лестнице. — Я получила телеграмму от твоей матери. Ты срочно нужен дома. Я уже послала за экипажем, тебя отвезут на станцию. Доберешься до места часа за полтора.

Уинтервейл застонал:

— Полтора часа? Целая вечность! Если б только мне лучше удавались скачки!

— Что? — спросила миссис Долиш.

— Что? — повторила и Иоланта, поскольку ей не полагалось понимать таких слов.

Уинтервейл покачал головой, будто укоряя себя:

— Ничего. Благодарю, миссис Долиш. Я спущусь тотчас же. Фэрфакс, можешь извиниться за меня перед Уэстом? Я, скорее всего, не вернусь до ужина.

— Конечно.

Иоланта проводила его до ждавшего внизу экипажа, а потом в одиночку зашагала на тренировку. И уже приближаясь к полю, услышала чей-то оклик и обернулась.

Юноша лет девятнадцати, тоже в форме, высокий, длинноногий и стройный. Темно-русые волосы коротко стрижены, над губой вполне впечатляющие усы. Черты лица хотя и недостаточно правильные, чтобы назвать его классически красивым, но тем не менее весьма привлекательные.

Иола не сразу его узнала — раньше она его видела без усов и с волосами подлиннее.

— Уэст! Как раз тебя я и ищу. Уинтервейлу пришлось уехать по срочным семейным делам, он хотел, чтобы ты знал.

Уэст, как и Уинтервейл, был членом школьной команды в прошлом летнем семестре. То, что в команду попал Уинтервейл, взбудоражило весь пансион миссис Долиш. Однако Уэст игрок посильнее. Все ожидали, что именно он станет капитаном следующим летом.

Иоланта уже встречалась с ним во время школьного турнира. Ее команда проиграла, но матч удался, до самого конца было неясно, кто же победит.

Уэст протянул руку для приветствия:

— Надеюсь, ничего страшного не случилось.

— Думаю, нет, но его мать предпочитает, чтобы он был дома, когда она плохо себя чувствует.

Минуту-другую они шагали молча, потом Уэст спросил:

— Вы с Титом из Сакс-Лимбурга друзья, правда?

До четвертого июня, по мнению Иоланты, даже большинство пансионеров миссис Долиш были не в состоянии вспомнить название выдуманного прусского княжества, считавшегося родиной Тита. Но с того дня Иоле уже не раз приходилось отвечать на расспросы мальчишек: все видели величественных родственников принца, явившихся в школу, и им стало любопытно.

— Да, мы живем в соседних комнатах.

— Он кажется интересной личностью.

Отвечать не потребовалось — они дошли до питча и тренер по крикету подозвал Уэста поговорить. Но да, ее принц был бесконечно интересной личностью.

Бейкрест-хаус, имение дяди Сазерленда в Норфолке, стоял на высоком мысе, выдающемся в Северное море.

Мальчики пришли в полный восторг. Особенно Купер, который с воплями носился вверх и вниз, будто никогда в жизни не видел моря — или уж, если на то пошло, и дома.

Остальные ребята и Иоланта как раз собирались перекусить, когда Купер крикнул с верхнего балкона:

— Джентльмены, прибыл наш друг с субконтинента!

Иоланта с принцем переглянулись. Кашкари ей нравился. Кроме того, она была весьма благодарна ему за оказанную им с Титом помощь. И все же перед новой встречей с индийцем нервничала, и сильно: он внимательно слушал, и его пронизательные глаза ничего не упускали.

Но к этому семестру она подготовилась лучше. За лето путешествий на пароходах перечитала немало книг из их библиотек, особенно обращая внимания на те, что касались политической географии Британской империи. А вернувшись на английский берег, ежедневно читала «Таймс». Когда было время, просматривала и «Дейли Телеграф», и «Иллюстрированные новости Лондона», и даже «Манчестер Гардиан» — временами Иоле казалось, что ни к одному экзамену в своей жизни она не готовилась так старательно, как к возвращению Кашкари.

Он выглядел все так же — волоокый, красивый, элегантный. Но через четверть часа напряжение начало отпускать Иоланту. Парень, пришедший в Бейкрест-хаус, будто и не обладал той обостренной наблюдательностью, которой она так страшилась.

Когда в ответ на его вопрос про каникулы и семью она рассказала, мол, Фэрфаксы получили наследство и продали ферму, Кашкари только кивнул и заметил, что они вовремя покинули Бечуаналенд, до того, как враждебность между англичанами и бурами вылилась в открытую войну.

И тут же справился про Уинтервейла:

— Кто-нибудь знает, что там стряслось с Уинтервейлом? Миссис Хэнкок сказала, он отправился домой в начале недели и до сих пор не вернулся.

— Да, — подтвердил Купер. — Так торопился, что даже бросил недоеденной булочку — а ты прекрасно знаешь, это не в его характере.

— Кто-нибудь видел, как он уезжал?

— Я видел, — сказала Иоланта.

На сей раз Кашкари посмотрел на нее внимательнее:

— Каким он выглядел?

— Раздосадованным, но явно не убитым горем.

Иоланта ждала, что Уинтервейл вернется через день. Когда прошло два, а он так и не показался, она забеспокоилась. Однако Тит заверил, что Уинтервейлу порой приходится и на неделю отлучаться, когда его матери нужно.

— Но он ведь должен вскоре появиться? — чуть помрачнев, спросил Кашкари.

— Не удивлюсь, если он завтра приедет прямо сюда. Ты же знаешь Уинтервейла, по своей воле он такое не пропускает, — влез Сазерленд. — Но вернемся к собственным делам, джентльмены. Как насчет того, чтобы спуститься на пляж, развести костер и рассказывать в темноте истории о призраках?

Купер разве что не взвизгнул:

— Обожаю истории о призраках!

Тит покосился на него. Он всегда смотрел на Купера как на спаниеля, каким-то образом ухитряющегося общаться на человеческом языке, но сейчас, кажется, начинал проявлять к нему немного благосклонности.

Однако заговорил он как великий принц, кого дела простых смертных совершенно не волнуют:

— Простолюдины со своим энтузиазмом! А где же обещанный коньяк?

Когда они направились на пляж, уже вечерело. Ветер с моря стал сильнее и громче. Над головами кружили чайки, пытаясь в тающем свете ухватить последний кусочек ужина.

Иоланта, собирая плавняк, не удержалась и тряхнула головой: величайший стихийный маг поколения, которому нельзя щелкнуть пальцами и вызвать столб пламени! К тому времени, как они развели костер и жир с колбасок начал капать в огонь, совсем стемнело, появились первые звезды, словно булавочные точки на чернильном небе.

Повествования о призраках начались с посещения Купером заколдованной хижины, а продолжились рассказами о том, как дядя Сазерленд побывал на особенно жутком спиритическом сеансе, и как настойчивый дух преследовал прадеда Кашкари, пока тот не отстроил заново дом, сожженный во время фестиваля огней. Вкладом Иоланты стала байка, вычитанная в газете. Тит, удивив ее — и, вероятно, всех остальных, — поведал леденящую кровь историю про некроманта, собравшего армию мертвецов.

Когда все страшилки были рассказаны, а все принесенные с собой колбаски зажарены и съедены, Сазерленд вытащил еще бутылку коньяка. Иоланта и принц только подносили ее к губам, но не пили — во что угодно с сильным вкусом можно подмешать сыворотку правды или другое опасное зелье. Все остальные прикладывались с большим или меньшим усердием. В частности, Кашкари поразил Иоланту, отхлебывая без стеснения — она полагала, что он если и пьет спиртное, то очень умеренно.

Все притихли, и так и молчали. Ребята смотрели на огонь. Иоланта наблюдала за игрой света и тени на их лицах, уделяя особое внимание Кашкари. Тит тоже сосредоточился на нем.

Что-то с Мохандасом было не то.

— Не знаю, что буду делать, — вдруг ни с того ни с сего начал Купер. — Отец ждет не дождется, когда я начну работать в его адвокатской конторе. А я, кажется, никогда не смогу сказать ему, что право меня совершенно не интересует.

Иоланту неожиданный поворот беседы ошеломил.

— А чем ты хочешь заниматься?

— В том-то и дело. Понятия не имею. Не могу же я пойти к родителю и заявить: «Извини, папочка, не знаю, что мне нравится, но твое дело точно ненавижу». — Он схватил протянутую бутылку. — Тебе, Сазерленд, по крайней мере можно не выбирать профессию. Тебя ждет графство.

Сазерленд фыркнул:

— Ты его видел, это графство? Еще немного, и одни руины останутся. Мне придется жениться на первой же согласной наследнице, и, скорее всего, следующие лет пятьдесят мы с ней будем друг друга ненавидеть.

Теперь все с ожиданием смотрели на Иоланту. Она начала понимать: спиртное было сывороткой правды немагов — разве что они принимали его добровольно и делились под его влиянием тем, что не могли заставить себя произнести трезвыми.

— Я, наверное, недолго задержусь в школе. Родители решили, что после кругосветного путешествия купят ранчо на американском Западе, а именно, в Вайоминге. И чувствую, они захотят, чтобы я поехал к ним, помогать.

Так они с Титом договорились объяснять, если придется, вероятное внезапное исчезновение Фэрфакса из школы.

— Я тоже не задержусь, — сказал Тит. — Дома враги на мой трон нацелились.

Его слова вызвали дружный вздох; громче всех, естественно, охнул Купер.

— Но переворота же не будет? — неуверенным голосом спросил он.

— Кто знает? — пожал плечами Тит. — За моей спиной плетутся всяческие интриги. Но не волнуйся, Купер. Что принадлежит мне, моим и останется.

Купер покачулся. Иоланте даже показалось, что он может свалиться под влиянием одновременно коньяка и волнения — редко Тит обращался к нему не с приказом освободить помещение.

Но тут Купер выпрямился, и мальчики обернулись к Кашкари, который знаком попросил передать ему бутылку:

— Если бы этот разговор состоялся до того, как я поехал домой на каникулы, я бы поднял руки и сказал: «Извините, ребята, мне, если честно, не на что жаловаться». — Он глотнул коньяка. — Но потом я приехал домой как раз вовремя, чтобы отпраздновать помолвку брата. Как оказалось, мой брат собирается жениться на девушке моей мечты.

Иоланта поразила. Даже не самим откровениям Кашкари, а тому, что он поделился чем-то настолько личным. Конечно, она знала его всего несколько месяцев, но ничто в нем ни в малейшей степени не предполагало, что он из тех, кто раскрывает душу.

— Боже мой, — пробормотал Купер, — мне так жаль.

— Ты выразил мои чувства. — Кашкари мрачно улыбнулся и снова поднял бутылку: — За жизнь, которая рано или поздно даст тебе в зубы.

* * *

Летняя вилла Королевы Времен Года стояла на узком полуострове, врезавшемся в глубокое, питаемое ледниками озеро. Солнце только что показалось над окружавшими озеро пиками; вода была почти того же цвета, как и роскошный плющ, увивавший стены кремowego дома.

Тит стоял на террасе с видом на озеро под увитой лозами колоннадой, с которой свисали гроздья янтарных цветов.

Все здесь выглядело прекрасно и рано утром, и при свете луны. Ни одно место не могло быть достаточно совершенным для Фэрфакса, но это — почти совершенно.

«И жили они долго и счастливо».

Из Горнила он вышел в более обыденную обстановку лаборатории. После того, как они с Фэрфаксом, подпихивая и подталкивая, довели сильно опьяневших ребят обратно в дом, Тит отправился работать. Мальчики вряд ли проспят раньше полудня, а он хотел поскорее закончить сооружение нового входа.

Мало ли что случится завтра. Особенно с ним.

Тит зевнул. Было уже почти девять утра. Он вышел из лаборатории в заброшенный хлев в Кенте. И оттуда быстро перескочил в свою комнату в Бейквест-хаус.

Фэрфакс сидела там, ждала его, перелистывая страницы снятой с полки книги — из

почтения к его положению, Титу выделили лучшую комнату в доме, с отдельной ванной, широким балконом, выходящим в сторону моря, и двумя полками книг в кожаных переплетах.

— Готов? — спросила она, имея в виду новый вход в лабораторию.

— Почти. Нужно выждать еще примерно сутки, и останется последний этап.

— Я скучаю по Горнилу, — вздохнула Фэрфакс. — С тех пор, как я была в нем, уже три месяца прошло.

После четвертого июня Тит держал свою копию Горнила в лаборатории, чтобы Атлантида не смогла ее конфисковать. В монастыре среди Лабиринтных гор хранилась еще одна копия, но летом ни одному из них не удалось там побывать.

— Осталось недолго.

— Много цветов разбросал? Небось, несколько мешков? — поддразнила Фэрфакс.

Бочек.

— Не скажу.

— Ладно, я же не ради декора туда собираюсь, — ухмыльнулась она. — Ложись спать.

У тебя усталый вид.

Тит упал спиной на кровать:

— Старею. Раньше, бывало, не спал ночами и от этого только лучше выглядел.

— Зеркала тебе лгали. — Фэрфакс накрыла его одеялом.

Взяв ее за руку, он поцеловал подушечки пальцев.

— Спасибо тебе. За все.

— Ну что тут скажешь? — Голос доносился уже словно издалека. — Эта дама любит спасать принцев в беде.

Тит улыбнулся и провалился в сон.

И когда проснулся, все еще улыбался.

Ему привиделось, что они вдвоем сидят на декоративном парапете на террасе летней виллы Королевы Времен Года. И вместо того, чтобы целоваться, Фэрфакс рассказывает ему какую-то длинную мудреную шутку.

Проснулся Тит от смеха — хотя сейчас, открыв глаза, не мог вспомнить, что же она сказала.

И тут же услышал ее через оставленное приоткрытым окно. Она снаружи разговаривала с Купером. Шум прибоя и ветер не давали разобрать слова, но ясно было, что Фэрфакс рядом, в безопасности, в хорошем настроении.

Тит сел и рукой оперся на что-то твердое на кровати — брошенную ею книгу. Взгляд упал на небольшие, богато украшенные часы на подоконнике: четырнадцать минут третьего.

Интересно. Именно в это время, согласно предсказанию матери, он увидел проявление стихийной магии, изменившее жизни всех с ним связанных. Из-за этого предсказания Тит всегда, когда находился в замке, после обеда ложился в постель, и Далберт будил его точно в четырнадцать минут третьего, чтобы все случилось до последней мелочи так, как предрешено.

Тит вышел на балкон, на свежий ветер с моря. На горизонте собирался шторм, но здесь погода была еще солнечной и теплой — по крайней мере, настолько, насколько может быть теплой погода в начале осени на берегу Северного моря. Внизу на газоне Купер и Фэрфакс играли в крокет. Оба помахали ему, приветствуя. Тит царственно кивнул в ответ.

— Не хотите ли присоединиться к нам, ваше высочество? — крикнул Купер.

Уже собравшийся ответить Тит почувствовал, что его палочка вдруг нагрелась. И начала ритмично менять температуру, становясь то горячей, то прохладной: палочка передавала призыв о помощи. И не простой, а корабельный, сигнал о бедствии на воде.

Где-то рядом есть корабль магов?

— Минут через пять, — отозвался Тит.

Он смотрел на море, но никаких судов не видел. Фэрфакс тоже искала. Она, видимо, почувствовала сигнал его запасной палочки, которую носила в сапоге.

Тит наложил заклинание дальнорюкости — и был потрясен. В семи верстах, посреди Северного моря, плыл атлантический корабль. Нет, совсем не боевой, но гораздо крупнее патрульных катеров. Корвет для преследования в море.

Кого он догоняет?

Обнаружить шлюпку, удирающую от корвета, удалось через несколько секунд.

Тита ждало еще одно потрясение: единственным пассажиром шлюпки оказался Уинтервейл.

Пустыня Сахара

Что бы там их ни нагоняло, было оно большое и двигалось быстро.

Тит повернулся к чародейке:

— Можешь проломить камень?

На лице ее отразилось сомнение, но она лишь задула волшебный огонек, что освещал их путь, и ответила:

— Посмотрим. Держись за меня.

Он обхватил ее руками. Они спустились где-то метр по песку, а потом, помедленнее, в скалу вниз, что растрескивалась у них под ногами. Обломки вылетали наверх, освобождая им место.

Как раз вовремя: сверху прополз странный агрегат, царапая скалу, словно гигантский стальной гребень. И между зубцами всего полпальца — никак не проскользнуть.

— Как думаешь, насколько быстро эта штука движется? — спросила девушка, снова зажигая свет.

Тит запоздало осознал, что по-прежнему ее обнимает, и отпустил:

— Верст двадцать в час.

Проделанная в камне щель была так узка, что они по-прежнему стояли нос к носу. Кожа чародейки в магическом сиянии казалась голубоватой, а песчинки на переносице — крошками лазурита.

— Они ищут в круге радиусом в полторы версты, — начала рассуждать она. — Неводу требуется шесть минут, чтобы добраться от центра до края, и еще столько же, чтобы вернуться обратно. В зависимости от того, как далеко мы от центра, у нас до новой встречи с ним есть пять или шесть минут.

Тит покачал головой:

— Бригадир сказала, что один невод движется внутрь, другой наружу. Они, вероятно, встречаются на полпути и меняют направление. У нас будет всего две-три минуты, не больше, прежде чем гребенка вернется назад.

Девушка нахмурилась. Неразумно, не говоря уже о том, что опасно, останавливаться каждую пару минут и пробивать дыру в камне.

— В таком случае, мне лучше проделать туннель в камне. Ты сможешь проползти милю?

— Могу, но в этом нет нужды. Мы можем левитировать друг друга.^[5]

Она, кажется, почти впечатлилась его сообразительностью.

— Так и сделаем.

Проделав горизонтальный проход на сажень под песком, девушка вползла в него на животе. Тит влез следом ногами вперед и лицом вверх так, что подошвы их ботинок соприкоснулись. Заклинаниями они подвесили друг друга на ладонь над полом, и ручеек колотого камня заструился под ними в противоположную сторону. Каждые секунд пятнадцать Тит перемещал их обоих вперед, оттолкнувшись от стен туннеля.

Они постепенно продвигались под скрежет проходившей над ними туда-обратно гребенки. Через полчаса чародейка расширила туннель настолько, что получилось сесть и

отдохнуть. Тит жадно глотал воду из данного ему бурдюка, удивленный тем, насколько хочется пить, хотя внизу было прохладно, как в погребе.

Его часы измеряли не только время, но и расстояние. Он показал девушке, что они прошли примерно две трети версты с тех пор, как в первый раз опустились с поверхности.

Она кивнула и спросила:

— Как ты?

Рана болела беспрестанно и ощутимо. Но по сравнению с прежними мучениями боль была пустяковой.

— Нормально. А ты?

Чародейка, кажется, удивилась:

— Я-то отлично, конечно.

Рядом с ней появился крошечный шарик воды и, неспешно крутясь в воздухе, начал расти. Ныне стихийники чаще развлекали народ на вечеринках, чем занимались чем-то существенным. Ее же способности, с другой стороны...

— Ты собиралась что-то мне показать, когда нас догнал невод, — напомнил Тит.

— А, это. — Девушка вытянула из кармана визитную карточку.

Он рассмотрел надпись. «А. Г. Фэрфакс»

— Не возражаешь, если я буду так тебя называть?

— Давай, — пожалала она плечами. В ее взгляде снова засветился вызов. — Должна ли я в ответ обращаться к тебе «ваша светлость»?

— Принца можно так называть, но обращаться к нему следует «ваше высочество». Например: «Ваше высочество, было честью ползти с вами по тесному душному туннелю».

Чародейка фыркнула, но добродушно. Водяной шар за это время раздулся. Забрав у Тита бурдюк, она вновь наполнила его и положила обратно в сумку. А затем подняла лицо, их взгляды встретились, и он только тогда понял, что все это время не сводил с нее глаз.

— Ваше высочество, — полунасмешливо произнесла девушка, — разрешите ли мне выкопать вам еще полверсты прохода?

— Несомненно, дозволим, — отозвался Тит, возвращая карточку. — Когда мы снова будем сидеть на троне, мы вспомним о твоих преданности и усердии и вознаградим тебя

Она покачала головой, словно осуждая его высокопарность, но уголки губ поползли вверх. Тит же поразился, когда, несмотря на окружавшие их опасности и неизвестность, пришел в полный восторг от того, что сумел вызвать ее улыбку.

* * *

В следующую минуту они обнаружили, что не могут снова левитировать друг друга.

— Наверное, наши заклинания уже почти истощились к моменту остановки — мы вряд ли заметили бы это, потому что находились очень близко к земле, — сказал юноша, который то ли был, то ли не был принцем. — Тогда требуется перерыв на четверть часа, а значит, снова мы сможем левитировать, — он взглянул на часы, — минут через семь.

Ему все еще было больно — он держался осторожно и избегал лишних движений. Люди по-разному реагируют на боль: кому-то нужны сочувствие и поддержка, другие предпочитают страдать в одиночестве, без свидетелей. Принц, похоже, принадлежал к последним, к тем, кого раздражают настойчивые доброхоты. Или...

— Ты думал, что это я тебя ранила?

Его вопрос, кажется, позабавил.

— Тебе это пришло в голову только сейчас?

— А с чего бы мне раньше об этом думать? Я этого не делала.

Он вздернул бровь:

— Уверена?

Чародейка осеклась — ведь она и правда не могла знать наверняка. Зато могла вообразить себя мстящей за своего защитника. С другой стороны, его рана нанесена явно не силами стихий.

На что она и указала.

Юноша лишь фыркнул:

— Хочешь сказать, что не умеешь варить зелья?

А умеет ли? Но в памяти тут же начали всплывать всевозможные рецепты: очищающие настойки, отвар бельканто, эликсир света. Девушка потеряла виски:

— А ты знаешь, почему нарядился немагом?

— Я мог быть изгнанником. Моя одежда куплена в Лондоне, в Англии, и я узнал улицу — она известна своими портными.

— Сэвил-Роу? — Название, к ее удивлению, само слетело с языка.

И к удивлению юноши тоже. Он подвинулся — и скривился от боли.

— Откуда ты знаешь?

— Когда ты сказал про улицу в Лондоне, известную портными, название тут же пришло в голову.

«А свое собственное имя вспомнить так и не могу».

— То есть мы сохранили приобретенные знания и умения, — размышлял он, — но не личные воспоминания.

Что подразумевало точные заклинания памяти. Для грубых, заставляющих забыть все подряд, достаточно желания; однако точные контакт-зависимы. Маг, который так аккуратно убирал воспоминания, должен был накопить много часов прямого физического контакта с жертвой, чтобы чары возымели силу.

Для большинства таких заклинаний требовалось тридцать шесть часов контакта; для самых сильных — семьдесят два. Если не считать младенцев, которых носят на руках родные, или любовные пары с их объятиями, маги просто не прикасаются друг к другу настолько часто, чтобы иметь возможность наложить контакт-зависимые чары. Конечно, были и обходные способы накопить требуемые часы, но вообще временной порог гарантировал, что многие потенциально опасные заклинания не будут использоваться как попало из-за мелких обид.

В данном случае, однако, этот порог вызывал неприятные подозрения: значит, память повреждена не врагом, а, вполне вероятно, кем-то, кого чародейка очень, очень хорошо знает.

Этот кто-то убедился, что она по-прежнему будет бояться Атлантиды. И тот, кто наложил заклинания памяти на юношу, сделал то же самое.

— Как ты... ты думаешь, мы друг друга знаем?

Он смерил ее долгим взглядом:

— Как ты думаешь, какова вероятность того, что два совершенно чужих друг другу мага окажутся посреди Сахары в нескольких шагах друг от друга, оба лишённые памяти?

Мысль о том, что их с этим юношей может связывать что-то важное, смущала.

— Но друзья мы или враги, еще предстоит выяснить, — добавил он. И проверив часы, осведомился: — Ну что, двинемся дальше?

Нелепо называть камень мягким, но порода, сквозь которую она прорубала туннель, несомненно, казалась мягче, ею было легче управлять.

Они продвигались быстрее, и стоило бы радоваться, но по мере приближения к границе круга на душе становилось все беспокойнее.

— Мы почти там, — сказал юноша. — Пять-десять саженей, не больше.

Чародейка остановилась.

— С тобой все хорошо? — спросил он.

— Тебе не кажется, что у нас слишком легко получилось?

— Что тебя беспокоит?

Она покачала головой:

— Не уверена. Но бронированные колесницы точно знали, где нас искать; естественно предположить, что солдаты, которые прочесывают круг, знают и о моей власти над стихиями. Они должны бы сообразить, что я могу пройти сквозь камень, и тем не менее ограничились прочесыванием песка.

— Я могу перескочить наверх и проверить.

— Не стоит, слишком опасно.

— Хочешь подождать здесь, посмотреть, что будет?

Она глядела на конец туннеля в локте от ее лица, будто прокопанный зверем со стальными костями.

— Нет. Ладно, давай двигаться дальше.

— Не стоит пренебрегать интуицией.

— Ну, другого способа выбраться отсюда нет, а дожидаться, пока что-нибудь случится, вряд ли разумно.

Камень начал ломаться, конец туннеля чуть-чуть отступил, потом еще немного — девушка снова воспользовалась магией стихий.

— Толкни нас вперед, — сказала она.

Через секунду-другую юноша сделал, как велено.

— Заклинания памяти, которые на нас наложили — весьма изощренные, не находишь? — спросила она, когда они продвинулись еще на пару шагов.

Раньше они помалкивали, пока чародейка дробила камень, чтобы не мешать ей сосредоточиться. Но сейчас ей нужно было отвлечься.

— И весьма противозаконные, — согласился ее товарищ по несчастью.

— Я не понимаю, зачем именно такие. С условием, чтобы мы как следует постарались не попасться в лапы Атлантиды. Разве не легче было позволить нам знать, почему это важно?

— Ты предполагаешь, что наложивший заклинания хотел нам помочь. — Юноша снова толкнул ее вперед. — Но если...

Глубоко внутри головы ударила боль, будто в череп вонзили горящий кол. И вопль, что чуть не оглушил девушку, оказался ее собственным.

Англия

Уинтервейл весь трясся. Губы его двигались, но бранился он или молился, понять было нельзя. А еще он постоянно оборачивался, оглядывался на нагоняющий его вражеский корабль.

Тит выругался. Пять минут назад, спроси его кто-нибудь, он бы ответил, что рискнет чем-либо только ради Фэрфакс. Но он не мог позволить Уинтервейлу так попасться в руки Атлантиды, не тогда, когда все происходит прямо у него на глазах.

Тит набрал в легкие воздуха. Однако прежде, чем успел сделать скачок, Уинтервейл обернулся и направил палочку на корвет.

Поверхность моря словно содрогнулась. Потом стала пугающе ровной, точно идеально натянутая на матрац простыня. А потом у Тита появилось страннейшее ощущение, будто море проваливается. Он не ошибся: появился водоворот, сильнейший поток закрутился вокруг центральной воронки.

Корвет, захваченный краем вихря, пытался выплыть из него. Но водоворот расширялся с пугающей скоростью, воронка все углублялась и расширялась, обнажая дно моря на сотни футов вниз.

Корвет упал в этот огромный кратер. Вода тут же прекратила крутиться, и вся ее разогнанная наружу вращением масса хлынула обратно, раздавив корвет своим весом и силой.

Тит, разинув рот, вцепился в железные перила балкона.

— Фэрфакс, на что ты там уставился? — послышался голос Купера. — Твоя очередь.

Фэрфакс! Водоворот вызван ею? Но она уже смотрела вверх, на него, по виду потрясенная ничуть не меньше.

— Бей, Фэрфакс, твоя очередь, — сказал Тит, напоминая ей, что нужно продолжать притворяться.

А сам вернулся в комнату и наложил свежее заклинание дальнорюкости. Перемещение такого большого количества воды вызвало сильные волны, шлюпку Уинтервейла кидало туда-сюда. Но он, казалось, ничего не замечал. Стоял, обхватив руками мачту, с лицом, мокрым от брызг — или от слез? И вид у него был не растерянный, а радостно изумленный, будто он точно знал, как появился водоворот, поглотивший его преследователей, но ему не верилось, что это действительно случилось.

Шлюпку подбросило на особенно большой волне. Следующая ее перевернула. Тит заскрежетал зубами и перескочил. Как и ожидалось, очутился он в ледяной воде Северного моря, холод впивался в тело словно осколки стекла.

Слепые скачки — парадоксально названные, потому что перескакивать вслепую приходилось с широко раскрытыми глазами, используя для направления визуальные ориентиры вместо личной памяти — отличала крайняя неточность. Тит мог появиться в версте от цели. К счастью, на сей раз он оказался всего в полусотне аршин от перевернутой лодки.

На поверхность вынырнул Уинтервейл, колотя руками и отплевываясь.

— *Eleveris*, — выкрикнул Тит, плывя к нему и не рискуя перескочить еще раз из страха

оказаться только дальше.

Внезапно оказавшись в воздухе, Уинтервейл завопил. Размахивая руками и ногами, он крутился в аршине над волнами будто на вертеле.

Однако так, висая над водой, он хотя бы не утонет. Волны мешали плыть. Мышцы протестовали, но Тит упорно продвигался вперед. Двадцать аршин. Десять. Еще пять.

— Тит! — закричал Уинтервейл. — Слава провидению! Фортуне больше не наплевать на меня.

Тит преодолел последнее разделявшее их расстояние, схватил кузена за руку и перескочил вместе с ним на пляж под домом дяди Сазерленда.

Уинтервейла тут же вырвало.

Тит подождал, пока он закончит, и, закидав рвоту галькой, отвел друга в сторонку. Тот обессиленно рухнул на землю. Тит присел рядом на корточки, почистил его несколькими заклинаниями и проверил пульс и зрачки.

— Что ты пытался сделать? — прохрипел Уинтервейл. — Ты же знаешь, дальность моих скачков меньше версты.

— Не было другого выбора, разве что ты собирался плыть пять миль до берега.

Уинтервейл уже дрожал.

— Жди здесь. — Тит перескочил к себе в комнату, схватил полотенце и сухую одежду, и сразу вернулся обратно на пляж. — Тебе нужно переодеться.

Уинтервейл не мог расстегнуть пуговицы пиджака, пальцы его тряслись.

— *Ехие*, — произнес Тит.

Пиджак слетел. Еще два повторения, и Уинтервейл остался по очереди без жилета и рубашки.

— П-п-потрясающее заклинание, — пробормотал Уинтервейл, стуча зубами.

— Дамы тоже так считают.

Отвернувшись, Тит тем же способом избавил друга от штанов. После снова перескочил в Бейкрест-хаус, чтобы переодеться самому, не переставая при этом оглядывать море в поисках признаков других атлантических судов.

Знакомый стук в дверь застал его за вдеванием пуговиц новой рубашки. Фэрфакс.

— Входи, — позвал он, натягивая сухой жилет.

Она была бледна. Плотно прикрыв за собой дверь, спросила:

— Что происходит? Где Уинтервейл?

Тит всунул руки в рукава пиджака:

— На пляже, передевается. Я выясню, в чем дело.

Фэрфакс подошла ближе:

— *А с тобой* все хорошо?

Он счел вопрос странным, но она взяла его за руку: Тит весь трясся, сам того не сознавая.

— Должно быть, от холода — вода ледяная, — сказал он, вытаскивая склянку с согревающим средством из аптечки, лежавшей в его вещах.

Но, произнося эти слова, думал он не о холодном море, а о мгновениях прямо перед получением сигнала о помощи: как он встал с постели, взглянул на часы, заметил время — четырнадцать минут третьего — и вышел на балкон.

Последовательность действий была ужасающе знакомой. И в дрожь от этого бросало не меньше, чем от промокшей одежды.

Тит притянул Фэрфакс к себе и прижался губами к ее щеке:

— Держи мальчиков с той стороны дома, откуда пляжа не видно. Следи за обстановкой на море. И не делай ничего, что может тебя выдать, например, и думать не смей о том, чтобы просушить мою одежду. Если Уинтервейл в опасности, то и мы тоже.

Уинтервейл уже оделся в сухое, но по-прежнему трясся от озноба. Тит дал ему принесенное лекарство.

— Мне нужно найти тебе место отдохнуть. Подумай хорошенько: знают ли атланты, куда ты направлялся?

— Нет, — хрипло ответил Уинтервейл. — Они не знали даже, кто я такой.

— Абсолютно уверен?

— Да.

Тита его заверения не успокоили, но выбора особого не было.

— Раз так, направляемся в дом дяди Сазерленда.

Уинтервейл побледнел:

— Пожалуйста, только без скачков!

В его состоянии о новом скачке не могло быть и речи, он и так еле держался на ногах. Тит посмотрел на крутой подъем, на шаткие лесенки и вздохнул:

— Ладно, обойдемся без скачков.

Уинтервейл был с ним одного ростом, но на полпуда тяжелее. И, поднимаясь вверх с кузенком на спине, Тит чувствовал себя Атласом, на плечах которого лежит вес всего мира.

— Почему Атлантида преследовала тебя? Мы думали, ты дома, с матерью.

— Они преследовали не меня. И мы были не дома. Мы ездили во Францию. В Гренобль.

Тит перебрался через груды камней к началу следующего пролета лестницы, с усилием удерживая равновесие.

— Гренобль?

Насколько он знал, в этом городе изгнанников почти не было.

— Знаешь, кто такая мадам Пьерридюр?

— Та старушка, что выступала против Атлантиды? Я думал, она умерла.

Мадам Пьерридюр и в самом деле была немолода, но, кроме того, она являлась одним из руководителей восстания в Юре десять лет назад — ее даром стратегии объяснялся ряд блистательных побед повстанцев. Что случилось с ней после подавления той волны бунтов и восстаний, никто не знал. Если она все еще жива, то уже дряхлая старушка.

— Мы все так думали. А потом до матери дошли слухи, что мадам в Гренобле. Мама хотела своими глазами убедиться, что мадам еще жива — они старые знакомые. И хотела, чтобы я лично встретился с мадам, если слухи правдивы. Мы путешествовали под вымышленными именами, селились в гостиницах немагов. До прошлого вечера все шло хорошо. Потом поползли слухи, дескать, мадам остановилась в отеле в центре города. Мы зашли в кафе на той же площади, что и отель. Вокруг оказались одни маги — было слышно, как они шепчутся про мадам Пьерридюр. Мама встала и объявила, что мы уходим. Что дело нечисто, мол, если бы приезд мадам был тайным и известия о нем передавались только по проверенным каналам, то в месте, где изгнанники почти не живут, не могло собраться столько магов. Мне бы послушаться. Но вместо этого... — Уинтервейл глубоко вздохнул.

Тит ясно представил себе выражение лица друга.

— Вместо этого я сказал, что нужно остаться, что мы можем пропустить историческое событие. Посреди спора мама замолчала и просто схватила меня. И тогда я заметил, что

маги на дальнем конце площади падают замертво. А потом посмотрел наверх и увидел бронированные колесницы.

Тит напрягся. Появление бронированных колесниц обычно оказывалось роковым моментом повествования.

— Перескакивать мы не могли, поэтому побежали, — сдавленным голосом продолжал Уинтервейл. — Вернись мы обратно в гостиницу, наверное, ничего бы и не случилось. Но человек на углу закричал, что знает сухой док и может быстро доставить нас в Англию. [6] Около двадцати человек последовало за ним в дом на окраине Гренобля. Мы столпились на судне, стоявшем в подвале. В следующую секунду оно оказалось в море, и мы все сочли, что избежали опасности. Но не прошло и пары минут, как сзади показался фрегат Атлантиды. На борту царил хаос. Мама спросила, где находится дом дяди Сазерленда — я давно рассказал ей, что пропускаю ради нее вылазку. Я сказал, что где-то на берегу в нескольких милях от Кроумера. И больше ничего не помню. Очнулся утром, на шлюпке, которая сама куда-то плыла. Я понятия не имел, где оказался, и мама... — Уинтервейл сглотнул, потом заявил яростно: — Она многое пережила. Она справится.

Леди Уинтервейл была единственной кроме Тита и Фэрфакс, кто знал, что один из «мальчиков»-пансионеров миссис Долиш на самом деле великий стихийный маг, разыскиваемый Атлантидой. Если ее поймают и допросят... Титу оставалось только надеяться, что ей не зададут конкретных вопросов на этот счет.

Они проделали уже почти половину пути наверх. Тит медленно пробирался по узкой тропе, которая вела к очередной лесенке, заодно поправляя руки Уинтервейла так, чтобы тот не придушил его нечаянно.

Когда Уинтервейл закончил свой рассказ, у Тита не осталось выбора, пришлось задать вопрос, который беспокоил его гораздо сильнее, чем должен бы.

— Водоворот вызвал ты?

Уинтервейл к тому времени уже почти перестал дрожать, но сейчас снова затрясся:

— Не уверен, что случилось. Атлантический корвет появился из ниоткуда. Только что я дремал, все было спокойно, и тут он. — Он медленно выдохнул, словно пытаясь отогнать воспоминания. — Я совсем растерялся. Только и мог, что думать, мол, будь я стихийным магом посильнее, устроил бы огромный водоворот прямо перед корветом, и не боялся бы его.

Попроси кто-нибудь Тита дать характеристику Уинтервейлу, про магию стихий вспомнилось бы не в первую, не во вторую и даже не в третью и не в четвертую очередь. *«Когда мне нужно разжечь огонь, я беру спички»*, — однажды признался Уинтервейл, и совсем не из ложной скромности. Искры от прогоревших углей — и те ярче жалких крох огня, появлявшихся по его зову. За время, пока он наполнит водой стакан, можно умереть от жажды.

Но, опять же, великие маги стихий в детстве нередко считались заурядными, их полная сила проявлялась в отрочестве. Тит полагал, что Уинтервейлу уже поздно надеяться на подобное преобразование, но, очевидно, ошибался.

— То есть ты хотел устроить огромный водоворот?

— Да. И тут сила, которой я раньше никогда не чувствовал, словно хлынула из меня, и море сделало именно то, чего я хотел. Наверное... Наверное, я владею стихиями лучше, чем думал.

Руки Тита горели, он подтягивался на следующую перекладину:

— Смотри, в «Жизнь и деяния великих магов стихий» угодишь, если не поостережешься.

В ответ Уинтервейл то ли всхлипнул, то ли фыркнул:

— Жаль, что мама не видела. Пока мы еще жили в Державе, мои силы ее настолько не впечатляли, что она даже не стала меня регистрировать. Ей бы... Она была бы рада увидеть, на что я способен сегодня.

— Да, это многое меняет, — протянул Тит.

Возможно, все меняет.

К тому времени, как они взобрались наверх, все мышцы Тита молили о пощаде.

Фэрфакс сделала, как велено: внезапное появление Уинтервейла не было встречено криками удивления из открытых окон. Тит наполовину донес, наполовину доволоч его оставшуюся часть пути до передней двери.

— Я перескочу внутрь. Подожди несколько секунд, прежде чем звонить в дверь, — приказал на месте. — И если кто-нибудь спросит, почему ты так ужасно выглядишь, скажи, что съел что-то не то в поезде.

Вернувшись к себе в комнату, Тит направил палочку на ботинки и избавился от мусора и других следов пребывания снаружи. Когда снизу послышался слабый звон, он вышел на балкон. Фэрфакс и Купер по-прежнему играли в крокет; к ним добавился Кашкари в качестве наблюдателя.

— Значит, к трем тебе удалось выбраться из постели, — сказал последнему Тит.

— Из постели я выбрался к полудню, — возразил Кашкари. Вид у него был как у не спавшего трое суток. — И провел следующие два часа на полу в агонии.

— Ты, по крайней мере, встал, — заявил Купер с почти неприличным воодушевлением, если вспомнить, что и он пил не меньше. — Насколько мне известно, Сазерленд до сих пор стонет под одеялом.

Фэрфакс махнула молотком. Снова послышался дверной звонок. Она напряглась, но ничего не сказала.

Кашкари потер виски:

— Кто-то звонит?

Появился дворецкий:

— К вам посетитель, он назвался Уинтервейлом. Должен ли я сказать ему, что мистер Сазерленд дома?

— Да! — одновременно ответили Кашкари и Купер.

Кашкари немедленно направился к дому, слегка пошатываясь. За ним заспешил Купер. Фэрфакс, обменявшись с Титом взглядами, последовала за ними.

Тит последним появился в прихожей, где ребята тепло приветствовали Уинтервейла.

— Что случилось? — Кашкари смотрел обеспокоенно. — Ты что, тоже пил? Плохо выглядишь.

— Съел что-то не то по дороге. — Уинтервейл повернулся к дворецкому: — Если у вас найдется свободная постель, я бы предпочел прилечь.

— Комната для вас будет готова через минуту, сэр.

— Можешь пока прилечь у меня, — предложил Кашкари, обхватывая друга за талию.

Уинтервейл посмотрел на Тита, явно не желая идти с индийцем. Но тот уже тащил его вперед, предупреждая:

— Осторожно, ступенька!

— Тебе нужно как следует отдохнуть, — напомнил Тит Уинтервейлу.

Кровать Кашкари ничем не хуже остальных.

— Пойду скажу Сазерленду, что ты приехал, — сказал Купер, обгоняя всех на лестнице.

Фэрфакс не пошла за ними, а придвинулась поближе к Титу.

— Я попрошу, чтобы тебе принесли чаю, Уинтервейл, — произнесла она громко, чтобы все услышали. И добавила шепотом, уже только Титу: — Хочешь рассказать, что случилось?

Она беспокоилась о нем и волновалась из-за случившегося. Но, несмотря на напряжение, держалась великолепно.

А он чувствовал себя атлантическим корветом, затягиваемым в пучину.

— Сначала мне нужно кое-что проверить. Присмотришь за Уинтервейлом до моего возвращения?

— Конечно. Что тебе нужно проверить?

Предательством было сказать это. Но он сказал — ей он не лгал:

— Дневник мамы.

Дневник принцессы Ариадны лежал в центре верстака в лаборатории. Тит смотрел на него, не отводя взгляда. Неужели он так ошибся? Ее видение, то самое, где он стоит на балконе и лицезреет проявление огромной силы магии стихий — было ли оно об Уинтервейле, а совсем не о Фэрфакс?

«Мне очень нужно увидеть эти записи еще раз».

Все в нем стремилось к Фэрфакс. В этом ненадежном, неверном мире она доказала, что на нее можно положиться, придавала ему сил, когда его собственных не хватало.

Но что, если речь не о ней?

«Пожалуйста, пусть это будет Фэрфакс».

Дневник удовлетворил по крайней мере первую часть просьбы Тита.

«28 сентября 1014 державного года»

День его рождения.

«Мужчина стоит где-то. Где — непонятно, может, на вершине горы, на поле или перед открытым окном. Мне видны только его затылок и синее небо. И тем не менее я вижу — точнее, чувствую — его потрясение.»

Он ошеломлен.

И ничего больше».

«13 ноября 1014 державного года»

Тит обрадовался. День перед рождением Фэрфакс. Хороший знак, не иначе.

«То же видение, немного дольше. Теперь я знаю, что дело происходит примерно в два с четвертью. Хотя время может быть обманчиво, совсем как дата на календаре в магазине Евгенидеса Константиноса.»

В свое время я прочла все книги о провидцах, какие только смогла найти, и почти в каждой упоминались бестолковые видения — те, что не имеют никакого значения. Как, например, у мага, который всегда видел, чем будет обедать через неделю.»

У меня есть подозрение, что это — одно из таких видений. Хотя, конечно, даже они что-то предсказывают. Маг, который видел свои обеды, перестал их видеть — и через неделю скончался.»

А еще странно, что я вижу это только тогда, когда кто-нибудь рождает».

О ком это? Кто рожал в ночь метеоритного ливня? Тит перевернул страницу.

«Я поймала Эйрин за чтением своего дневника. И ошеломлена бесконечно. Потому что всегда верила: трудно найти мага честнее Эйрин. Но она отказывается даже объяснить, зачем взяла его.

Я в растерянности. Неужели я настолько неверно сужу о людях? Неужели все вокруг готовы предать меня?»

Тит давно проверил списки фрейлин матери на дату записи, но ни одной Эйрин в них не нашлось.

«27 марта 1016 державного года.

Снова то же видение.

Ничего нового, разве что теперь я уверена: стоит не мужчина, а юноша, возможно, еще совсем мальчик. Не могу объяснить, почему, но уверена».

«9 июля 1018 державного года.

Обзор был шире. Пораженный юноша стискивает поручень балкона так, что белеют костяшки пальцев».

Тит вспомнил, как вцепился в перила, ошеломленный видом вызванного Уинтервейлом водоворота. И это слово, «поручень». Можно ли назвать поручнем мраморную балюстраду, окружавшую величественный балкон его спальни в замке? И держался ли он за балюстраду, когда ударила молния Фэфакс?

Он не мог вспомнить. Совсем не мог. Сердце колотилось тревожно.

«13 апреля 1021 державного года».

На следующий день после того, как мать узнала, что Тит, а не она будет следующим правителем Державы, когда поняла, что скоро погибнет, и что это видение, долго казавшееся пустяковым, на самом деле очень важно.

«Я ждала, когда оно вернется. К счастью, не слишком долго.

Я наконец увидела лицо юноши. Мне и раньше казалось, что это Тит, но теперь я знаю точно. Сначала он, похоже, спит, положив руку на старый том — может, мою копию Горнила, может, что-то еще. Потом встает, проверяет время — четырнадцать минут третьего — и выходит на балкон.

Но что все это значит? Я словно должна понимать, но не понимаю».

«17 апреля 1021 державного года».

Самая последняя запись. На двух полностью исписанных страницах, с дополнениями, теснящимися на полях. Только первые несколько абзацев рассказывают о самом видении, остальное — указания Титу, что сделать, чему следует научиться, как выполнить ту невозможную задачу, которая, как поняла принцесса Ариадна, предназначена ее сыну.

Он пришел в лабораторию в надежде подтвердить место Фэрфакс в своей жизни. Сейчас же ему хотелось одного: пусть там не будет ничего нового, что склонит чашу весов в пользу Уинтервейла. Пока ничто не вынуждает его заключить, что речь шла об Уинтервейле, он продолжит верить, что его судьба — Фэрфакс.

«Жаль, что я вижу его большей частью со спины; мне так нравится смотреть на лицо сына за мгновение до того, как его потрясет проявление магии стихий. Да, теперь я знаю, что это будет магия стихий, и знаю, насколько ужасными станут последствия.

Уже стали.

Но перед этим он улыбается, мой сын, и лицо его светится радостным ожиданием».

Титу хотелось завопить.

Уставший и мрачный после Горнила, он не улыбался перед тем, как увидел молнию, вызванную Фэрфакс. Но перед появлением Уинтервейла он мечтал о ней.

Глупец, он улыбался во все лицо, совершенно счастливый, а ведь предсказан был *Уинтервейл*. С самого начала.

Тит закрыл дневник и спрятал лицо в ладонях.

Так тихо, почти неслышно, разбиваются мечты.

Пустыня Сахара

Тит упал на устилающие дно туннеля куски породы с острыми неровными краями. Спину до самого позвоночника пронзила боль. Он стиснул зубы, зацепил ногами Фэрфакс и отдернул ее на пару вершков назад.

— В чем дело?

Она часто и тяжело дышала, словно из ее легких выкачали почти весь воздух.

— Не знаю. Едва я продвинулась вперед, как почувствовала, будто... будто мне в уши вогнали гвозди.

Разновидность заклинания левитации, которую они использовали, не требовала постоянного внимания. Внезапный обрыв обычно означал, что маг, который накладывал чары, потерял сознание. Но с Фэрфакс этого не произошло. Тит представить себе не мог, какого рода реальная боль заставила ее разум вот так отпрянуть.

— Тебе уже лучше?

— Гораздо, гораздо лучше после того, как ты дернул меня назад. — Но в голосе звучали неуверенность и замешательство. — Я... я почти в порядке.

Значит, это не рассчитанное на долгое время заклинание и не реакция на токсичные вещества в воздухе.

— Можешь расширить туннель, чтобы я пролез мимо тебя? Хочу проверить, почувствую ли то же самое.

Фэрфакс подчинилась. Тит переместился к тому участку, где она начала кричать, и пополз дальше. Ничего не произошло.

Решив, что причина может крыться в его движении ногами вперед, он пополз в обратном направлении. По-прежнему ничего.

— Нет?

— Нет.

Хриплое дыхание Фэрфакс эхом разносилось в тесном пространстве туннеля.

— Давай я попробую еще раз.

— Возможно, это не лучшая идея. — Хотя он, вероятно, поступил бы так же.

Она стиснула зубы:

— Знаю. И прошу прощения за то, что швырнула тебя на спину.

— Со мной ничего не случилось.

Тит убедился, что сжимает ее щиколотку, прежде чем Фэрфакс поползла вперед. Как только она снова закричала, он отдернул ее обратно. Она дрожала, лицо казалось мертвецки бледным.

Теперь он понял, почему Атлантида никуда не торопилась.

— В радиусе одной мили установлен круг крови.

— Что это? — В голосе Фэрфакс впервые прозвучал страх.

— Усовершенствованная магия крови. Покинешь пределы круга — умрешь.

Она сглотнула:

— Тогда тебе лучше идти. Возьми воду, возьми...

— Ты забываешь, — перебил Тит, — что я могу оказаться тем, кто воздвиг этот круг.

Фэрфакс моргнула. Ей явно не хватало циничности. Они ничего не знали друг о друге, кроме того, что очутились в одном и том же месте в одно и то же время, причем один из них был ранен — разумеется, они могли оказаться смертельными врагами.

— Если так, — продолжил Тит, — то я могу его сломать.

Смертельные враги или нет — Фэрфакс помогла ему в критический момент. И он не собирався покинуть ее в час нужды.

«Возможно, тебе циничности тоже не хватает».

В глазах Фэрфакс зажглась надежда, но тут же угасла.

— Атлантида прилагала бы гораздо больше усилий, если бы понимала, что круг крови меня не удержит.

— Возможно, они не знают, что я здесь.

Тит вернулся к тому месту, где должен был проходить кровный круг, и достал карманный ножик. Затем протянул ладонь с каплей свежей крови к невидимой границе:

— *Sanguis dicet. Sanguis docebit.*

«Кровь расскажет. Кровь покажет».

Ни покалывания, ни ощущения жара на коже, которые не замедлили бы появиться, если бы за круг крови отвечал Тит.

— Подожди, — велела Фэрфакс.

Она погасила магический свет. В наступившей темноте прямо перед глазами возникло слабое мерцание — почти прозрачная стена.

— Это считается реакцией?

Тит убрал руку — темнота стала непроглядной. Протянул ладонь вперед — стена вновь появилась. Светящаяся решетка.

— Круг установил не я, но, судя по всему, тот, кто это сделал, мой родственник.

Изначально магия крови была разработана, чтобы установить связь между людьми. Любая добровольно отданная капля, неважно, для каких целей взятая, все равно могла подтвердить кровное родство.

— Значит ли это, что ты все же можешь разбить круг? — Голос Фэрфакс задрожал от волнения.

— Нет. Возможно, получится его ослабить, но в таком случае, покинув его пределы, ты, скорее всего, все равно умрешь, просто чуть медленнее.

В темноте раздавалось лишь ее частое дыхание. Тит вызвал свет. Туннель затопило голубоватое сияние. Фэрфакс сидела, сложив руки на коленях, лицо ее скрывалось в тени.

— Слишком рано отчаиваться. Мы еще не испробовали все варианты.

Она прикусила нижнюю губу:

— Тебе известно о магии крови больше, чем мне. Что предлагаешь?

— Для начала надо проверить, не связана ли и ты с тем, кто установил круг. Нам поможет, если между вами нет родства.^[7]

Уколов палец, Фэрфакс выдавила каплю крови и послала ее по направлению к невидимой стене. Но если кровь Тита круг поглотил незамедлительно, то новая капля отскочила обратно, точно камень, ударившийся о ствол дерева.

То, что он связан с магом, воздвигнувшим круг, а она — нет, вызывало ряд неприятных вопросов. Однако Тит не стал над ними задумываться, хоть и понимал, что до потери памяти они с Фэрфакс, возможно, желали друг другу зла.

— По праву кровного родства, — произнес он по-латыни, пожертвовав еще одну каплю

собственной крови, — прошу, чтобы круг крови не причинял вреда тем, кто мне безразличен.

Шаблонная фраза, но звучала она удивительно правильно: девушка была ему безразлична.

— Это должно отчасти уменьшить силу круга. Вдобавок я могу подвергнуть тебя заклинанию заморозки времени — дополнительная защита. У тебя есть что-нибудь, чтобы повысить шансы на выживание? Любые лекарства, которые смогут нейтрализовать магические повреждения?

Фэрфакс запустила руку в сумку, и лицо ее просветлело.

— У меня есть панацея.

Тит удивленно округлил глаза — достать панацею необычайно сложно.

— Прими тройную дозу.

Фэрфакс выудила пузырек, отсчитала три капли и проглотила.

— Итак, теперь, когда чары ослаблены, ты заморозишь время и протолкнешь меня за пределы круга?

— Если бы все было так просто. Даже если ты выживешь, то все равно будешь в критическом состоянии. И я не смогу пробраться сквозь скалу, так что...

Раздался громкий треск, словно валун раскололся надвое. Они подняли головы: верх туннеля был усеян трещинами. Очевидно, Фэрфакс выдала свое местоположение, когда неосознанно попробовала пересечь границу кровного круга.

И теперь Атлантида ее нашла.

— Хватай вещи! — крикнул Тит и, вцепившись в руку Фэрфакс, перескочил в ту же секунду, как крыша туннеля превратилась в пыль.

Англия

Что-то не так, Иоланта в этом не сомневалась. Сердце сжималось от дурного предчувствия.

Но что *именно* не так?

Уинтервейл тихо храпел на массивной кровати с балдахином в комнате Кашкари. Сам индеец сидел в кресле у кровати, поедая канапе-сэндвич с чайного подноса, который попросила принести Иоланта, и читая роман под названием «Франкенштейн, или Современный Прометей». Он и ей давал книгу «Двадцать тысяч лье под водой», но Иола ее отложила, прочитав лишь несколько строк о «загадочном и приводящем в замешательство» феномене в море.

Расхаживая по комнате, она изучила узор на пестрых серебряно-голубых обоях, выстроила в линию безделушки на камине, потом тщательно подоткнула одеяло вокруг ног Уинтервейла. Лоб его был покрыт испариной, но оставался прохладным. И хоть при ее прикосновении веки Уинтервейла затрепетали, он не проснулся.

Иоланту всегда удивляло, что он, оказывается, не выше принца — создавалось впечатление, что Уинтервейл занимает гораздо больше места: стоя в дверях, он всегда двумя руками держался за притолоку, речь его постоянно сопровождалась оживленной жестикуляцией, и неважно, как сильно выражала свое недовольство миссис Долиш, он продолжал съезжать вниз по перилам, приземляясь с таким грохотом, что содрогался весь дом.

В некотором роде Уинтервейл был одним из самых крепких и мужественных парней во всей школе. Однако в то же самое время поведение его оставалось более незрелым, чем поведение принца, Кашкари или даже кого-нибудь вроде Сазерленда. Хотя чему удивляться: бедняга наслаждался детством, пока на него не легло тяжкое бремя ответственности единственного сына барона Уинтервейла.

В нем всегда жил этот страх оказаться слишком обыкновенным, оказаться ничем и никем по сравнению с отцом. Но теперь ему не о чем было волноваться. Теперь Уинтервейл открыл в себе такое умение управлять силами стихий, которому Иоланта могла лишь поражаться.

Если бы только его успех не заставил Тита — наверное, самого хладнокровного человека из всех, кого она знала — вести себя так странно и нервно.

Иола подошла к окну и применила заклинание дальнзоркости, чтобы изучить серые воды Северного моря. Около того места, где Уинтервейл сотворил водоворот, на мерных волнах покачивались обломки корабля. К счастью, тел — или частей тел — не было видно. Как и кружащих над головой бронированных колесниц, готовых обратить свое внимание на побережье Норфолка.

«Морской волк». Именно это выведенное по-гречески — ЛАВРАΕ — белыми буквами имя красовалось на стальном корпусе судна Атлантиды.^[8] Корабль так быстро пошел ко дну; команда, вероятно, даже не успела передать сигнал бедствия.

В дверь тихо постучали. Иоланта обернулась к проскользнувшему в комнату Титу.

— Как он? — спросил принц.

— Не знаю, — ответил Кашкари, отложив книгу. — Он ведь сказал, что съел что-то не то? Но насколько я могу судить, живот его, похоже, не беспокоит. С другой стороны, его бросает в пот и пульс неритмичный.

Тит быстро глянул на Иоланту, и она почувствовала прилив тревоги. Кашкари мог не заметить, но Тита трясло. Нет, он был разбит. Она припомнила момент, когда инквизитор намекнула, будто страдающая манией величия мать принца лишь использовала его для удовлетворения своих нужд.

Тит пощупал пульс Уинтервейла.

— Ребята, не хотите подышать свежим воздухом? Мы можем вызвать горничную, чтобы она немного с ним посидела.

— Я в полном порядке, — отказался Кашкари. — Если захочу свежего воздуха, всегда могу открыть окно.

— Я схожу с тобой, — решила Иоланта.

Тит повел ее на улицу. Обогнув мыс, они направились к выступу под козырьком, образованным скалами, который не было видно из дома. Внизу бушевало море — грозовые облака напоздали на берег, гонимые непрекращающимся холодным ветром, в воздухе пахло солью. Тит выставил двойной непроницаемый барьер.

Он сам, без всяких понуканий, перечислил все, что произошло с Уинтервейлом в Гренобле: ловушка, устроенная Атлантидой, побег с площади, сухой док, из которого судно спустили прямоком в Северное море, появившийся почти сразу же вслед за этим атлантический фрегат.

И все это время голос Тита оставался абсолютно безжизненным. Историю триумфа рассказывают не так. Уинтервейл был заклятым врагом Атлантиды. Мальчиком, за восторженностью и добродушием которого скрывался глубинный страх перед провалом. Сегодня, в самый опасный момент в своей жизни, преследуемый тем самым врагом, который отправил его семью в изгнание, он оказался на высоте, как мало кто другой смог бы.

Титу бы радоваться, что заполучил столь могущественного нового союзника, и все же он выглядел словно приговоренный к смертной казни.

Неясный страх скрутил внутренности Иоланты.

— Леди Уинтервейл пришлось оглушить сына, чтобы отправить его в безопасное место, — продолжил Тит. — Но Атлантида нашла его... а остальное ты видела.

— На месте леди Уинтервейл, я бы вывела из строя сигнал бедствия на спасательной шлюпке. — Иоланта пыталась говорить спокойно. — Вероятно, это и позволило Атлантиде выследить Уинтервейла.

Кадык Тита дернулся.

— Если бы она об этом вспомнила.

Он говорил тихо, но горячность его слов пробирала до костей. Иола больше не могла сдерживаться.

— Ты что-то недоговариваешь. В чем дело?

Внезапно Тит осунулся, словно провел в пешем путешествии долгие месяцы и уже едва стоял на ногах. Она протянула руку в попытке поддержать его, прежде чем осознала, что именно делает.

— Просто скажи. Хуже, чем от того, что ты держишь меня в неведении, точно не будет.

Несколько мгновений Тит смотрел на Иоланту, как смотрят на дорогих сердцу усопших. Она задохнулась от ужаса.

— Помнишь, когда мы читали дневник матери после моей инквизиции, там упоминалось, как я буду стоять на балконе и окажусь свидетелем явления, которое потрясет меня до глубины души?

Его голос доносился до нее, будто Тит где-то далеко-далеко, каждое слово было нечетким и еле различимым. Иоланта кивнула, ее шея одеревенела.

Тит не отводил глаз от штормовых облаков, делающих все на своем пути серым и унылым.

— Я всегда предполагал, что она имела в виду балкон моей спальни в замке. Оказываясь там, после ленча я всегда ложился подремать и использовал Горнило... потому что именно это мама видела в своем видении — как я просыпаюсь, держа руку на старинной книге, которая могла быть Горнилом. И я неизменно приказывал Далберту будить меня в четырнадцать минут третьего — четкое время из видения. Так же все происходило и в тот день, когда мы встретились. Меня разбудили в четырнадцать минут третьего. Я вышел на балкон. И буквально минуту спустя вспыхнула твоя молния.

По какой-то причине то, что у него все было просчитано до минуты, наполнило душу Иоланты ужасом. Или, возможно, дело в том, как именно Тит все это рассказывал — словно заведенный, будто говорить мог, лишь притворяясь, что эти слова не имеют с ним ничего общего.

С ними.

— Сегодня днем, — продолжил Тит, — я проснулся ровно в четырнадцать минут третьего и вышел на балкон.

Иоланта смотрела на него во все глаза. Она что, каким-то образом перепила вчера коньяка, как и Кашкари? Ноги подгибались, а в рот словно насыпали песка вперемешку с пеплом.

— Ты хочешь сказать, что предсказание твоей матери на самом деле относится к Уинтервейлу, а не ко мне?

Иола с трудом осознала, что этот тоненький неуверенный голосок принадлежит ей самой.

Тит медленно кивнул, по-прежнему на нее не глядя.

— Ты уверен? — дрожащим голосом уточнила она.

Он стоял не шевелясь, с непроницаемым выражением, но в следующий миг упал на колени, закрыв лицо ладонями. Иола потрясенно замерла. Этот мальчик держал себя в руках даже посреди инквизиции. Однако сейчас его уверенность рассыпалась от одного ее вопроса.

Иоланта оцепенела. Как Уинтервейл мог оказаться Избранным, если именно она должна была бросить вызов опасности, одержать победу над Лиходеем и вопреки всему сохранить жизнь Тита?

— Мне жаль, — донеслись до нее еле слышные слова. — Мне так жаль.

Иола лишь покачала головой... и снова, и снова покачала головой. Это ее судьба. Ее *судьба*, а не старая куртка, которую можно передать кому-нибудь другому.

Он ошибался. Он просто обязан был ошибиться.

— Покажи мне дневник матери, — попросила она. — Я хочу сама прочитать об этих видениях.

Через минуту Иоланта держала в руках дневник. Слова слегка расплывались перед глазами, но она сосредоточенно изучала предсказание с решимостью, которая казалась

почти легкомысленно оптимистичной на фоне гнетущего отчаяния Тита.

Когда Иоланта перешла к последней части, он заговорил:

— Именно тут я все понял. Проснувшись сегодня, я улыбался, потому что мне снилась ты.

Виски сдавило, словно тисками, боль билась в черепе и не собиралась уходить. Иола продолжала читать.

«Внезапно все обрело смысл. Это не какое-то случайное видение, это момент, когда Тит впервые встретится со своей судьбой. Все, что я на данный момент узнала о магии стихий и стихийниках, указывает на какой-то разоблачительный трюк, который даст знать о появлении на сцене выдающегося мага.»

Говорят, мальчик, который должен был стать великим стихийником моего поколения, пробудил к жизни спящий вулкан, извержение было видно за сотни миль. (А еще говорят, он умер молодым от какой-то болезни, но Калиста под большим секретом поделилась со мной рассказом тогдашнего инквизитора Гуаса, что это не так — собственная семья мальчика предпочла убить его, лишь бы не допустить его попадания в Инквизиторий.)

Значит, вероятнее всего, именно это мой сын и наблюдает — проявление великого мага стихий, который станет, как сказал Тит в другом видении, партнером в его миссии».

Иола была совершенно сбита с толка.

— И все? Как ты сказал в другом видении? Она пишет о нашем разговоре в день моего прибытия в Итон, когда ты впервые объяснил мне, что собираешься сделать?

Убийственная ирония.

— Я никогда не встречал описание видения, о котором она упоминает.

Она всегда едва ли не с благоговением относилась к предсказаниям принцессы Ариадны. Их точность и почти сверхъестественная важность помогали верить в то, что Иола может быть предназначена для чего-то большего, чем должность профессора, и обязана не только заботиться о себе и учителе Хейвуде, но и о мире в целом.

Поэтому, впервые осознав, насколько исполнение видений принцессы зависит от действий Тита, Иоланта почувствовала себя дезориентированной. Много лет назад она где-то читала о парадоксе с пророчеством, которое сбылось потому — и только потому, — что люди трудились не покладая рук, лишь бы оно исполнилось.

Как же этот парадокс назывался?

— Сотворенная реальность, — произнесла она.

— Что?

— Ты в точности придерживаешься ее видений, чтобы они сбывались.

Титу явно было неуютно в роли обороняющегося:

— Человек не может изменить того, что уже predetermined.

В детстве она слышала об этом сотни раз. Все слышали.

— Не мешать пророчеству не то же самое, что посвятить всю жизнь тому, чтобы все до единой детали реальности соответствовали записанному десятилетия назад.

— Я не знаю другого способа сделать так, чтобы все сработало.

От его расстроенного вида в горле встал ком.

И остаток записи в дневнике не помогал, поскольку продолжал рассказывать об Избранном.

— Нет никаких оснований для моей обязательной замены на Уинтервейла. Мы можем работать все вместе, втроем.

— Но моя мать всегда оговаривала одного партнера и только одного.

— Но разве она запрещала тебе иметь в помощниках еще кого-то?

— Мы не можем с такой легкостью интерпретировать мамины видения. Провидец ее калибра рождается раз в пятьсот лет, и мы бы вообще ничего не сделали без ее руководства.

Он мог вести себя так цинично, ее принц, и все же его вера в собственную мать была настолько абсолютной, что сердце Иоланты просто разрывалось.

— Но это означает, что ты отправишься в Атлантиду с Уинтервейлом. — От этой мысли кровь холодела в жилах. — И тогда можешь считать себя покойником.

— Я и *так* считаю себя покойником — это предопределено. Я думал... думал, что у меня будешь ты. — Глаза Тита затуманились. — Но я не могу спорить с силой судьбы.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Иоланта схватила его за руку:

— А разве на моей стороне не такая же сила судьбы? Ведь это твоя мать написала те самые слова, которые позволили мне вызвать первую молнию. Ты мог бы быть уже мертв, если бы я не убила Лиходея в Горниле. Не говоря уже о том, что я родилась в ночь метеоритного ливня — ты же не собираешься сообщить мне, будто дата рождения Уинтервейла тоже подделана.

— Но моя мать никогда не входила в число тех, кто предсказывал рождение великого мага стихий в ту ночь.

— Отлично, то есть даты рождения не имеют значения. Но не забывай, Хельгира в Горниле выглядит в точности как я. Это же должно что-то значить, так?

— Конечно. Но ты же читала, что написала моя мать...

— Ты следуешь всему буквально в каждой мелкой детали. Твоя мать не упоминала никаких имен. Ты видел, как я вызвала молнию, стоя на балконе в четырнадцать минут третьего. Неужели этого недостаточно? Неужели наше партнерство не достойно того, чтобы его сохранить?

— Если бы выбор был лишь за мной, ты знаешь, что я бы тысячу раз каждый день выбирал тебя. Но все иначе. Я ничего здесь не решаю. Я могу лишь идти по пути, который был проложен.

Иоланта отпустила Тита. Наконец ей открылась истина: для него дневник не просто слова матери. Нет, для него это она сама, сам голос судьбы. И Тит никогда не восстанет против воли принцессы Ариадны, ни в этом мире, ни в ином.

— То есть ты даешь мне отставку?

— Нет! — Он обхватил ладонями лицо Иолы. — Я никогда не смогу отпустить тебя из моей жизни. Я...

«*Не говори этого!* — крикнула она про себя. — *Не говори...*»

— Я люблю тебя, — произнес Тит.

В одну секунду отчаяние превратилось в гнев. Иоланта швырнула ему дневник.

— Ты любишь не меня. Ты любил благоприятную возможность — ты любил то, что я так удачно вписывалась в твои планы.

В глазах Тита застыли обида и замешательство.

— Как ты можешь так говорить?

— Как я могу так говорить? А как *ты* можешь говорить то, что только что *сказал*? Кто клялся и божился, что у меня особая судьба, что она всегда у меня была, даже если я об этом не знала? Разве не прошло меньше двух недель с тех пор, как ты уверял меня, мол, ты так

счастлив, что это оказалась именно я, что не смог бы разделить все это ни с кем другим? Но теперь ты все же можешь. Теперь ты говоришь мне: «Спасибо, но не надо, спасибо», — словно я была какой-то посудомойкой, которую можно заменить, когда заблагорассудится!

— Иоланта...

Тит редко обращался к ней настоящим именем. Большую часть времени, даже когда они оставались наедине, он называл ее Фэрфакс, чтобы не отвыкнуть.

— Нет. Если только ты не собираешься заверить меня, будто ошибался, ты не сможешь сказать ничего, что мне хотелось бы услышать.

Тит прижал дневник к груди, на лице его расплывалась мертвенная бледность.

— Мне жаль. Прости меня.

После всего, через что они вместе прошли, всего, чем они были друг для друга, ему больше нечего сказать?

Иоланта развернулась и ушла.

* * *

— Вот ты где! — прокричал Купер, когда Иоланта шагнула в дом. — Уинтервейл плохо себя чувствует, Кашкари за ним ухаживает, а Сазерленд наносит визит соседям. Мне одному скучно. Как насчет партии бильярда?

Столь мирное времяпровождение ее не прельщало. Вот если бы Купер предложил немного побоксировать... Будучи стихийным магом, Иола училась выплескивать гнев с помощью физической силы и сейчас отчаянно нуждалась в том, чтобы врезать кулаком по чьему-нибудь лицу.

— Я не умею играть в бильярд, — ответила она Куперу.

— Я тебя научу.

Он смотрел на Иоланту с такой надеждой, что у нее язык не повернулся отказать. Тит своими отказами мог вызывать у Купера трепет, но лишь потому, что был для него полубогом, могущественным и капризным, с которым не поспоришь. Иоланту же Купер считал другом, а плохое отношение друзей он принимал гораздо ближе к сердцу.

— Ну что ж, в таком случае показывай дорогу, — согласилась она.

Страдать в одиночестве или играть в странную немагическую игру — какая, в сущности, разница?

Первые капли дождя застучали по окнам, когда они вошли в бильярдную, провонявшую сигарным дымом. Запах вьелся в кармазинные шторы и синевато-серые обои.

Когда приходил черед Иоланты, Купер выступал ее консультантом, объясняя выбор угла для удара. Когда она забила свой первый шар, он захлопал в ладоши.

— Так держать, Фэрфакс! Скоро ты достигнешь за столом таких же отличных результатов, как на поле для крикета.

«И пользы мне с этого как с козла молока».

Иола промолчала.

Снова пришел черед Купера, он начал обходить стол по кругу, вырабатывая стратегию, и вдруг спросил:

— Ты всерьез сказал вчера, что можешь уехать от нас в западные штаты Америки?

Иоланта стиснула кий в руке. Она совершенно не задумывалась над тем, что делать ей самой теперь, когда она больше не нужна для Великого Покушения.

— Мои родители не особо хорошо умеют планировать. Завтра все может оказаться совсем по-другому.

— Если не хочешь уезжать в Вайоминг, можешь устроиться на работу в фирму моего отца, — предложил Купер с искренней надеждой. — Вдруг адвокатская практика окажется не такой ужасной, если рядом со мной будет друг. А из тебя выйдет хороший солиситор — готов побиться об заклад.

Иоланта не понимала, почему у нее на глазах внезапно выступили слезы — возможно, ей просто было приятно почувствовать себя нужной.

Она не достаточно ценила это ощущение: как бы ни ошеломляла весть, мол, она — ключ к гибели Лиходея, в то же время это оказалось огромным комплиментом. Раз тебя выбрали для подобной миссии, значит ты особенная, значит живешь не напрасно.

Теперь же все перевернулось с ног на голову: Иоланта ничего не стоила, не была особенной, а все иллюзии величия так и остались лишь иллюзиями.

И услышать такое от юноши, ради которого она не единожды рисковала жизнью, обогнула половину земного шара и с которым собиралась... Иоланта даже думать не могла о летней вилле Королевы Времен Года, теперь очищенной от цветочных лепестков.

— Спасибо за предложение, — поблагодарила Иола Купера и на короткий миг сжала его плечо. — Я тебе крайне признателен.

Он казался одновременно довольным и смущенным.

— Ну хорошо, подумай над этим.

Она не могла. Любая попытка ответственно и реалистично посмотреть в будущее была подобна потугам дышать под водой — острая неопишуемая боль, пульсирующая где-то глубоко внутри черепной коробки.

Иоланта едва сдерживалась, чтобы случайно не сжечь дом дяди Сазерленда.

* * *

С каждым вздохом Тит все глубже погружался в пучину отчаяния.

Часть его не сомневалась: это наказание за то, что он был слишком счастлив, за то, что забыл — жизнь всегда готова проявить свою жестокость. Другая же часть безумным узником вопила в темнице, но мир оставался глух к ее крикам.

Когда дождь зарядил не на шутку, Тит перескочил в лабораторию, чтобы спрятать дневник матери в безопасном месте, а потом покинул ее в страшной спешке, лишь бы не поддаться искушению схватить дневник и швырнуть его через комнату.

Почему он должен отказаться от Фэрфакс? Если он пленник судьбы, то почему не может иметь маленькую отдушину, маленький квадратик голубого неба над головой?

В Бейкрест-хаус Тит долго стоял под дверью бильярдной, слушая резкие звуки соприкосновения кия со слоновой костью и запутанные объяснения Купера, куда Фэрфакс следует направить следующий удар.

Как заставить ее понять, что она нужна ему, как и прежде? А может, и больше: от одной мысли о том, чтобы привести Уинтервейла во дворец главнокомандующего в горах Атлантиды, хотелось заползти в глубокое темное место и никогда не показываться обратно.

Купер начал обсуждать планы на следующий семестр — еще один теннисный турнир, прежде чем станет слишком сыро для игр на лужайке, турнир по шахматам для темных дождливых вечеров, — а потом поинтересовался, что Фэрфакс думает о его желании завести

морскую свинку и держать ту в комнате.

Тит почти физически ощущал ее печаль, в то время как Купер болтал и болтал. Прежде, когда Итон был ее убежищем и связующим звеном с нормальной жизнью, Фэрфакс наслаждалась бы всем этим, включая морскую свинку. Но без ее предназначения школа становилась лишь местом с туалетами, которыми Фэрфакс не могла воспользоваться.

Тит пошел прочь, не в состоянии больше выносить боль, раздирающую сердце. Проведывать Уинтервейла не хотелось, но он заставил себя направиться в комнату Кашкари. Кузен ни в чем не виноват, он такая же игрушка Фортуны, как и все они.

Из спальни выскочил напуганный Кашкари.

— В чем дело? — спросил Тит.

— Я ходил в туалет. А когда вернулся, Уинтервейл лежал на полу, без сознания. Он говорит, мол, не помнит, что случилось, и не позволил послать за врачом. Я уложил его в кровать и как раз собирался спуститься и спросить тебя, не следует ли мне пренебречь его желаниями и все же отправить за доктором.

— Лучше не надо. Его мать не доверяет врачам, с которыми не знакома. Уинтервейл в этом похож на нее.

— Но что, если у него сотрясение мозга?

— И что сможет сделать доктор, если у него действительно сотрясение? — Тит мало знал о немагической медицине и лишь надеялся, что окажется прав.

— Согласен, — признал Кашкари. — Но как быть с вероятностью внутричерепного кровотечения?

— Дай мне его осмотреть.

Уинтервейл был в сознании.

— Слышал, ты упал с кровати, — сказал Тит.

Ли робко посмотрел на вошедших:

— Я проснулся, и никого не было, так что я решил встать и присоединиться ко всем.

Возможно, это просто слабость от голода.

Тит в этом сомневался. Уинтервейл упоминал о магах, упавших без сознания в Гренобле. Он находился рядом и вполне мог что-нибудь вдохнуть.

— Немного раньше Фэрфакс попросил принести тебе поднос с чаем, — влез Кашкари. — И там еще остались сэндвичи с жареным лососем и два куса бисквита «мадера».

Тит покачал головой:

— Нет, ничего такого нельзя, самое большее — простые тосты.

Кашкари уже направлялся к двери:

— Я могу принести что-нибудь из кухни.

— Правда? — Уинтервейл благодарно улыбнулся, а когда индеец ушел, попросил Тита помочь ему добраться до туалета. — Помнится, в прошлом семестре ты рассказывал мне, что Атлантида охотится на мага, который вызвал молнию... — Уинтервейл медленно поднялся с кровати, словно старик, страдающий артритом.

— Последнее, что я слышал, — они по-прежнему ищут.

Тит отвел кузена в туалет, подождал снаружи, а затем помог вернуться.

— А зачем конкретно Атлантиде нужен могущественный маг стихий?

— Мне никогда не рассказывали, и надеюсь, ты никогда об этом не узнаешь.

— Ну и... что же мне делать? — испуганно пробормотал Уинтервейл.

«Вернись назад в прошлое. Оставь ту площадь, как велела тебе мать. Никогда не сталкивайся с бронированной колесницей. Никогда не топи атлантических кораблей. И никогда не разрушай того, что для меня бесценно».

— А что ты хочешь делать? — осторожно поинтересовался Тит. Он был почти уверен, что в голосе не слышно горечи.

— Не знаю. Не хочу сидеть дома и бояться. Я не посмею просить кого-то из изгнанников помочь мне в поисках матери — она всегда говорила, что среди них есть информаторы. Я не в курсе, где хранятся наши деньги, и не знаком ни с кем, кроме изгнанников и учеников Итона.

— Атлантида следит за мной в школе, — сказал Тит, помогая Уинтервейлу лечь в кровать. — Так что, если пытаешься от них спрятаться, Итон для тебя не лучшее место. Я могу дать денег в долг, чтобы ты где-нибудь залег на дно.

Да сохранит его Фортуна, Тит умышленно старался оттолкнуть Уинтервейла.

— Дай мне подумать, — попросил тот, кусая губы. — На мгновение я был по-настоящему счастлив. Мы собирались присоединиться к восстанию, и у меня наконец-то появилась цель. Но теперь... я не знаю, что теперь делать.

Сердце Тита сжалось: Фэрфакс могла сказать то же самое.

В комнату, неся поднос с чаем и несколькими кусочками поджаренного хлеба, вошел Кашкари.

— Ты в порядке? Хуже не стало?

— Нет, — отозвался Уинтервейл. — Пока нет.

Покормить больного оказалось ужасной идеей. Его начало тошнить, едва он доел тосты и допил чай. Уинтервейл извергнул содержимое желудка в ночной горшок.

И только они подумали, что все закончилось, несчастного снова начало рвать. Тит был почти уверен, что кузен вытошнил селезенку, а возможно, и аппендикс.

В перерыве между сотрясавшими его приступами, Кашкари оттащил Тита в сторону.

— Его следует показать врачу. Если все так и продолжится, произойдет обезвоживание организма, это может быть опасно.

— У меня должно найтись что-нибудь, чтобы ему помочь, — заверил Тит. — Я посмотрю в багаже.

Затем вышел из комнаты и перескочил в лабораторию, где находились тысячи лекарств. Проблема состояла лишь в том, что он не учился на врача и не мог сказать, от чего именно стало плохо Уинтервейлу, а область применения каждого из имеющихся здесь противорвотных была очень ограниченной. Тит исключил те, которые использовались при беременности, пищевом отравлении, укачивании и похмелье, но выбирать все равно предстояло между десятками средств.

Он сгреб пузырьки, казавшиеся наиболее подходящими, и вернулся к постели Уинтервейла.

— Ты возишь все эти препараты с собой на случай проблем с желудком? — одновременно пораженно и озадаченно спросил Кашкари.

— Что тут скажешь, нежный организм.

Тит отмерил ложку антидота. Он начинал подозревать, что атланты с фрегата, возможно, добавили отраву в воду, а Уинтервейла, вероятно, накрыло волнами, когда он уплывал на шлюпке.

Он глотнул лекарство и тихо лежал несколько минут. Тит облегченно вздохнул.

Уинтервейл подскочил, и его снова стошнило.

Тит выругался и дал ему средство, предназначенное для лечения магических недугов — возможно, проклятие было направлено непосредственно на Уинтервейла. Того вырвало кровью.

— Что ты ему даешь?! — крикнул Кашкари. — Нет ли там случайно пчелиного яда? У него аллергия на пчелиный яд.

— Я даю ему самые передовые немецкие лекарства, — резко ответил Тит, схватив носовой платок и вытерев кровь с подбородка кузена. — И они не содержат пчелиного яда ни в каком виде.

— Ради бога, не давай ему больше ничего.

— У тебя, несомненно, найдется *что-нибудь*, что поможет, — скрипучим голосом простонал Уинтервейл.

Тит просмотрел оставшиеся баночки. *Головокружение. Аппендицит. Недомогания желчного пузыря. Рвота, вызванная инфекцией. Воспаление слизистой желудка. Избавление от инородного тела.*

Он схватил последний пузырек — эликсир, который должен заставить организм осадить любую губительную субстанцию и избавиться от нее.

— Попробуем это и помолимся поусерднее.

Должно быть, они молились недостаточно усердно, потому что Уинтервейл немедленно забился в конвульсиях.

Пустыня Сахара

Ветер свирепо завывал, словно они находились в центре бури. Песок вздымался ввысь, застилая небо, и обрушивался на Тита. Они с Фэрфакс вернулись в то же место, откуда она переместила их под землю, и, к счастью, не свалились прямо на голову какому-нибудь атланту.

Тит был сбит с толку: он полагал, что стихийники Атлантиды очистили воздушное пространство внутри кровного круга, чтобы облегчить себе поиски.

— Это моих рук дело, — сказала Фэрфакс, склонившись к его уху. — Не хотела, чтобы нас увидели.

Вот только теперь они сами едва могли рассмотреть, что творится на расстоянии вытянутой руки.

— *Deprehende metallum*, — прошептала чародейка.

Палочка в ее руках повернулась где-то на тридцать градусов. Тит вытаращился на Фэрфакс — произнесенное ею заклинание предназначалось для обнаружения металла, а единственными крупными металлическими предметами поблизости были бронированные колесницы. Однако план казался достаточно безумным, чтобы иметь смысл. И если Титу не изменяла память, колесница приземлилась очень близко.

Он очертил звуконепроницаемый круг и кратко обрисовал план действий Фэрфакс. Она выслушала его, сохраняя серьезное выражение лица.

— Ты сможешь управлять бронированной колесницей?

— Я так понимаю, она управляется по тому же принципу, что и колесница, запряженная животными. Но это как раз самое легкое.

«По крайней мере, куда легче, чем сохранение твоей жизни».

Фэрфакс медленно выдохнула:

— Что ж, тогда давай. Да пребудет с тобой Фортуна.

— Нет нужды быть такой доблестной и мужественной. — Тит сжал ее ладонь. — Прибереги это до поры, когда начнешь умирать по-настоящему.

А такой момент мог наступить через несколько коротких минут, если их усилий окажется недостаточно, чтобы ее спасти.

— Я буду такой доблестной и мужественной, как мне захочется, — возразила Фэрфакс, — чтобы многие годы спустя при воспоминании о невероятно отважной девушке из Сахары твои глаза все так же затуманивались от слез, перед тем как ты упадешь лицом в тарелку.

Она шутила, но ее ладонь дрожала в руке Тита. И внезапно ему показалась нестерпимой мысль о возможности потерять Фэрфакс.

— А ты, к тому времени ставшая беззубой старухой, будешь отвечать мне подзатыльники и кричать, чтобы я не смел засыпать в десять часов утра. — Он притянул ее к себе и поцеловал в щеку. — Ты умрешь, но не сегодня. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить этого.

Они подползли под стоявшую рядом бронированную колесницу. Сейчас она походила на пузатую тяжеловесную птицу, неловко припавшую к земле. Однако этому транспорту и не

полагалось быть элегантными, в нем ценилась боевая мощь.

Тит почти касался плечами сапог двух солдат. Когда Фэрфакс заставила пески внутри круга крови вздыбиться с еще большей яростью, атланты, несмотря на защитные маски, прикрыли лица руками.

Тит постарался дышать медленно, контролируя каждый вдох — сделав первый шаг, он уже не сможет остановиться, пока не доведет дело до конца.

Или не потерпит полный крах.

Фэрфакс положила руку на его плечо, подавая знак, что заставила песчаную бурю бушевать предельно неистово. Тит еще раз вдохнул поглубже и одними губами прошептал:

— *Tempus congelet. Tempus congelet.*

Хаос, царивший вокруг, подарил редкую возможность применить останавливающее время заклинание к каждому атланту по отдельности. Это давало Титу около трех минут.

Они с Фэрфакс выползли из-под бронированной колесницы, забрали у солдат палочки в форме восьмиугольных призм и поспешили к расположенному справа люку. Его очертания были почти не видны, но стоило откинуть два небольших квадратных колпачка и всунуть атлантские палочки в открывшиеся защищенные отверстия, люк тихо распахнулся.

Аскетичная обстановка внутри колесницы полностью соответствовала потребностям военного транспортного средства: сплошные стальные стены и титановые ребра.

Прежде, чем пилот успел обернуться, Тит применил к нему останавливающее время заклинание. Затем, когда они с Фэрфакс забрались внутрь и захлопнули люк, тут же остановил время и для нее. Под воздействием этого заклинания маг неуязвим для большинства чар и проклятий, и Тит надеялся, что это даст Фэрфакс дополнительную защиту против круга крови. А если нет — то хотя бы задержит реакцию на несколько минут.

Он привязал ее ремнями безопасности, прикрепленными к фюзеляжу, и бросился к пилоту, маневрируя между свисающими с потолка петлями, за которые пассажиры должны были держаться во время полета. Палочка пилота уже торчала из восьмиугольного отверстия рядом с его креслом.

Перед ним располагались поводья, уходящие в щели в полу. Тит положил ладони поверх рук атланта, подхватил поводья и тряхнул ими. Бронированная колесница поднялась в полной тишине, не считая беспрестанно завывающей снаружи песчаной бури.

Накренив нос колесницы, Тит направил ее по дуге. Место, где Фэрфакс выдала свое местоположение, находилось на восточной границе кровного круга. Тит полетел на юго-запад.

Бросив быстрый взгляд назад, он увидел, что Фэрфакс по-прежнему не шевелится и выглядит совершенно нормально для человека под воздействием останавливающего время заклинания.

Теперь оставалось положиться на волю случая.

Тит увеличил скорость до максимальной и посмотрел на часы возле кресла пилота, подсчитывая, сколько осталось времени. А через одну минуту и пятнадцать секунд с силой натянул поводья. Колесница резко остановилась, и если бы Тит не держался за пристегнутого атланта, его бы швырнуло на переднее окно.

Он побежал назад, открыл люк, распутал Фэрфакс и вытащил ее наружу. Потом развернул аппарат и понесся обратно в кровный круг, используя приборную панель, чтобы в точности повторить свой путь. Тит приземлился там же, откуда перед этим взлетал, выскочил из колесницы, закрыл за собой люк, вернул палочки солдатам и перескочил.

Но достигнув места, где оставил Фэрфакс, увидел, что она бесследно исчезла.

Англия

Тит ворвался в лабораторию и вытащил пузырек с гранулами, каждая из которых была на вес золота.

Панацея.

Затем вернулся в Бейкрест-хаус. Кашкари в этот самый момент пытался не дать Уинтервейлу подавиться собственным языком. Тит обхватил голову кузена и каким-то образом заставил его проглотить двойную дозу панацеи.

Почти в ту же секунду Уинтервейл перестал биться в конвульсиях и теперь просто дрожал мелкой дрожью. Капли пота выступили у него на лбу и над верхней губой. Бедняга с трудом хватал воздух губами, хотя на лицо его постепенно возвращались краски. Не прошло и десяти минут, как измученный Уинтервейл провалился в тяжелый сон.

Кашкари вытер пот со своего лба:

— Вот такое немецкое лекарство я бы не отказался иметь под рукой.

Тит взглянул на часы — им надо было вернуться к миссис Долиш до отбоя.

— Нам лучше отвести его на вокзал, — сказал он, все еще учащенно дыша после пережитого испуга, — иначе опоздаем на поезд.

Кашкари ухватился за спинку стула; его дыхание тоже было тяжелым и прерывистым.

— Спины у нас крепкие — я меньше всего переживаю, как мы дотащим его туда. Надеюсь только, что от поездки ему не станет хуже.

— С ним все будет в порядке, — заверил Тит.

Принятой Уинтервейлом панацеи хватило бы, чтобы пережить заклинание казни, что уж говорить о легком подрагивании железнодорожного вагона.

— Дай бог, чтобы ты оказался прав, — вздохнул Кашкари. — Дай бог.

* * *

Иоланта села в купе к Куперу и Сазерленду, и они начали играть в «двадцать одно», ставя на кон по полпенни с каждого. В соседнем купе, где ехали остальные трое ребят, стояла гробовая тишина. Перед посадкой в вагон принц отозвал Иолу в сторону и рассказал ей, что Уинтервейл сейчас под действием панацеи. Она кивнула и вернулась к Куперу.

«Двадцать одно» оказалось самой легкой немагической карточной игрой, в которую Иоланта когда-либо играла. Ей только и надо было следить, чтобы сумма очков карт как можно больше приближалась к двадцати одному, не допуская при этом перебора. И все же после пересадки в другой поезд в Лондоне она отказалась продолжить. Выйдя из купе, Иола остановилась в проходе и уставилась в окно на проплывающие мимо окраины города. Уличные фонари и освещенные окна появлялись все реже и реже по мере того, как они углублялись в сельскую местность.

Дверь в соседнее купе открылась и закрылась. Сердце Иоланты екнуло. Но рядом с ней встал не Тит, а Кашкари.

— Мне жаль, что ты можешь нас покинуть, — сказал он.

Речь шла о семействе Фэрфакс и скотоводческой ферме в Вайоминге.

— Я бы хотел, чтобы все осталось, как есть. Но грядут перемены, и я не могу их остановить. — Она мельком взглянула на индийца. — Ты понимаешь, о чем я.

Кашкари едва заметно улыбнулся:

— В моем случае это больше походило на «бойся своих желаний». Я всегда хотел встретить девушку из своих снов.

— Любовь с первого взгляда, а?

— Скорее, изумление с первого взгляда.

— Она настолько красива?

Лицо Кашкари приняло мечтательный вид.

— О да, очень, но я всегда знал, как она выглядит. Я изумился, когда увидел ее воочию в том месте и в то время, когда меньше всего этого ожидал.

Судя по всему, они проезжали церковь; колокольный звон еле слышался из-за шума поезда. Иоланта лихорадочно подыскивала другие слова, кроме вертевшихся на языке «Мне очень жаль». Ей действительно было ужасно жаль Кашкари — и хотелось предложить ему лучшее утешение, чем избитые фразы, которые уже ничего не изменят.

Внезапно она во все глаза уставилась на приятеля. *«Я всегда знал, как она выглядит. Девушка из моих снов».*

— Ты хочешь мне сказать, что *в буквальном смысле* видел ее по ночам, когда ложился спать?

Кашкари вздохнул:

— Вот только сны не показали, что она окажется обручена с моим братом.

Он что, говорил о *пророческих снах*?

— Помнишь, в прошлом семестре ты рассказал, что астролог посоветовал тебе поступить в Итон? Мои познания в астрологии довольно поверхностны, но и их достаточно, чтобы понимать: звезды редко бывают настолько точны. Может, астролог просто истолковал твой сон?

— Отличная догадка. Так оно и было.

— Что ты видел?

— В первом видении я прогуливался вокруг Итона. Я не знал, где нахожусь, но увидев один и тот же сон несколько раз, расспросил отца об этой школе в расположенном на реке английском городке, близ которого виднеются замковые стены. Я нарисовал эту крепость и показал ему. Отец местность не узнал, но когда он показал рисунок другу, бывавшему в Англии, тот поведал, что картинка очень напоминает Виндзорский замок. Я не пошел к астрологу с этим сновидением — решил, оно просто означает, что я однажды там побываю. Но потом начал видеть другой сон, где был одет в эту странную неиндийскую одежду и смотрел на себя в зеркало. Мы выяснили, что это форма Итона. И вот тогда-то и обратились к астрологу, который сообщил, мол, звезды предвещают, что я проведу почти все отрочество вдали от дома. После этого визита мама повернулась ко мне и сказала: «Похоже, теперь мы знаем, куда ты собираешься».

— Это... весьма поразительно, — протянула Иоланта, весьма пораженная рассказом.

Она понятия не имела, что немагам снились подобные сны о будущем, но с ее стороны было бы узколобо предполагать, будто лишь маги могут погружаться в поток времени. Ведь видения никак не связаны ни со стихийной магией, ни с магией тонких сфер.

— Это звучит сверхъестественно, так что я не болтаю об этом налево и направо. Ну, то есть, люди тут очень любят спиритические сеансы, но все равно...

— Я понимаю, — согласилась Иоланта. А на подъезде к Слау вдруг вспомнила, о чем еще хотела спросить: — Выходит... ты не был влюблен в девушку из своих снов, а просто постоянно ее видел?

Она надеялась, ради блага Кашкари, что так оно и есть.

— Если бы, — вздохнул он. — Я любил ее всю жизнь.

* * *

Тит постучал в дверь:

— Ты там, Фэрфакс?

После долгой паузы она ответила:

— Да.

Высокая стена ответа. *«Да, я здесь, но тебе тут не рады».*

В доме миссис Долиш уже почти наступило время отбоя. Последняя группка ребят выходила из уборной. Хэнсон приставал ко всем с вопросами, не видел ли кто-нибудь его словарь греческого языка, и Роджерс метнулся к себе за упомянутой книгой. Сазерленд, живший напротив Купера, крикнул, чтобы тот открыл дверь, а когда Купер это сделал, в него через весь коридор полетели носки, сопровождаемые возгласом: «Ты опять снял носки в моей комнате!»

Фэрфакс любила все это: нормальность и легкомыслие огромного количества мальчишек, которых запихнули в очень тесное пространство. Тит прижал ладонь к ее двери, жалея, что не может заставить время повернуть вспять.

— Спокойной ночи. — Как же он ненавидел эти бесполезные слова.

Фэрфакс ничего не ответила.

Чуть дальше по коридору из комнаты Уинтервейла вышел Кашкари — несмотря на уверения Тита, что состояние больного не ухудшится, пока тот будет спать, индеец решил оставаться рядом.

Тит направился к нему:

— Как он?

— Без изменений. Спит крепко, основные жизненные показатели в норме... насколько я могу об этом судить. — Кашкари на мгновение заколебался. — Ты абсолютно уверен, что не дал ему никаких лекарств, в которых мог оказаться пчелиный яд?

— Да, уверен, — ответил Тит, не особо заботясь, поверят ли ему. — Спокойной ночи.

* * *

С раскалывающейся головой Тит вновь направился в лабораторию после отбоя. Он мог единым махом перенестись на пять сотен верст и прежде никогда не перескакивал так часто, чтобы определить верхний предел собственного дневного диапазона. Однако сейчас, со всеми этими перемещениями в лабораторию за последние двадцать четыре часа, возможно, приблизился к данному пределу.

Он вернул все лекарства, которые брал в Бейкрест-хаус: панацею и прочее, от чего Уинтервейлу стало только хуже. Обычно аккуратист до мозга костей (времени и так вечно не хватает, чтобы тратить его, копаясь в беспорядке), этим вечером Тит не смог справиться с простейшим заданием и расставить лекарства по местам, лишь сунул склянки в сумку, а ее

— в пустой ящик стола.

С панацеей, однако, нельзя было обращаться столь бесцеремонно. Этот особый пузырек Тит вернул на законное место — в сумку для чрезвычайных ситуаций, которую приготовил для Фэрфакс.

Он провел пальцами по ремешку — одному из мест, где оставил для нее тайные послания. Лучше бы, конечно, уничтожить те, что касаются не их миссии, а лишь чувств, которые оказалось проще излить письменно, чем высказать вслух. Однако Тит не хотел. Это было бы равносильно полному уничтожению присутствия Фэрфакс в его жизни.

Тело охватило изнеможение — он не просто чувствовал усталость, а потерял надежду.

Тит принял дозу средства, помогающего при скачках, чтобы уменьшить головную боль, сел за длинный рабочий стол в центре лаборатории и открыл дневник матери. Самый жестокий из его учителей, этот дневник все же оставался единственным достойным доверия проводником в постоянно изменяющемся мире.

«25 февраля 1021 державного года.

Ненавижу видения о смерти. Особенно ненавижу видения о смерти тех, кого я люблю».

Тит чуть не закрыл дневник. Ему не хотелось снова вспоминать подробности собственной гибели, подробности, которые делали ее реальной и неотвратимой.

Но он не мог не читать дальше.

«Или же в данном случае, о смерти, которая причинит страдания тому, кого я люблю. Но полагаю, от этого никуда не деться. Смерть приходит, когда пожелает, и выжившим всегда остается лишь горевать».

Тит выдохнул. Речь шла не о его гибели. Тогда о чьей же?

«Туман, плотная желтая стена, словно масло, капающее в грязь. Проходит несколько секунд, прежде чем мне удастся разглядеть в тумане лицо. Я тут же его узнаю, оно принадлежит Ли, сыну дорогой Плейоны».

Уинтервейл.

«Это все еще молодой паренек, хотя и на несколько лет старше себя теперешнего. Он пристально смотрит из-за закрытого окна на густую шевелящуюся пелену тумана, которая словно давит на стекло в поисках возможности проникнуть внутрь».

Он в спальне. Возможно, своей собственной. Точно сказать не могу, поскольку она отделана в мрачных тонах, в незнакомом мне стиле.

В доме и снаружи не слышно ни звука. Мне начинает казаться, что это видение беззвучно, как вдруг мальчик громко вздыхает. Этот вздох слишком печальный, слишком тяжелый, он переполнен горем и тоской по чему-то утраченному. Эти эмоции чересчур сильны для столько молодого юноши, фактически ребенка, который ни в чем не должен нуждаться.

Тишину разрезает вопль. Ли отшатывается от окна, бежит к двери и кричит: «Мама, что с тобой?»

Ответом ему становится еще один леденящий кровь вопль.

Он выбегает в коридор — без сомнений, это прекрасный дом, но он кажется слишком ветхим и тесным для такого сказочно богатого человека, как барон Уинтервейл.

Теперь Ли в более просторной и вычурной спальне. Плейона лежит на груди мужа и сотрясается от безудержных рыданий.

— Мама? Папа? — Ли застывает в дверях, словно боится пошевелиться. — Мама? Что с папой?

Плейона дрожит — Плейона, которая всегда была такой сдержанной, такой уверенной в себе.

— Беги вниз и скажи миссис Найтвуд, чтобы отвела тебя к Розмари Альгамбра. Как доберешься, попроси мисс Альгамбра прийти и привести лучшего врача, которого она сможет отыскать среди изгнанников.

Ли не двигается с места.

— Иди! — кричит Плейона.

Он убегает, его быстрые шаги эхом отражаются в коридоре.

Плейона поворачивается к своему неподвижному мужу. Нежно берет его лицо в свои ладони и целует его в губы. Затем поднимает руку и заправляет волосы мужа за ухо. Я задыхаюсь в ужасе, разглядев едва различимую красную точку на его виске — красноречивое свидетельство заклинания казни».

Так значит, это все-таки правда. Причиной смерти барона Уинтервейла была названа острая сердечная недостаточность, но слухи о том, что он умер от заклинания казни по приказу Атлантиды, не прекращались долгие годы.

«Должно быть, он мертв уже несколько часов, судя по тому, как побледнела красная точка. К тому времени, как Ли вернется с Розмари Альгамбра и сведущим врачом, эта точка — как и ее сестра-близнец на другом виске — исчезнет окончательно и бесповоротно.

Взгляд Плейоны ожесточается. Она стискивает безжизненную руку мужа.

— Ангелы, возможно, проявят милосердие. Но я — нет. Я не забуду и не прощу.

Потом она снова падает на мужнину грудь и раздражается слезами.

На этом месте мое видение оборвалось. Я пошла взглянуть на Тита, который играл в одиночестве, отследившая маленький пруттик на поверхности пруда.

Я поспешила к сыну и крепко его обняла. Он удивился, но позволил мне долго сжимать его в объятиях.

Я всегда поражалась, почему в моем видении о похоронах баронессы Соррен было так малоллюдно. Допустим, баронесса вызывала скорее восхищение, чем любовь, но она внушала такое колоссальное уважение, что я всегда находила отсутствие людей на ее похоронах одновременно удручающим и жутковатым.

Теперь я все поняла.

Наше восстание потерпит поражение. Мало кто посмеет прийти и отдать последний долг баронессе Соррен, поскольку ее казнит Атлантида. А барон Уинтервейл, хотя он мог тем временем скрыться, вскорости тоже станет жертвой мести Атлантиды.

А я, что будет со мной? Если наши усилия пойдут прахом, будет ли раскрыт секрет моего участия? И если да, какие это повлечет последствия?

— Мама, хочешь пойти со мной покормить рыбок? — спросил Тит.

Я поцеловала его затылок. Мой милый, чудесный ребенок.

— Да, дорогой. Давай займемся чем-нибудь вместе.

Пока еще можем».

Тит помнил тот день. Они не только покормили рыбок, но и сыграли несколько партий в «Престол», а потом отправились прогуляться в горы. У него голова кружилась от счастья — нечасто ему удавалось завладеть безраздельным вниманием матери. Но несмотря на полученное море удовольствия, Тита не покидало предчувствие беды. Как будто все это могут у него отнять.

Несколько недель спустя так и произошло.

А теперь у Тита вновь отобрали все, что имело значение.

«Ничто и никто нас не разлучит», — говорила Фэрфакс.

Ничто и никто, кроме суровой десницы Фортуны.

* * *

Иоланте казалось, что она не сомкнула глаз целую ночь, тем неожиданней было пробуждение. На улице стоял непроглядный мрак. Она вызвала маленький язычок пламени, чтобы посмотреть, который час. Без десяти пять.

Какая ирония. В это самое время Иола поднималась каждое утро весь последний семестр. До конца не проснувшись, натягивала первую попавшуюся одежду и шла в комнату Тита, где он уже ждал ее с чашкой чая. Сделав несколько глотков, они отправлялись в Горнило, где Иоланта изучала границы своей выносливости.

В этом семестре они еще не начинали тренироваться — ждали, пока будет готов новый вход в лабораторию, ибо Тит не осмеливался более держать Горнило в школе, — однако Иола понимала, что задания станут лишь сложнее. Потому что они выиграли сражение, но не войну. Потому что им все еще предстоял долгий путь.

А теперь их дороги разошлись, и ее со всего маха врезалась в стену.

Спустив ноги с кровати, Иоланта спрятала лицо в ладонях. Как прекратить быть Избранной? Как вернуться к обычной жизни, когда она безоговорочно уверовала, что оказалась той самой осью, вокруг которой вращаются рычаги судьбы?

Иола умылась, оделась, налила себе чашку чая и села за стол, чтобы повторить заданные на уроке стихи на латыни, чувствуя себя актером на сцене, четко исполняющим поставленные движения.

«Я живу ради тебя, ради тебя одной».

«Как же я рад, что это ты. Я бы не смог разделить все это ни с кем другим».

Как же легко столь пылкие заявления утратили смысл — словно листья, в разгар лета сверкающие зеленью, но с приходом зимы ставшие хрупкими и безжизненными.

Иоланта не могла дышать от разрывающей грудь мучительной боли.

А самым ужасным было то, что сердцем — и разумом — она понимала, от нее избавились, но тело не хотело с этим смириться. Мускулы и кости жаждали попасть в Горнило, сражаться с драконами, монстрами и темными магами. Она не могла остановиться, беспокойно постукивая пальцами по краю стола и без конца поднималась со стула, чтобы пройтись по комнате, превратившейся в темницу.

Казалось, рассвет никогда не наступит и никто из ребят вовек не проснется. Услышав шаги и стук где-то дальше по коридору, Иоланта облегченно подскочила, но, схватившись за дверную ручку, заколебалась. Что, если это Тит?

Тем не менее она рывком распахнула дверь.

Это оказались миссис Долиш и ее помощница, миссис Хэнкок — еще один специальный агент министерства управления заморскими владениями.

В то же мгновение открылась дверь Кашкари.

— Доброе утро, Кашкари. Доброе утро, Фэрфакс, — с улыбкой поздоровалась миссис Долиш. — Рановато вы сегодня поднялись.

— Эти строчки сами собой не запомнятся, — отозвалась Иоланта, подбавив в голос

веселья, которого не чувствовала. — И вам доброе утро, мэм. Доброе утро, миссис Хэнкок.

— Ночной сторож сказал, что Уинтервейла пришлось вносить в дом, когда вы вчера вернулись. — Миссис Долиш покачала головой. — Каким именно полезным для здоровья спортом вы, мальчики, занимались в загородном доме дяди Сазерленда?

— Плаванье в студеной воде целый день и распевание гимнов вокруг костра весь вечер, мэм, — ответила Иоланта.

— В самом деле? — Миссис Хэнкок вздернула бровь. — Это правда, Кашкари?

— Почти. — Кашкари, в белой тунике и пижамных брюках, вышел в коридор. — Только Уинтервейл присоединился к нам лишь вчерашним вечером. Он съел что-то не то в своем путешествии.

Миссис Хэнкок открыла дверь Уинтервейла, проскользнула в комнату и зажгла газовую лампу на стене. Миссис Долиш направилась за ней. Кашкари и Иоланта обменялись взглядами и последовали ее примеру.

Уинтервейл спал глубоким и мирным сном. Миссис Хэнкок пришлось несколько раз потрясти его за плечо, прежде чем он открыл один глаз.

— Вы.

После чего вновь заснул.

Миссис Хэнкок снова его встряхнула:

— Уинтервейл, вы в порядке?

Тот что-то пробормотал.

Она повернулась к Иоланте и Кашкари:

— Какая-то странная разновидность желудочной болезни, не находите?

— Прошлой ночью он был очень плох, его непрестанно тошнило, — ответил Кашкари. — Принц дал ему какое-то лекарство, сделанное придворным врачом его... его...

— Княжества Сакс-Лимбург, — любезно подсказал миссис Долиш.

— Да, спасибо, мэм. Полагаю, лекарство по большей части состоит из опиума, и Уинтервейлу просто стало легче после сна.

— А я полагаю, что герр доктор фон Шнурбин не обрадуется тому, что вы публично обсуждаете секретные ингредиенты его самых прекрасных препаратов, — донесся от двери голос Тита.

Иоланта почувствовала, что задыхается. Пока она живет в Итоне, ей придется играть роль друга принца. Но теперь для их дружбы не осталось никаких оснований: их связывала общая судьба, и без нее Иола была лишь ошибкой, которую Тит совершил где-то по пути.

— Доброе утро, ваше высочество, — поздоровалась миссис Долиш. — Не сомневаюсь, что ваши лекарства пошли Уинтервейлу на пользу, но его следует показать врачу.

Иоланта украдкой посмотрела на миссис Хэнкок. Та знала, кем был Уинтервейл. И также, вероятно, знала, что леди Уинтервейл никогда не согласится на осмотр доктором-немагом. Однако миссис Хэнкок, кажется, предоставила миссис Долиш возможность взять инициативу в свои руки.

— Тогда лучше пошлите телеграмму его матери, — предложил Тит. — Она отправит их семейного врача — Уинтервейлы крайне избирательны в этом плане. И прикажите одной из ваших поденщиц посидеть подле него на случай, если ему что-нибудь понадобится.

Миссис Долиш ничего не сказала по поводу повелительного тона принца, но непреклонно заявила:

— Лучше бы этому семейному врачу приехать не позднее завтрашнего дня. Пока

Уинтервейл под нашей крышей, мы отвечаем за его благополучие, и подобные вещи не терпят отлагательства. А вам, мальчики, пора готовиться к началу занятий.

Миссис Долиш и миссис Хэнкок ушли. Кашкари, позевывая, вернулся в свою комнату.

— Фэрфакс, — произнес Тит.

Ничего не ответив, Иоланта направилась к себе и закрыла дверь.

Сквозь шторы начинал пробиваться слабый свет. Иола схватила миску с печеньем и подошла к окну. Занимался новый день. По земле стелился прозрачный туман, но небо было ясным, и восходящее солнце, казалось, вот-вот озарит верхушки деревьев золотисто-алыми лучами.

Тех самых деревьев, стоя под которыми, Иоланта тоскливо всматривалась в окно этой комнаты как раз перед тем, как покинула принца, потому что не хотела иметь ничего общего с его безумными замыслами.

Она прищурилась. Обман зрения, или под деревьями кто-то есть? Иола открыла окно и высунулась наружу, но теперь видела лишь стволы, ветки и листья, все еще цеплявшиеся за воспоминания о лете, хотя то тут, то там уже красовались желтые и багряные пятна.

В детстве учитель Хейвуд каждый октябрь брал ее с собой, чтобы полюбоваться на осенние краски в Верхне-маринском приграничье, где сентябрь и октябрь по обыкновению были ясными и солнечными. Они жили в домике на озере и каждый день, просыпаясь, наслаждались великолепием отражающегося в зеркальной воде склона, укрытого пламенеющей листвой.

Учитель Хейвуд.

«Учитель Хейвуд».

Иола, разумеется, постоянно думала о нем, но со смутной тоской, как астрономы, стремящиеся к звездам, до которых не могут дотянуться. Однако ее с учителем разделяли не бесконечные время и пространство; он всего лишь скрывался.

Грудь пронзило чувство вины. Если бы Иоланта достаточно сильно этого хотела, то уже раскопала бы *хоть какую-то* полезную информацию. Вот только она, убежденная в своей великой цели, не предприняла ни единого шага к обнаружению опекуна.

Она вышла из комнаты и постучалась в дверь принца.

— Фэрфакс! — От огонька робкой надежды, затеплившегося в его глазах, сердце болезненно сжалось. Тит потянулся, словно хотел прикоснуться к ней, но замер. — Входи, пожалуйста.

Иоланта шагнула в одну из самых своих любимых комнат.

— Чаю? — Тит уже направлялся к камину.

Она собралась с духом:

— Нет, спасибо. Я только хочу спросить, готов ли новый вход в лабораторию.

Он остановился.

— Будет готов сегодня днем.

— Ничего, если я им воспользуюсь? Мне надо кое-что поискать в читальном зале.

— Да, конечно. Пожалуйста. В любое время.

Это его или ее отчаяние? Иоланта стиснула руки за спиной.

— Это очень любезно с вашей стороны, ваше высочество. Благодарю.

— Могу я еще что-нибудь для тебя сделать?

— Нет, спасибо.

Тит посмотрел на нее:

— Уверена?

— Да, уверена, — выдавила Иоланта.

Затем вернулась к себе и на минуту прислонилась к двери.

Так вот к чему сведется их общение: неестественная вежливость, словно у разведенной пары, которой по-прежнему приходится пересекаться.

И разумеется, именно Иола из них двоих не нашла никого другого.

Пустыня Сахара

Тит развернулся. Страх клинком пронзил легкие. До круга крови верст шесть. Кругом бушевала настоящая песчаная буря — в двух шагах уже ни зги не видно. Благо, погода создала лучшее прикрытие от преследователей. Но если Фэрфакс отошла даже ненамного, то ее не найти...

Кто-то схватил его за лодыжку. Тит направил в ту сторону палочку и уже готов был произнести жестокое атакующее заклинание, как до него дошло, что это спрятавшаяся в песке Фэрфакс.

Тит присел на корточки и вытащил ее за руку.

Фэрфакс почти потеряла сознание. Вокруг ее губ виднелись пятна крови. Она сумела открыть глаза:

— Ты как?

Не успел Тит ответить, как ее стошнило кровью на песок.

От приступа паники он едва дышал. Если уж панацея ее не спасет, все его способности бесполезны.

Тит обхватил лицо чародейки руками:

— Спи. Спи, и все будет хорошо.

Она закрыла глаза и уснула.

Осталось лишь найти убежище. Из большого внешнего кармана на сумке Фэрфакс Тит вытащил палатку, сложенную в плотный квадрат. Как только ткани коснулся песок, ее цвет сменился с непримечательно-зеленого на матовый. Камуфляжная палатка. Вдобавок ей можно было придать несколько форм, включая такие, что имитируют естественные природные образования. Тит выбрал вариант, напоминавший легкую неровность песка, затащил Фэрфакс в палатку, залез следом и закрылся изнутри.

Спина словно горела огнем. Он принял еще обезболивающего и ненадолго задремал, вскакивая каждый раз, как слышал скрежет металла о песок — признак близости бронированной колесницы, — и засыпая, едва опасность отступала.

Когда Тит наконец пришел в себя, то съел половину питательного батончика и внимательно рассмотрел содержимое сумки Фэрфакс. Кроме забитой под завязку аптечки, у нее было все, что только может понадобиться беглецу, включая плот, простыни-грелки, охотничьи веревки и поводья для виверн, перитонов и других разновидностей крылатых коней.

К каждому предмету прилагалась письменная инструкция на тонкой, как луковая шелуха, и все же прочной бумаге. Весьма подробные инструкции, будто писавший ожидал, что сумка окажется в руках кого-то не столь опытного как Фэрфакс.

И только добравшись до самого маленького отделения сумки, Тит изумился донельзя.

«Гражданские палочки Атлантиды, две штуки.

Ангельские ключи, шесть штук.

Обрыв пункта назначения для восточного деламерского узла между мирами, переместитель, 4 штуки».

Гражданские палочки Атлантиды выдавались официально, каждая регистрировалась

под определенным номером и использовалась для установления личности. Штрафы за кражу, потерю или случайное уничтожение были высоки, поэтому атланты не делали дубликатов.

Но те все еще иногда всплывали на черном рынке. С другой стороны, ангельские ключи, получившие свое название потому, что открывали любую дверь, встречались намного реже и стоили почти непомерно дорого. А обрыв пункта назначения, настроенный на особый переместитель, не достать на черном рынке даже за целое состояние.

Неужели Фэрфакс собиралась отправиться в Атлантиду незаконным путем, а там выдать себя за атлантку и... открыть двери, куда ей ход закрыт?

Тит взял чародейку за руку. Пульс медленный и ритмичный.

Песчаная буря закончилась так же резко, как летний дождь: после потопа в следующий миг уже чистое небо. Тит отпустил Фэрфакс, добрую минуту прислушивался и только потом выглянул наружу.

Зажглись бесчисленные яркие звезды. Тит прищурился, высматривая черные движущиеся точки в небе — ведь без песчинок в воздухе, выдающих их местоположение, бронированные колесницы могли сейчас спускаться прямо сюда, а он бы и понятия не имел. Но пока вроде опасности не наблюдалось.

И вариантов почти не осталось. Фэрфакс не в силах совершить скачок. В ее состоянии даже пять шагов могли убить. У них не было ни транспорта, ни вьючных животных. О том, чтобы торчать на месте, и речи не шло: они все еще слишком близко к кругу крови, а чем больше это расстояние, тем меньше шанс, что Атлантида их обнаружит.

Тит приготовился уходить.

* * *

Ветер был острым как сосульки. Температура упала, и от холода Тит не чувствовал нос и щеки.

Хотя его легкая туника все же сохраняла тепло. Капюшон закрывал шею и голову; руки Тит сунул в карманы, только иногда проверяя пульс Фэрфакс.

Она плыла по воздуху рядом с ним: кисти спрятаны в рукавах, голова прикрыта найденным шарфом. Ее ноги он обернул простыней-грелкой, потому что одежда спутницы была не из волшебной материи. Талию перехватывала охотничья веревка, связывающая Фэрфакс с Титом.

Она спокойно спала.

Почти ежеминутно Тит указывал палочкой назад, чтобы убрать отпечатки подошв на песке. Каждые тридцать секунд изучал небеса заклинанием дальнозоркости. Он шел на юго-запад. Первая эскадрилья бронированных колесниц на большой скорости пролетела на северо-восток в противоположном направлении, а следующая, как назло, находилась в нескольких верстах к югу. И хоть это не по пути, был шанс, что колесницы облетят по кругу и пройдут над беглецами.

Три часа спустя Тит заметил каменные башни, торчавшие из земли, словно колонны разрушенного дворца, и повернул к ним. Заклинание левитации постепенно теряло силу, и Фэрфакс опускалась все ниже. Несмотря на безлунную ночь, множество звезд над головой придавали воздуху слабое сияние, так что безопаснее было устроиться среди черных как смоль теней развалин и несколько минут передохнуть.

Вскоре сапоги перестали утопать в песке, но икры заныли от другой нагрузки: земля медленно и неуклонно поднималась. И колонны, которые издали выглядели удивительно прямыми и цельными, вблизи оказались зигзагообразными да еще и качались на ветру. Некоторые из них венчали камешки, которые ненадежно балансировали на побитых песком столбах.

Фэрфакс теперь летела на уровне коленей Тита, краем туники чуть касаясь земли. Конечно, лучше бы левитировать ее и дальше, но заклинание истончалось слишком быстро, до укрытия точно не хватит. Тит развязал охотничью веревку и уложил чародейку на землю.

Температура Фэрфакс была обычной, ни следа гипотермии. Медленный и четкий пульс тоже в пределах нормы. Когда он разбудил ее попить воды, она даже улыбнулась, прежде чем снова отключиться.

Видела ли Фэрфакс сны? Дышала она глубоко и размеренно. Не морщила лоб, веки не трепетали, лицо спокойное, лишь легкая испарина на щеках и переносице. Фэрфакс совершенно не походила на мятежницу, жаждущую развалить империю. Тит посчитал бы ее студенткой Высшей Академии, чьи способности и преданность делу раздражали бы одноклассников, кабы не ее согласие помогать им готовиться к экзаменам.

Он повернул девичью ладонь и пригляделся, будто линии, которые он даже не видел, отражали события, что привели чародейку в это место и время. Тит поднес ее руку к губам. Но в следующий миг осознал, что едва не сделал, смутился и поспешно отпустил.

Тит снова воспользовался заклинанием дальнорукости и обнаружил, что вместо одной эскадрильи из трех колесниц на юге на самом деле обосновалось три разных эскадрильи. Теперь он находился чуть повыше и в более выгодном для обзора положении, так что прекрасно видел свет, исходящий из их недр и озаряющий каждый квадратный метр пустыни на своем пути, пока колесницы летали кругами в поисках беглецов.

Они приближались. Надо было затащить Фэрфакс в тень колонн, пока не угодили в поле зрения врага.

Наверняка среди камней нашли убежище и другие создания. Утренняя роса, собравшаяся на внутренней стороне исполинов, давала достаточно влаги, чтобы привлечь всяческую живность. От ящериц и черепах до скорпионов и змей. Тит решил, что лучше разведать обстановку, дабы случайно не уложить спутницу на гнездо гадюк.

Оставив Фэрфакс под эластичным куполом, он направился к колоннам. Из рта шел пар. Земля под ногами была скользкой, верхний слой песка покоился на твердых булыжниках. Сверху открывался замечательный вид на ночной Млечный Путь, небесную арку, светящуюся серебристо-синюю реку звезд.

На этом фоне вырисовывалась ближайшая колонна, на вершине которой непонятно как удерживал равновесие пузатый булыжник. Тит остановился и прищурился. Что-то покачивалось на камне. Змея? Десяток змей?

Кровь застыла в жилах. Охотничьи веревки. Ну разумеется, Атлантида понаставила ловушек в радиусе семидесяти пяти верст во всех убежищах, куда Тит мог податься, осознав, сколь тяжело оставаться под открытым небом.

Вовремя он замер. Охотничьи веревки встрепенулись, чувствуя его приближение. Ситуация тупиковая. Если Тит пошевелится, они бросятся за ним — такие веревки двигались намного быстрее пешего мага. Но если ничего не сделает, то их с Фэрфакс засекут поисковые лучи бронированных колесниц.

Тит побежал. За его спиной одна за другой опустились десятки охотничьих веревок. В

ушах отдавались собственные топот и тяжелое дыхание. Однако он все же чувствовал, как веревки скользят по песку, намного легче и быстрее, чем настоящие змеи.

Тит скользнул под эластичный купол как раз, когда твари подобрались вплотную. Однако о безопасности речь не шла. Веревки принялись копать. Земля под куполом была твердой и плотной, но все же лишь вопрос времени, когда они проберутся внутрь.

Тит схватил сумку для экстренных случаев. При этом коснулся чего-то длинного и гибкого, подпрыгнул и чуть не закричал, пока не понял, что эта веревка привязана к Фэрфакс и не собирается на него нападать.

Он произнес развязывающееся заклинание, веревка ослабла и разделилась на три куска. Тит взял один и потер концы три раза.

— Принеси скорпиона.

Веревка вылетела из купола в направлении каменных колонн. Все остальные, ползающие вокруг или пытающиеся сделать подкоп, бросились следом.

По песку будто защелкал десяток кнутов.

Охотничья веревка Тита не перестанет добиваться поставленной цели, даже если ее преследует полчище товарок, пытаясь поймать и связать. Переполох привлечет внимание остальных ловушек поблизости, если они есть, и уведет погоню от Тита.

Он с облегчением схватил Фэрфакс за руку.

И тут же в тревоге отпрянул, когда из-за камней резко появился луч света, затем еще один и еще. Ночное небо прорезали черные бронированные колесницы, похожие на морских чудовищ.

Англия

Принц вошел в комнату как раз, когда Иоланта у окна подглядывала в щель между занавесками.

— Что случилось?

— По-моему, кто-то поутру следил за домом из-за деревьев. Точно не знаю.

— Неудивительно. Для Атлантиды я все еще единственная ведущая к тебе ниточка. На их месте я бы тоже за собой следил.

Разумно.

Иоланта отступила от окна.

— Идем?

Тит предложил ей руку, чтобы совершить скачок вместе. Иола закусилла нижнюю губу. Она не прикасалась к нему с тех пор, как он заявил, будто их партнерство — ошибка.

Но такова жизнь: каким бы драматичным ни был разрыв, со временем рутина возьмет свое. Им придется по-прежнему сосуществовать друг с другом, каждый вечер обедать за одним столом и даже иногда идти на физический контакт.

Иоланта положила руку на предплечье Тита, и он перенес их в пустой домик — закрытую пивоварню на территории загородного имения. Похоже, в английском поместье обычное дело для дворецкого варить свой эль, так как этот напиток причитался слугам в качестве поощрения. Но теперешний владелец являлся лидером движения за введение сухого закона, и в результате все оборудование за ненадобностью выбросили, а дом заперли.

Тит дал Иоле пароль и подпись. Она повернула ручку кладовки для метел и впервые за несколько месяцев вернулась в лабораторию. Помещение было более-менее в том же состоянии: книги, оборудование и ингредиенты, аккуратно расставленные по полочкам с множеством шкафчиков и ящиков, содержимое которых ей только предстояло осмотреть, ибо прежде Иоланта редко сюда заглядывала.

Всего три раза: в первый же день знакомства с Титом; еще раз, когда он превратил ее в канарейку; и в конце летнего семестра, перед тем, как они вместе вернулись в Державу.

В последний раз Иола сияла. Они с Титом столько пережили, стали так близки, их переполняло счастье. Она вспомнила, как бежала с ним рука об руку к лаборатории. Их головы кружились от надежды и смелости.

То было словно в совершенно другом мире.

— Фэрфакс, — прошептал Тит.

Иоланта повернулась, на мгновение встретившись с ним взглядом. Он выглядел усталым, даже хуже того.

Он положил Горнило на рабочий стол:

— Держи, оно твое столько, сколько потребуется.

Сказано с такой заботой, будто Иола невероятно хрупка и неверное слово ее разобьет. Но она не слабенькая девушка, а маг с властью над молниями и пламенем. Когда-то Тит уверял, что ее сила перевернет весь мир.

И что теперь делать со всей этой силой и способностями? Задвинуть подальше, словно вышедшую из моды верхнюю одежду?

— Можешь пользоваться лабораторией в любое время, теперь ты легко сюда войдешь, — добавил Тит.

Со временем обида притупится, но сейчас Иоланта прекрасно сознавала: он отнял единственное, чего ей по-настоящему хотелось, и теперь дарит подарки, словно заглаживая вину.

— Спасибо, очень любезно с твоей стороны, — без всякого выражения ответила она. Повисло неловкое молчание.

Иоланта закусила щеку, села за стол и положила руку на Горнило:

— Я пошла.

— Если не возражаешь, ответь на вопрос: что ты надеешься отыскать в читальном зале?

— Личность хранительницы памяти.

Той, что обманула учителя Хейвуда. Иоланта не сомневалась, что эта женщина связана с его исчезновением.

Тит встревожился:

— Ты же не сделаешь ничего безрассудного? Атлантида все еще тебя ищет.

«Но тебе я больше не нужна». Она лишилась понимания собственной важности, остались лишь проблемы, связанные с жизнью беглянки.

— Я не стану спешить, пока не получу необходимую информацию, — заверила Иоланта.

Но пошла не в читальный зал, а в «Принцессу драконов» — одну из самых ужасных сказок Горнила. Тлеющие руины под объятым пламенем небом; воздух, пропитанный дымом и пеплом. Высоко на стене последней уцелевшей крепости, почти оглохнув от драконьих воплей, Иола призывала молнию за молнией, усыпая опаленную землю мертвыми вивернами и бесчувственными василисками.

Стихийник всегда на пике, когда в душе кавардак.

Иоланта выбилась из сил: никогда еще ей не приходилось призывать столько молний за такой короткий промежуток времени. Утомление обернулось вокруг, будто кокон, и она почувствовала себя в безопасности, ибо слишком устала, чтобы вообще что-то ощущать.

И потому приняла решение направиться в летнюю резиденцию Королевы Времен Года.

Это было потрясающее место: бледно-желтые крыши и окруженные садами террасы на фоне крутого, неровного горного массива. Ярко-красные цветы в старинных каменных вазах; журчащие и плещущие фонтаны, впадающие в пруд с десятками бледно-фиолетовых водяных лилий, лепестки которых смыкались, будто руки в молитве.

Воздух благоухал жимолостью и хвойным ароматом кедрового леса, растянувшегося на окружающих холмах. Стоял прекрасный летний день, когда ветерок избавляет от излишней жары, но все же достаточно тепло, чтобы насладиться прохладным напитком.

На террасе в тени виноградных лоз красовались как раз вот такие напитки вместе с разными видами мороженого. Иоланта попробовала нечто напоминающее дынанасовое и с изумлением поняла, что это то самое, каким она не лакомилась уже несколько лет. Это мороженое продавалось в кондитерской миссис Хиндерстоун на Университетской аллее, всего в нескольких минутах ходьбы от Консерватории магических наук и искусств, где Иоланта жила вместе с учителем Хейвудом.

Послышались шаги. Повернувшись, она увидела Тита. Он вышел из виллы и замер на ступеньках, ведущих на террасу. Иоланта покраснела; Тит казался таким же смущенным, какой она себя чувствовала.

После долгого молчания, он оперся рукой на перила лестницы и прокашлялся:

— И как тебе мороженое?

— Очень вкусно, — обрела дара речи Иола. — Я пробовала дынанасовое лишь у миссис Хиндерстоун в Деламере.

— Летом в Деламере я приказал Далберту принести мне на выбор несколько сортов мороженого миссис Хиндерстоун, о которой ты как-то упоминала.

Иоланта всего раз вспомнила кондитерскую, когда они с Титом обсуждали что-то совсем другое.

— Тебе понравилось?

— Понравилось, особенно светничное, но дынанасовое тоже неплохое.

— Учитель Хейвуд всегда брал себе светничное, а я предпочитала дынанасовое.

— Я надеялся, что твое любимое окажется среди выбранных мной, — прошептал Тит.

По его рассказам, в Горниле не так уж сложно изменять детали: нужно лишь записать их на полях. Ему ведь не пришлось тайком возвращаться в Державу и доставать мороженое наперекор всему. Но все же Иола ощутила трепет и стеснение в груди.

Тит хотел, чтобы все было идеально.

И так бы и произошло.

Так бы и произошло.

Не услышав ответа, он снова кашлянул:

— Я как раз собирался уходить. Приятного аппетита.

С этими словами Тит пропал, оставив ее одну в том месте, где они должны были быть вдвоем.

Иоланта пришла сюда, потому что не смогла сдержаться любопытства. Несмотря ни на что, желала увидеть, что же приготовил для нее Тит — точнее, для них обоих. Но зачем он вернулся? Он-то знал, что здесь сотворил.

Похоже, не только Иоле хотелось, чтобы того водоворота никогда не было. Принца, как и ее, тянуло в летнюю резиденцию, несмотря на боль от разочарования.

Иола вытерла глаза тыльной стороной руки.

Как же разлюбить, чтобы при этом не расклеиться?

* * *

Читальный зал главной библиотеки в учебных стансах Горнила был огромен. Он казался бесконечным: полки все тянулись и тянулись, соединяясь в одной точке где-то вдали.

Иоланта подошла к пустующему справочному столу у двери и сказала:

— Хочу найти все, что есть на Горацио Хейвуда за последние сорок лет.

Позади стола на полке появились стопки: собрание студенческих газет, где он выступал и репортером, и редактором; журналы с его учеными статьями; диссертация, которую он написал, чтобы получить степень магистра Консерватории.

Иоланта взялась за диссертацию. В детстве она уже пыталась прочесть хранившуюся у них дома копию, но ничего тогда не поняла. Теперь же по мере пролистывания страниц ее глаза округлялись. Иола знала, что учитель специализировался в архивной магии, посвященной сохранению заклинаний и обычаев, больше не используемых повсеместно, но не представляла, что его диссертация касалась магии памяти.

В своем научном труде Хейвуд описал развитие этого вида магии и подробно

остановился на тонкостях заклинаний, находившихся на пике своей популярности. [9]
Воспоминания можно было стереть с точностью до часа, при желании — до минуты. А то и затронуть только определенные события. Хорошо погуляли, но картину испортил пьяный поцелуй? Один взмах палочки — и этого поцелуя как ни бывало, а о пирушке осталась целая вереница приятных воспоминаний.

Иоланта неохотно вышла из Горнила. Несколько раз в день миссис Долиш и миссис Хэнкок пересчитывали мальчиков, проверяя, все ли на месте. Такие события назывались «перекличками».

Принц все еще сидел в лаборатории, перелистывая материнский дневник. Заметив Тита с его единственной истинной любовью, Иоланта почувствовала, как сердце будто сжали в кулаке.

Он поднял голову:

— Нашла что-то полезное?

Пришлось приложить все усилия, чтобы говорить как обычно.

— Учитель Хейвуд написал диссертацию по магии памяти, той самой, которую на нем использовала хранительница.

— Значит, его опыт обернули против него?

— Вероятно.

Тит помолчал минутку.

— Хочешь узнать, есть ли у тебя провалы в памяти?

— У меня? — изумилась Иоланта.

Тит направил палочку на себя:

— *Quid non tetini?*

«Чего я не помню?»

В воздухе появилась прямая линия, с отметками на равных интервалах, словно на мерной ленте. Взмахом палочки он подвинул к Иоланте временную шкалу, разделенную на годы, месяцы, недели и дни. Примерно на три пятых она была белой, остальное же — красным.

Иола никогда ничего подобного не видела. Даже в диссертации учителя Хейвуда.

— Это состояние твоих воспоминаний?

— Да.

— Что случилось, когда тебе было одиннадцать?

Скорее, за три дня до этого. Именно тогда линия вдруг стала красной.

— Я узнал, что умру молодым. И решил избавиться от подробностей пророчества, чтобы постоянно не переживать из-за них.

Иоланта чуть не выпалила, мол, он не умрет молодым, если... Однако теперь судьба Тита зависела от Уинтервейла, того самого, что не умел сохранять хладнокровие в стрессовой ситуации.

Вместо этого она сказала:

— А разве не вредно вот так надолго подавлять воспоминания?

— Зависит от того, как это делать. Видишь эти точки? — Черные точки висели над временной шкалой. Первая совпадала с изменением цвета линии, а остальные отмечали интервалы по три месяца. — Они показывают, как часто определенное воспоминание проявляется в моем разуме. Цвет и форма точек демонстрируют, что каждый раз стирали одно и то же воспоминание, и больше ничего не трогали.

— Боишься, что тебе подменят воспоминания?

— Это почти невозможно без моего полного согласия. Наследники дома Элберона защищены слишком многими наследственными чарами, их нельзя сделать невольными марионетками в чужих руках. Но сам я могу такое сотворить. Шкала показывает, что меня не убедили исправить мои собственные воспоминания, а потом об этом забыть. — Тит убрал линию. — Хочешь посмотреть, в каком состоянии твои?

— Думаешь, мне изменили память?

— А ты так не думаешь? — удивился он. — Твой опекун — настоящий мастер. Второй специалист — хранительница памяти. Тебя защищали как страшную тайну. Ты не вышла бы из рук этих двоих без последствий.

Долгое время Иоланта не догадывалась, что может контролировать воздух, но считала такую неосведомленность результатом превратного заклятья. Неужели дело в магии памяти?

— Покажи мне.

Тит направил на нее палочку. Иоланта ахнула: если воспоминания принца были простой линией, то ее собственные — настоящей фреской. Почти вся ее память за семнадцать лет подверглась изменениям. Первые несколько месяцев остались белыми, а потом показались все цвета радуги — некоторые в нескольких оттенках. Над шкалой висели не только точки, но и треугольники, квадратики и пятиугольники, все вплоть до двенадцатиугольников. И если у принца точка, означающая стертое воспоминание была одного размера, то на шкале Иоланты с каждым разом фигуры росли.

«Ее разум ей не принадлежит», — так учитель Хейвуд говорил о старенькой матери одного из своих коллег. Иоланта и не думала, что это относится и к ней самой, но... Ее память пестрела дырами.

Тит посмотрел на временную шкалу:

— Все события здесь составные.

— Как это?

— Когда мои подавленные воспоминания снова проявляются, а потом подавляются, я припоминаю случившееся, но смысл от меня ускользает. А вот у тебя все воспоминания о проявлении задавленной памяти также отбирались. Чтобы ты не поняла, что чего-то о себе не помнишь.

Иоланта изучала схему:

— Каждые два года.

— Два года — крайний безопасный срок.

Значит, хранительница памяти не хотела рисковать здоровьем своего разума, но и не желала, чтобы Иоланта помнила больше, чем должно.

— Если все будет по-прежнему, в середине ноября я снова вспомню.

— В твой день рождения.

Ее день рождения во время метеоритного ливня, который все же не был предвестником величия. Обман хранительницы и все жертвы учителя Хейвуда в конечном итоге оказались бессмысленными.

— Они могли бы и не утруждаться. Учитель Хейвуд зря разрушил свою жизнь, — грубо ответила Иоланта.

Тит опустил взгляд и закрыл материнский дневник:

— Пойдем. Врач для Уинтервейла прибудет с минуты на минуту.

Пустыня Сахара

Бронированные колесницы приближались слишком быстро.

Несмотря на прохладный ночной воздух, Тит вспотел. Фэрфакс не сумеет совершить скачок, а ему не под силу так скоро снова использовать левитацию. Скрыться за камнями не вариант: по крайней мере половина охотничьих веревок, которые он отправил по ложному следу, бросятся за ними. И закопаться в песок не выйдет — жалкий сантиметровой слой их уже не спасет.

Тит тихонько помолился, выскользнул из-под эластичного купола и, вслепую перескочив на запад, оказался на большой дюне. Подняв палочку, он послал вверх серебристо-белую вспышку, превратившуюся в небе в какой-то заковыристый рисунок.

Тит снова совершил слепой скачок, на этот раз на север, и выпустил еще один залп, надеясь, что сымитировал ответный сигнал на первую вспышку, которая не только по-прежнему висела в воздухе, но и раздалась до удивительных размеров. Огромный сияющий феникс с распростертыми крыльями на фоне звезд.

Глубоко вдохнув, Тит вернулся к камням, чтобы защитить Фэрфакс, если бронированные колесницы не клюнут на приманку. Однако атланты исчезли, бросившись к сигнальным огням, второй из которых представлял собой огромного боевого феникса цвета пламени.

А ведь Тит не задумываясь сотворил эти необычные огни.

Он пролез обратно под купол и упал на колени.

— Я начинаю думать, что не хочу знать, кто я и кто ты, если нам все время будет угрожать такая опасность.

Фэрфакс продолжала спать, не чувствуя угрозы. Тит погладил ее по голове, радуясь, что чародейка в безопасности.

Однако времени прохлаждаться не было.

— Спящая Красавица, нам снова пора бежать.

* * *

Она двигалась легко и плавно, словно судно по течению широкой спокойной реки. Или летела в облаках, будто во сне.

На каждой остановке ей давали воды. Фэрфакс пыталась открыть глаза, но иногда не хватало силы воли даже очнуться. Она просто пила и спала.

Когда же наконец снова пришла в себя, то поняла, что находится в какой-то темной, теплой и душной пещере. Фэрфакс не видела Тита, но слышала рядом с собой его глубокое и размеренное дыхание.

Вознеся про себя молитву о его благополучии, она снова погрузилась в тяжелый сон.

А в следующий раз проснулась на том же месте и в неярком свете разглядела, что осталась одна. Тут же лежали два бурдюка. В том, что ближе, остался плоточек воды, а вот в другом не было ни капли. Полуприкрыв глаза, она призвала воду подземных рек и озер оазисов, да хоть влагу, что собралась под камнями. Через несколько минут появилась первая

капля. Наполнив бурдюк спутника на три четверти, Фэрфакс обессилела и едва успела закрутить крышку.

И снова тот же сон — мерное путешествие по спокойной реке. Казалось, она плывет по Нилу, и только потом до Фэрфакс дошло, что это Тит ее левитирует.

Наступил рассвет. Половина неба стала прозрачной, будто рыбе брюхо. Слева на самом верху гигантской дюны песок уже походил цветом на расплавленное золото. Неужели они шли всю ночь?

В первый раз врачую спутника, Фэрфакс хорошенько обезболила рану, но действие лекарств должно было уже давно сойти на нет, и он не смог бы самостоятельно все обработать. Гранулы и вполтину не так эффективны, если не унять боль в самом месте воспаления.

Тит явно испытывал сильную боль, время от времени с шипением втягивая воздух, будто сквозь стиснутые зубы. Но продолжал молча и упорно идти и тащить Фэрфакс за собой.

Она оглянулась и не увидела отпечатков. Еще и следы убирал...

— Ты очнулась, — сказал Тит, поворачиваясь.

Грязное лицо, ввалившиеся глаза, охрипший голос, потрескавшиеся губы. Увидев его в таком плачевном состоянии, Фэрфакс почувствовала прилив не только благодарности, но и чего-то сродни нежности.

— Дай мне бурдюки, а то не знаю, сколько еще пробуду в сознании. — Получив требуемое, она вновь заговорила: — Сколько я спала?

— Сегодня второе утро с нашей встречи.

Еще и сорока восьми часов не прошло с тех пор, как они оказались в Сахаре.

— Путь свободен?

«Можно порадоваться, что атланты нас еще не сцапали».

— Нет. Нас ищут.

— Поэтому мы передвигаемся только ночью?

— Они и ночью ищут. Вчера выпустили всадников на пегасах.

— Они были близко?

— Не слишком. Я нашел в твоей сумке зажигательные палочки и устроил так, что они взорвались в разное время. Всадники в основном кружили над местами возгорания.

— Не могу поверить, что все проспала.

— Панацея погружает смертельно раненого человека в сон, пока тот не выкарабкается.

Фэрфакс снова чувствовала сонливость, что приводило к неутешительным мыслям. Как только водный шарик увеличился достаточно, она направила поток в бурдюки.

Тит остановился.

— Надо бы спрятаться. Днем нас легко обнаружить.

Она закрутила крышки.

— Ты вчера нашел пещеру?

— Нет, воспользовался твоей палаткой. Установил ее в тени песчаной дюны, но днем на солнце все равно было слишком жарко. Сегодня я собираюсь передвинуть ее в полдень.

Он превратил палатку в своего рода туннель и помог Фэрфакс залезть внутрь.

— Я могу замаскировать нас песком, — предложила она, когда Тит закрыл вход.

— Нет, не стоит тратить силы. Не забывай, что менее двух суток назад тебя едва не убили.

— Я просто хочу что-то сделать, пока снова не уснула.

Песок сыпался медленно, но Фэрфакс слышала, как он поднимается у палатки. Тит наложил атакующие чары против взлома, весьма жестко реагирующие на нарушителей.

— Ты же не думаешь, что нас найдут под песком?

— Меня беспокоят песчаные виверны.

— Но в Сахаре ведь нет драконов.

— Они водятся в пустынях центральной Азии. На месте Атлантиды я послал бы за ними в ту же секунду, как понял, где придется искать беглецов. Такие виверны вынюхивают добычу, скрытую под слоями песка и даже камня. И они могут погружаться до жути быстро. Даже в полном здравии твои способности по зарыванию в песок были бы бесполезны.

— Если только Атлантида пойдет ради нас на такие жертвы.

Тит вздохнул:

— Думаю, пойдет. У меня дурное предчувствие, что мы — или, по крайней мере, ты — достаточно важны, чтобы пойти не подобное.

Фэрфакс забеспокоилась:

— Я не хочу быть важной беглянкой.

— У каждой бронированной колесницы есть свой уникальный номер, и я следил за ними, подсчитывал. В первую ночь насчитал двадцать три штуки. Теперь если взять круг крови за центр плоскости координат, все те двадцать с лишним колесниц прочесывали лишь один квадрант, значит, нас искала сотня, если не больше. Вот и представь, насколько им нужно нас поймать.

— Убереги меня Фортуна, — прошептала она.

— Именно.

Песок прикрыл палатку, и внутри стало тихо и темно. Тит зажег магический огонек и протянул Фэрфакс бурдюк:

— Пей. Ты устала не меньше меня.

И только сделав первый глоток, она поняла, что снова почти заснула, и закрыла глаза.

— Так что нам делать?

— Ты спи, я обо всем позабочусь, — ответил Тит будто издалека.

Англия

Врач, конечно же, оказался шарлатаном, но на вид весьма почтенным шарлатаном, который выдал достаточно убедительный набор слов, и миссис Долиш поверила, что Уинтервейл очнется бодрым и свежим, причем довольно скоро.

А вот миссис Хэнкок обмануть не удалось. После ухода врача она приперла Тита к стене его комнаты:

— Ваше высочество, со всем уважением, но этот человек шарлатан, поверьте моему опыту.

— Но прибывшая с ним медсестра из числа Изгнанников и весьма сведуща в медицине, — тут же солгал Тит.

Миссис Хэнкок нахмурилась — возможно, пытаюсь вспомнить неприметную медсестру.

— И каков ее диагноз?

— В точности тот же, что озвучил врач: жизнь Уинтервейла вне опасности, и через несколько дней он очнется в полном здравии.

Миссис Хэнкок поправила накрахмаленные манжеты блузки:

— Именно этим и занимается панацея: восстанавливает организм во время сна. Но что мне действительно интересно, ваше высочество, так это в чем причина такого состояния Уинтервейла.

— Этого медсестра определить не смогла.

— А вы? — Она сверлила Тита пристальным взглядом. — Вам она тоже неизвестна?

Он забросил ноги на стол, прекрасно зная, как миссис Хэнкок бесит столь небрежное отношение к мебели.

— В воскресенье произошло следующее: Уинтервейл прибыл в дом дяди Сазерленда где-то между половиной третьего и без четверти три. Он выглядел усталым и сказал, что хотел бы вздремнуть. Немного поспал, потом съел кусочек поджаренного хлеба, и его тут же вырвало. Естественно, я предположил, что Атлантида его отравила, поэтому дал Уинтервейлу два противоядия.

Миссис Хэнкок приподняла брови:

— Естественно, ваше высочество?

— Учитывая подозрительную смерть барона Уинтервейла, само собой.

— Атлантида никоим образом не причастна к гибели барона.

— Нет-нет, конечно, Атлантида не стала бы искать способ убрать предводителя Январского Восстания, на тот момент еще достаточно молодого и честолюбивого, чтобы в один прекрасный день предпринять вторую попытку мятежа.

Миссис Хэнкок минуту помолчала.

— Вижу, у вашего высочества уже сложилось определенное мнение. Пожалуйста, продолжайте.

— От противоядий тошнота лишь усилилась, и я дал ему другое снадобье, в котором, к несчастью, содержался пчелиный яд, а у Уинтервейла на него сильнейшая аллергия, о чем я не имел понятия. У бедняги началось удушье, потому выбора не осталось — пришлось прибегнуть к панацее.

Тит намеренно обрисовал картину так, что причиной нынешнего плачевного состояния Уинтервейла стала некомпетентность. Лучше создать впечатление, будто кузен заболел из-за примененного Титом неверного лечения, чем разбудить в миссис Хэнкок подозрения о том, что с учеником действительно что-то не так.

А если она решит задать несколько вопросов Кашкари, индеец, вероятнее всего, скажет, мол, Тит отрицал тот факт, что давал Уинтервейлу снадобье с пчелиным ядом. Но опять же, правитель Державы не стал бы признаваться безродному немагу в такой нелепой ошибке.

— Пожалуйста, ваше высочество, в будущем воздержитесь от врачевания учеников нашей школы, — сухо произнесла миссис Хэнкок.

Тит набычился:

— Уинтервейл удостоился моей помощи лишь потому, что приходится мне троюродным братом. Другие ученики недостойны моих превосходных снадобий.

— Значит, нам с миссис Долиш стоит считать, что нам повезло. Мы присмотрим за Уинтервейлом.

Тит ответил ей пристальным взглядом:

— А почему это он вас так внезапно заинтересовал? Вы здесь не только для того, чтобы докладывать о моем житье-бытье?

Уже почти у двери, миссис Хэнкок слегка повернула голову:

— О, так вот зачем я здесь, ваше высочество?

И удалилась, оставив хмурого Тита размышлять над последним неожиданным вопросом.

* * *

— Ты ведь не думаешь, что он подхватил африканскую сонную болезнь? — спросил у Кашкари Купер.

Они сидели в комнате Уинтервейла, где чуть раньше толпилось столько народу, что Куперу с Иолантой не удалось войти. Но теперь остался лишь Кашкари, корпевший над домашней работой за захламленным столом больного.

— Миссис Долиш задавала такой вопрос. Врач сказал, что нет, — ответил индеец.

— Что ж, в любом случае, хоть отоспится, — усмехнулся Купер, склоняясь над Уинтервейлом.

Бодрствуя, тот был очень непоседливым. В нем кипела энергия, которую он не всегда знал, куда девать. Во сне же Уинтервейл казался спокойнее и взрослее. Иоланта смотрела на него, желая, чтобы он проснулся другим человеком — таким, кому она осмелилась бы доверить жизнь любимого.

«Не смей слушать бредни Тита про раннюю смерть. Даже не думай поверить в них и бросить его позади».

Купер подтолкнул ее в бок:

— Пойдем заниматься греческим?

Иоланта вздрогнула.

— Ага. Иду за тобой.

Оказавшись в ее комнате, они раскрыли учебники.

— Завидую грекам, — вздохнул Купер. — Им не требовалось учить греческий — они уже им владели.

— Точно, счастливые люди, — поддержала Иола. — Господи, ненавижу греческий.

— Но тебе он неплохо дается.

— Тебе так кажется, потому что тебе он не дается совсем, и моя посредственность в сравнении с твоей отсталостью кажется небывалым успехом.

— Понимаю, о чем ты толкуешь, — усмехнулся Купер. — В сравнении с тобой я прилично играю в карты.

Иоланта вопреки воле расхохоталась — она действительно безнадежна в немагических карточных играх. Но смех тут же стих, стоило двери открыться. В комнату шагнул Тит.

Он посмотрел на Купера, который предсказуемо потерял дар речи. Иоланта задалась вопросом, а не слишком ли Тит лезет из кожи вон перед Купером — всегда такой высокомерный и царственный в его присутствии...

От этой мысли стало больно, будто кто-то пронзил сердце иглой.

Титу не понадобилось говорить ни слова: Купер собрал свои учебники и тетради, с придыханием попрощался с принцем и закрыл за собой дверь.

— Тебе чем-то помочь? — намеренно бесстрастно спросила Иоланта.

— Мне нужно с тобой поговорить. — Тит очертил звуконепроницаемый круг. — Миссис Хэнкок спрашивала о состоянии Уинтервейла, и я вспомнил, что в моей лаборатории есть диагностический инструмент.

Он достал из кармана нечто похожее на ртутный термометр, которыми пользовались немаги.

Измеритель здоровья.

— Я думала, ими больше никто не пользуется.

— Потому что с их помощью диагноз ставится не мгновенно. Но на его точность никто не жаловался. Я только что обследовал Уинтервейла.

Иоланта подняла протянутый Титом измеритель и посмотрела показания на свет. Вместо крохотных делений, отмечавших градусы, прибор усеивали малюсенькие точки, рядом с которыми убористым шрифтом были написаны слова. Когда Иола передвинула трехгранную стеклянную палочку, увеличительное стекло в ней помогло сделать буквы и точки крупнее.

«Работа сердца. Работа печени. Плотность костей. Сила мышц». И так далее, и тому подобное — десятки и десятки жизненно важных характеристик и показателей.

Иоланта изучила, наверное, пятьдесят показателей, находившихся в пределах нормы, когда наконец дошла до красной точки. *«Общая моторика»*. Неудивительно, поскольку в настоящее время Уинтервейлу было не под силу даже самостоятельно встать с кровати.

И почти в конце длинного списка еще одна красная точка напротив слов *«Психическая устойчивость»*.

Иоланта прищурилась. Нет, она все прочитала правильно.

— Ты уверен, что прибор точен?

— Я его в первую очередь на себе проверил. Работает как часы.

— Но ведь с мозгами Уинтервейла все нормально. — Пусть ум парня и не блестящ, но точно здрав.

— Я тоже всегда так думал.

— Может, его потрясло то, что он смог сделать?

У Иоланты никак не получалось забыть о мощных потоках воды, что вращались вокруг погружающейся все глубже точки — «Морского волка», такого крохотного по сравнению со стихией, такого беспомощного.

Тит отвел глаза:

— Его мать не совсем здорова. Не то чтобы безумна — по крайней мере, не постоянно.

Но ты с ней встречалась и знаешь, что полагаться на нее нельзя.

Да, Иоланте приходилось сталкиваться с матерью Ли, которая однажды чуть ее не убила. Но в другой раз леди Уинтервейл ее спасла — а заодно и принца.

— Если она порой неуравновешенна, то из-за изгнания и смерти мужа, а не наследственной душевной болезни, способной передаться Уинтервейлу.

Тит молчал. Внезапно Иола задумалась, а не надеялся ли он, что показания измерителя здоровья помогут разорвать сотрудничество с кузеном.

Если уж совсем прижмет, она смирится с этой причиной — Иоланта полагала, что сама лучше защитит принца, чем Уинтервейл, — но не будет этому рада. Ей хотелось, чтобы Тит выбрал ее, решив оспорить пророчество покойной матери, а не из-за того, что старомодный диагностический инструмент не сумел оценить умственное состояние человека, спящего под действием панацеи.

— Ты уже знаешь, что я считаю Уинтервейла последним, кому стоит сопровождать тебя в Атлантиду. Но он не подходит для этой задачи по темпераменту, а не потому, что у него не все дома.

Тит подошел к окну и выглянул наружу в щель между занавесками, совсем как ранее сделала Иоланта, когда он пришел забрать ее в лабораторию. Постояв так пару минут, он оглянулся.

— Помнишь те чары памяти, которые, как выяснилось сегодня днем, на тебя наложены?

— Как я могу забыть? — Невероятное зрелище: увидеть, что в твоей памяти дырок больше, чем в решете!

— Можно мне еще раз взглянуть?

— Давай, — пожала плечами Иоланта.

Тит произнес заклинание, и между ними почти по всей ширине комнаты выросло полотно памяти. Из-за ярких цветов и узоров на нем Иоле казалось, будто она смотрит на принца через витражное стекло.

— Хочешь проверить что-то конкретное?

— Видишь второстепенные нити, которые соединяют формы, представляющие собой подавленные воспоминания основного полотна?

Нити были тонкими как паутинка.

— Да?

— На протяжении почти всей твоей жизни они зеленые. Но взгляни сюда. — Тит указал на последний пучок вспомогательных линий, выросший в тот момент, когда воспоминания вырвались из небытия. — Эти последние линии черные, а значит, по воле хранительницы памяти твои воспоминания больше не появятся.

Осознание этого словно камнем ударило Иоланту по голове.

— И я закончу как учитель Хейвуд?

Учитель стал тенью самого себя: после того как похороненным в глубине воспоминаниям запретили всплывать, подсознание требовало все больше и больше заниматься саморазрушением, чтобы привлечь внимание хранительницы.

Тит растворил полотно.

— Ты когда-нибудь чувствовала, что твой разум неуправляемо обеспокоен?

— Нет. Пока нет.

— Значит, у тебя еще есть время. И мы найдем способ.

Иоланта с горечью рассмеялась:

— Мы?

— Конечно. — Он посмотрел ей в глаза. — Я по-прежнему люблю тебя. Ты единственная, кого я буду любить до самой смерти.

Хотелось это оспорить, сказать, что без поступков его обеты остаются пустыми словами, но Иоланта промолчала.

Тит поцеловал ее в лоб, одарил на прощание долгим взглядом и ушел.

* * *

На следующий день Иоланта вновь сидела в читальном зале и внимательно изучала диссертацию учителя Хейвуда — на сей раз раздел о защите от магии памяти.

На пике ее популярности маги пытались достичь определенного иммунитета, чтобы обороняться при возможных атаках. Страница за страницей перечислялись различные способы предотвратить или сильно уменьшить нанесенный памяти ущерб.

Иоланта ущипнула себя за переносицу. Учитель знал все эти способы, но не додумался применить ни одного ради защиты их обоих.

Должно быть, он доверял хранительнице так же, как Иоланта доверяла принцу, свято веря, что связь между ними неразрывна.

Если подумать, даже не остерегайся Хейвуд хранительницы памяти, ему все равно следовало поделиться с Иолантой этой тайной, зная, что если доверенное лицо не сумеет добраться до подопечной, то она останется без жизненно важных знаний.

«А если он все же поделился?»

Иоланта выпрямилась. В сумке, которую учитель впихнул ей в руки, перед тем выслать из Державы, было письмо. Она проверяла его на скрытые чернила, но ничего не нашла — вернее, ничего из того, что способна разоблачить своими силами.

Но что насчет конверта?

Иоланта так торопилась покинуть Горнило, что из-за волнения едва не позабыла пароль.

В лаборатории кто-то держал ее за руку.

Принц. Он смотрел на нее, и тоска в его глазах казалась осязаемой.

«Я по-прежнему люблю тебя. Ты единственная, кого я буду любить до самой смерти».

Почти невольно Иола потянулась и взяла прядь его волос, но тут внезапно пришла в себя, и сердце пронзила острая боль.

Встав со стула, она подошла к шкафу, в котором лежали вещи, привезенные с собой из Державы, нашла письмо учителя Хейворда и положила его вместе с конвертом на стол.

— *Revela omnia.*

— Я уже проверял конверт, — сказал Тит.

Ну конечно, проверял, ведь он ко всему подходит тщательно до мелочей.

— Должно быть что-то еще. Мои подавленные воспоминания всплывали только раз в два года. Если с хранительницей памяти что-то случится прежде, чем она меня найдет, я надолго останусь без важных для моего выживания знаний, и вряд ли учитель Хейвуд не предусмотрел такую возможность. — Иола постучала пальцем по конверту. — Можно ли сделать скрытые письма видимыми только тому, кто знает подпись к открывающему

заклинанию?

— Можно. Но в таком случае ты должна знать подпись.

Иоланта еще раз просмотрела письмо. Подписи она не знала. Если учитель Хейвуд наложил пароль, то должен был указать ее в послании. А если указал, то должен был привлечь к этому внимание, каким-то образом выделив в тексте.

Взгляд остановился на втором постскриптуме. «Не волнуйся обо мне».

Может, это она и есть? Иоланта вновь произнесла открывающее заклинание, про себя проговаривая подпись.

И тут же на конверте начали проступать строки.

«Но только если у тебя есть нож и ты готов им пользоваться».

— Попробуй и на письме, — предложил принц, еле сдерживая возбуждение.

Иоланта повторила заклинание и получила ответ: *«Устрицы дают жемчуг».*

— Устрицы дают жемчуг, но только если у тебя есть нож и ты готов им пользоваться, — прочитала она вслух. — Это должно что-то для меня значить?

— Подожди минутку. — Принц нырнул в Горнило и вскоре вернулся. — Это строчка из пьесы Аргонина «Паломничество рыбака».

Аргонин считался величайшим драматургом в истории Державы. В школе Иоланта изучала некоторые его пьесы, но не «Паломничество рыбака».

Хейвуд разорвал строку пополам: на пароль и подпись. Но к чему?

И тут ее осенило: к тому, что, как учитель знал, всегда при ней.

Волшебной палочке.

Она тоже хранилась в лаборатории: сложно выдать себя за немага, будучи пойманной с палочкой. Иоланта вытащила ее из шкафа и покрутила в пальцах на свету.

Когда-то она гордилась своей палочкой и радовалась ей — шедевру ремесленного искусства. На поверхности вились изумрудные лозы и аметистовые цветы, прожилки листьев были вырезаны из тонких как волос волокон малахита, а пестики и тычинки цветов сверкали крошечными желтыми бриллиантами.

Как говорил учитель Хейвуд, палочку сделали специально к рождению Иоланты, чтобы потом передавать по наследству. И Иола не особо задумывалась, как ее родители, тогда оба еще студенты из семей скромного достатка, смогли позволить себе такую роскошь.

Но теперь она знала, что такую дорогую палочку заказали не Сибурны, а хранительница памяти, самая недостойная доверия личность из известных Иоланте.

Ее мать, если принц прав.

— Устрицы дают жемчуг, — произнесла Иола вслух и договорила остаток строки про себя.

Палочка распалась на две половинки. Внутри обнаружился вынимающийся стержень с вмонтированными в него четыремя одинаковыми комочками размером с горошину и черными как уголь.

Принц тут же вскочил:

— Это вершины от скачкозаменителя!^[10]

Единственного приспособления, с помощью которого можно преодолеть запрещенную для скачков зону — и, скорее всего, именно оно в июне прошлого года помогло учителю Хейвуду исчезнуть из Цитадели.

— Я пять лет пытался купить такой на черном рынке, — продолжил принц, — и за все это время в продажу не поступил ни один.

Но теперь у Иоланты есть скачкозамениТЕЛЬ, благодаря которому можно сбежать отсюда угодно. Один раз.

Тит поднял комочки и протянул Иоланте.

— Вершины требуют близости к путешественнику, и поэтому должны пробыть на тебе хотя бы семьдесят два часа, прежде чем куда-либо тебя перенести. Скорее всего, это уже сделали, когда ты была младенцем, но ты же хочешь убедиться.

Она опустила черные комочки во внутренний карман пиджака и аккуратно его застегнула.

— Но где же цель?

Полностью скачкозамениТЕЛЬ состоит из пяти частей: четырех вершин и цели, которая заблаговременно устанавливается в точке назначения. Иоланта была почти уверена, что цель вряд ли находится в жерле действующего вулкана, но предпочла бы знать, куда перенесется.

— Надеюсь, там, где Атлантиде не под силу ее отыскать, — проворчал принц. — Кстати, ты идешь вперед семимильными шагами. Что собираешься делать, если удастся вычислить местоположение твоего опекуна?

Вопросы о будущем причиняли боль — любое возможное развитие событий на неопределенный срок разлучит Иоланту с Титом.

— Освобожу его и где-нибудь затаюсь.

— Уже придумала, где?

Она покачала головой:

— Времени подумать хватит и потом, когда я на самом деле умудрюсь его освободить.

— Прощу, дай знать, если я могу чем-то помочь, — прошептал Тит. — Для тебя там все так же опасно.

Хотелось взять его лицо в ладони и сказать, что она боится не опасности. Больше нет. Но Иоланта лишь кивнула:

— Спасибо. Мне уже пора — через двадцать минут тренировка.

* * *

Прибыв на площадку, она, к своему удивлению, обнаружила там одетого в форму Кашкари и обменялась с ним рукопожатием.

— Решили присоединиться к команде, сэр?

— Как сказал Уэст, когда они составляли список из двадцати двух игроков, моя фамилия стояла двадцать третьей. То есть, я буду заменять Уинтервейла, пока он не оклемается.

— Удивлен, что ты согласился его оставить. Как он?

— Как раз перед тренировкой немного с ним посидел. Он очнулся на целых полминуты.

— Это уже что-то.

— Несомненно. И вроде как он был в хорошем настроении, только слегка расстроился, не увидев принца.

Прибыли еще несколько игроков, за которыми следовал мужчина, волоча на вид тяжелый черный чемодан. Открыв его, он начал собирать хитроумную штуковину — камеру.

— Что там происходит? — спросила Иоланта. — Это Робертс?

— Да, Робертс. Это его последний год в школе и его уже в третий раз отобрали в расширенный состав, но в окончательный он пока ни разу не попадал. Говорят, он нанял

фотографа, чтобы тот в любом случае снял его с такого ракурса, будто Робертса выбрали полноправным членом команды.

Иоланта фыркнула:

— Стоит поаплодировать такой находчивости. Хотя... — Она повернулась к Кашкари. — Случайно не знаешь, войдет ли его фамилия в число одиннадцати счастливицов?

Насколько ей было известно, Кашкари мог бы присниться пророческий сон.

— Ни малейшего понятия. Никогда не видел снов об играх между Итоном и Хэрроу.

— Тогда какие сны тебе снятся, кроме того, о поступлении в Итон? И сбываются ли они?

— Однажды в детстве мне приснился торт к моему седьмому дню рождения. Заметь, в нашей традиции не принято печь торты. В нашей семье на день рождения обычно едят индийские сладости. Но на день рождения мне действительно подали торт со свечами, совсем как во сне.

Раньше Иоланта с восторгом отнеслась бы к подобному дару, но теперь ее отношение к пророкам и видениям стало предосудительным. Смысл жизни в способности делать собственный выбор. Если заранее обо всем знать — особенно если следовать этим видениям, совсем как Кашкари, который поступил в Итон, потому что увидел его во сне — это чересчур ограничивает и идет вразрез с идеей свободной воли.

— Но ты хотел на день рождения торт?

— Тогда я не слишком думал, хотел я его или нет. К тому времени сбылся только один из моих снов — что бывшая одноклассница моей бабушки придет к нам погостить. Поэтому меня больше интересовало, пророческий ли сон или нет.

— А ты никогда не думал, что хотел бы жить по-другому? Не уезжать из семьи, не поступать в Итон?

— Конечно, думал.

— И ты не жалеешь, что встал на этот путь? Сны ведь не позволяют тебе иного выбора?

— Очень по-западному считать видения о будущем вечной правдой, высеченной во мраморе и неизменной. Мы скорее расцениваем видение как предложение, одну из множества возможностей. Съев кусочек торта, я попросил еще и ладду — обожаю эти твердые сладкие шарики! — и получил целую тарелку. А когда дело дошло до Итона, я никогда не рассматривал сны как вериги. Вопрос всегда был в том, хочу ли я ввязаться в эту авантюру, и в конце концов я решил, что хочу.

— Значит, бывали сны, которые ты не принимал как руководство к действию?

— Ну, был один такой, на который я в качестве эксперимента более-менее решил не обращать внимания, потому что он показался мне одновременно глупым и совершенно незначительным. За последние два года я видел его несколько раз. Будто бы я и еще несколько парней ночью собрались в комнате у принца, и я закатываю рукава на курте, вылезая из окна и спускаюсь по водосточной трубе.

Иоланта вздрогнула.

— Я надеваю курту только перед тем как лечь спать, то есть дело во сне происходило уже после отбоя. Просто мне показалось, что это на меня не похоже: ради забавы вылезать из окна посреди ночи. Но когда это произошло уже на самом деле, выяснилось, что Трампер и Хогг кидались в наше окно камнями, и я решил, что очень даже стоит за ними погнаться.

И этим он раскрыл себя как «скорпиона», о котором говорила Оракул Тихих вод, того, у

кого Иоланте надлежало искать помощи.

— А я в твоём сне был?

— Ты говорил как раз перед тем, как я полез в окно. Не вспомню, что именно ты сказал, но да, ты там был.

— Джентльмены, мне очень неловко прерывать вашу захватывающую беседу, но пора начинать тренировку, — уведомил подошедший Уэст.

О да, беседа действительно получилась захватывающая. Иоланта даже не заметила, как капитан приближается. Все обменялись рукопожатиями.

— Сегодня у нас уйма зрителей.

Уэст бросил взгляд на десятки мальчиков, собравшихся у края игровой площадки.

— Это еще ничего, подожди до конца летнего семестра.

— Купер и Роджерс вон там, — показала Иоланта Кашкари.

Купер помахал. Она манерно послала им воздушный поцелуй. Оба парня согнулись от смеха, словно ничего забавнее не видели за всю жизнь.

— А принц не придет посмотреть на твою игру? — поинтересовался Уэст.

— Крикет привлекает его куда меньше средневековой французской грамматики, — вздохнула Иоланта.

— Правда?

Голос Уэста не изменился, но Иоланта почувствовала разочарование капитана — он плотнее стиснул зубы и прижал к себе биту.

Что Уэсту за печаль, если Тит не придет на тренировку?

Неужели он шпион Атлантиды?

Эта мысль настолько заняла ум Иоланты, что только спустя минут двадцать после начала тренировки до нее наконец-то дошел смысл слов Кашкари.

За последние два года индеец несколько раз видел ее — точнее, Фэрфакса — во сне, тогда как Арчер Фэрфакс предположительно отсутствовал в школе всего три месяца, судя по превратному заклинанию принца, с помощью которого он создал вымышленную личность и биографию товарища.

Когда Иоланта наконец объявилась в школе под личиной, Кашкари должен был знать, что Фэрфакс не отсутствовал три месяца, а никогда прежде не появлялся в пансионе миссис Долиш.

Неудивительно, что в начале знакомства он задавал Иоланте столько вопросов, заставляя ее нервничать. Он с первой секунды подозревал, что некоторые отрезки биографии Фэрфакса не сходятся.

Тот Фэрфакс, который предположительно жил под крышей дома миссис Долиш последние четыре года, не существовал до начала летнего семестра.

* * *

Иоланта поглядывала на Кашкари, пока они вместе шли обратно к пансиону. Наверное, его мысли прочитать еще сложнее, чем мысли принца, но в отличие от Тита индеец не выглядел закованным в шипастую броню высокомерия.

Теперь Иолу восхищало то, каким закрытым был Кашкари под флером хорошего воспитания и дружелюбия. Он хранил не только свои тайны, но и ее, никогда не делаясь своими сокровенными мыслями, разве что время от времени задавая неожиданные вопросы,

ответы на которые находились с трудом.

Но почему он решил раскрыться именно ей? И почему сейчас? Неужели Кашкари пытался что-то до нее донести?

Или о чем-то предупредить?

Принц вышел из своей комнаты как раз, когда Иола и Кашкари поднялись на лестничную площадку, ведущую в коридор с их спальнями.

— Лакеи уже почти приготовили нам чай.

Они обычно чаевничали в комнате Уинтервейла, но теперь, поскольку тот приболел, временно переместились к индийцу. Иоланта не хотела чаю, но еще больше не хотела тащить принца обратно в его комнату, чтобы рассказать обо всем увиденном и услышанном, тем более что Кашкари уже говорил:

— Как я рад принимать у себя дорогих друзей.

Комната его оказалась почти такой же просторной, как у Тита. На полу лежал на вид древний ковер. На книжной полке поблескивали медные блюда с масляными лампами и горками киновари и куркумы. Над этим небольшим алтарем возвышалось изображение бога Кришны, сидевшего по-турецки и игравшего на флейте.

— Симпатичная. — Иоланта кивнула на небесно-голубую парчовую штору, ярким пятном выделяющуюся на фоне блеклой обстановки.

— Спасибо. Мне нравится, когда зимой на окне что-то плотное, иначе холодный английский воздух так и норовит сюда проникнуть.

Пришли младшие мальчики, неся тарелки с горячими бобами, тостами и яйцами. Кашкари налил всем чаю. Они обсудили здоровье Уинтервейла, последние новости из Индии, Пруссии и Бечуаналенда — в обсуждении последнего пришлось поучаствовать и Иоланте. Ей казалось, что она сидит на иголках. Ну сколько еще можно чай гонять? И зачем принц вообще пришел? Вчера он уклонился от такого же приглашения.

Иоланта бросила взгляд на часы. Прошло двадцать пять минут. Еще пять, и она уходит.

Внезапно кто-то легонько постучал в дверь: миссис Хэнкок с письмом для Кашкари.

— Только что принесли с почтой, милый.

Кашкари встал, забрал письмо, поблагодарил миссис Хэнкок и вернулся к столу. Конверт был квадратным, коричневым, с надписью крупными печатными буквами с обеих сторон: «ВНУТРИ ФОТОГРАФИЯ. ПРОШУ НЕ СГИБАТЬ».

Кашкари отложил письмо, сел и почти сразу же встал. Обычно спокойный как удав, он казался встревоженным.

— Это бесполезно.

— Что? — поинтересовался принц.

— Я знаю, что там: фотография с приема по случаю помолвки моего брата. Вечно ее избегать не получится, поэтому ничего не случится, если я открою конверт сейчас.

— Если хочешь, чтобы мы оставили тебя одного... — начала Иоланта.

— Я уже раскрыл вам обоим этот секрет. Глупо притворяться, будто этого не было. — Кашкари открыл конверт и протянул снимок Иоланте. — Это она.

На дагерротипе была индийская семья: Кашкари, девушка в сари и симпатичный молодой человек — наверное, его брат. Сари прикрывало и волосы девушки. Большую часть ее лица загоразивало огромное кольцо в носу, продетая через него цепочка скрывалась где-то в волосах. Но все равно было легко понять, что возлюбленная Кашкари невероятно красива.

— Да, она настолько прекрасна, что может для любого стать объектом грез.

— О да, — вздохнул Кашкари.

Иоланта передала фотографию принцу, который, прежде чем ее принять, глотнул чаю.

И почти тут же сильно закашлялся.

Иоланта изумилась: властитель Державы не из тех мальчиков, что способны поперхнуться чаем. Кашкари вскочил и с силой похлопал Тита между лопатками.

Принц, тяжело дыша, вернул индийцу дагерротип:

— Не в то горло попало. Она очень красивая.

— Кажется, ее красота воздействует не только на тебя, — подмигнула Иоланта Кашкари.

Тит холодно на нее посмотрел.

— Кашкари, как она познакомилась с твоим братом?

— У них, конечно же, договорной брак.

— Само собой. Я имел в виду, она из того же города, что и вы?

— Нет. Мы из одной общины, но ее семья много лет назад перебралась в Пенджаб. — Кашкари слабо улыбнулся. — Они могли найти моему брату любую невесту, но выбор пал на нее.

Вскоре после этого принц встал и, попрощавшись, ушел. Иоланта на минуту задержалась, а потом постучала в дверь его комнаты. Им нужно поговорить о смысле пророческих снов Кашкари! Но тут дверь распахнулась, и Тит втащил ее внутрь.

— Кашкари... — начала Иола, но Тит ее перебил:

— Девушка на фотографии — та самая, что испортила прием в саду Цитадели! Та самая, что сбежала на ковре-самолете. Та самая, что спрашивала о тебе.

Пустыня Сахара

Тит все еще спал, касаясь ее плечом, когда Фэрфакс проснулась в поту.

Внутри присыпанной песком палатки царили полумрак и духота. Фэрфакс призвала воду, вдоволь напилась и наполнила бурдюки. Затем села, зажгла магический свет и сосредоточилась на больном. Он спал на животе без туники. Она со свистом втянула воздух, увидев повязку на спине Тита: одно дело, если бы та оказалась ярко-красной, но кровь смешивалась с похожей на чернила темной жижей — жутковатое зрелище.

— Просто яд выходит из организма, — сонно пробормотал Тит. — Я принял все противоядия из твоей сумки.

Фэрфакс сняла и уничтожила старую повязку.

— Что это вообще было?

— Какой-то яд, но я не чувствую, куда именно меня укусили.

— Я тоже не вижу следов укуса. — Она протянула ему несколько гранул обезболивающего. — На вид кожу словно облили кислотой или чем-то в этом роде.

— Но это вещество органического происхождения, потому что противоядия сработали.

Фэрфакс покачала головой:

— Поражен такой большой участок спины, словно кто-то вылил на тебя ведро яда.

И все же Тит прошел полымя его знает сколько верст по пустыне, таща ее за собой.

Она очистила рану, нанесла обезболивающую мазь и целительный бальзам.

— Знаешь, что мне это напоминает? Читал когда-нибудь историю о Бездне Бриги?

— Да.

— Помнишь жижезмеев, которые охраняют вход в Бездну? Мерзких огромных созданий? Говорят, они плюются фонтанами черной жижи, способной растворить мага, оставив лишь волосы и зубы.

— Но жижезмеев не существует.

— Вот зачем ты разрушаешь прекрасную гипотезу скучными фактами?

Уголки его губ приподнялись, и Фэрфакс сбилась с мысли. Она смотрела на профиль Тита дольше, чем следовало, пока не вспомнила, что должна заниматься делом.

— Ты давно проснулась?

Она достала еще две склянки.

— Минут пять назад. Я наполнила бурдюки водой.

— Голос наконец-то звучит бодро.

— Меня слегка клонит в сон, но не думаю, что через минуту захраплю.

Тит зашипел, когда ему на спину полилось содержимое первой склянки.

— Это хорошо. Я чуть не оглох от твоего храпа.

— Ха! — Фэрфакс наклонилась над ним второй пузырек и принялась аккуратно отсчитывать капли. — Кстати о важных персонах: властителя Державы ведь тоже зовут Титом? Имя не такое уж распространенное.^[11]

Он на секунду задумался:

— Среди сихаров^[12] оно довольно часто встречается.

Это застало ее врасплох, но прозвучало логично: сихары славились своими знаниями и

умениями в магии крови.

— Думаешь, ты сихар?^[13]

— Не имею ни малейшего понятия. Мне просто не хотелось бы оказаться одним из тех бедняг, что теряют память и решают, будто бы являются правителями каких-то стран. — Тит нахмурился. — С другой стороны, позавчера ночью я выпустил два сигнальных огня. Огромных фениксов. А феникс — символ дома Элберона.

Фэрфакс убрала снадобья и вновь перевязала ему спину.

— Может, ты был мальчиком на конюшне в одном из замков принца, где и полюбил фениксов. Устав с утра до ночи разгребать навоз, ты отправился в путешествие, которое привело тебя за океан. Ты убивал драконов, встречался с красавицами, выслушивал похвалы твоей отваге и благородству...

— И закончил едва ли не калеккой в пустыне?

— В каждой сказке должен присутствовать такой жуткий эпизод, иначе их было бы неинтересно читать и слушать.

Тит выдохнул:

— Думаю, с меня хватит приключений. За последние тридцать шесть часов мне как минимум трижды казалось, что я вот-вот скончаюсь от испуга. Готов попросить его высочество вновь взять меня в услужение, чтобы в тишине и покое разгребать навоз до конца моих дней.

— Мне по душе честолубцы, — усмехнулась Фэрфакс.

Он снова улыбнулся, чем опять ее отвлек.

— Стоит признать, — сказал Тит, — в пустыне потрясающее небо. Я бы с удовольствием полюбовался им без наступающей мне на пятки Атлантиды. Костер, кружка с чем-нибудь горячим и целый космос для любования.

— Честолубец, да еще вдобавок с простыми вкусами.

— А что бы делала ты, не гоняйся за нами по Сахаре Атлантида?

Фэрфакс призадумалась:

— Может, ты надо мной посмеешься, но если бы над нами не маячила тень Атлантиды, я бы гадала, не сильно ли отстала от учебы, путешествуя по Сахаре в середине семестра.

Он рассмеялся.

— Ну и смейся на здоровье. Не собираюсь извиняться за свое желание хорошо учиться.

— И не надо. Кроме того, готов поспорить, что именно это твой кавалер в тебе обожает.

Она села на пятки.

— Откуда ты о нем узнал?

— По скрытой надписи на лямке твоей сумки.

Фэрфакс тут же схватила сумку:

— *Revela omnia.*

На ткани проступили слова:

«В ночь твоего рождения случился звездопад. В день нашей встречи ударила молния. Ты мое прошлое, настоящее и будущее. Моя надежда, моя молитва, моя судьба».

Ее защитник.

— Парень с ума по тебе сходит, — заметил Тит.

Фэрфакс вновь перевела на него глаза: он лежал грязный, усталый, с потрескавшимися от обезвоживания губами. Ее собственный рот находился в гораздо лучшей форме — Тит заботился о ней больше, чем о самом себе.

— Кто его знает, а вдруг он — это ты, — произнесла она, накладывая на его спину еще один слой повязки.

Тит пошевелился:

— Вряд ли я бы написал нечто подобное. Прости, но я бы запретил законом предложения вроде: «В день нашей встречи ударила молния».

Взмахнув рукой, Фэрфакс вытряхнула из его волос песок. Еще несколько очищающих заклинаний, и на нем не осталось почти ни единого пятнышка.

— Возможно, ты был слишком занят, собирая вещи, чтобы уделить больше внимания словам.

— Мы, бывшие чистильщики навоза в конюшнях, умеем одновременно собираться и выдавать бессмертные строки.

Магический свет озарил несколько точек на его плечах: россыпь веснушек, которых Фэрфакс прежде не замечала. Они смотрелись весьма привлекательно на сильной мускулистой фигуре, словно созвездие, манящее провести кончиком пальца от звезды до звезды и к следующей...

Тит дернулся, и Фэрфакс вынырнула из грез, осознав, что на самом деле его коснулась.

— У тебя кожа слегка липкая, — быстро сказала она, хотя ничего подобного и близко не было. — Одними заклинаниями пот не смыть. Дай-ка я тебя помою, освежишься.

— Наверное, это слишком много возни. Тебе нужно отдыхать.

— Да я и так несколько дней в буквальном смысле продрыхла.

Большая капля воды шустро взмыла вверх — Фэрфакс явно волновалась. Да что с ней такое? Надо было воспользоваться предложением отдохнуть и оставить Тита в покое. Но остановиться не получалось.

Она намочила ему волосы, нашла в сумке брусок мыла и взбила густую пену. Массируя голову, промыла каждую прядь. Призвала еще больше воды, чтобы смыть пену, а то, что стекала вниз, еще одним заклинанием выслала из палатки в ближайший бархан.

Закончив, Фэрфакс магией высосала влагу из волос Тита и смахнула ее прочь. Затем кончиками пальцев погладила его по голове, проверяя, высохла она или нет.

А теперь нужно отстраниться и сказать: «Готово».

Но рука против воли скользнула на его затылок, и пальцы будто сами по себе растопырились там, где плечо переходило в шею.

Тит со свистом вдохнул.

Фэрфакс открыла рот, чтобы сказать, мол, это все понарошку и им привиделась одна и та же галлюцинация. Но теплая кожа под пальцами была настоящей. И, что любопытно, становилась прохладнее по мере продвижения ее ладони от плеча до локтя.

Внезапно Тит встал на колени лицом к ней, и они посмотрели друг на друга. Фэрфакс впервые заметила, что у него серо-голубые глаза. Цвета бездонного океана.

Она любила своего абстрактного защитника, но знала только этого юношу, который давал ей больше воды, чем пил сам. Фэрфакс провела пальцем по его щеке, и Тит поймал ее руку. Она затаила дыхание, не зная, оттолкнет он ее или прижмет губами к ладони.

Но тут раздался сотрясший землю рев.

Англия

— Логично.

Что бы Тит ни ожидал услышать от Фэрфакс в ответ на известие, мол, возлюбленная Кашкари — та самая чародейка, желавшая сдать ее Атлантиде, это слово в возможный список не входило.

— В смысле?

И тогда Фэрфакс рассказала о двух беседах с индийцем и о его пророческих снах, уделив особое внимание тому, в котором она появлялась задолго до своего прибытия в дом миссис Долиш.

— Довольно безопасно предположить, что Кашкари из магической семьи, возможно, находящейся в изгнании.

— Надо было раньше мне рассказать. Я должен знать обо всем, что тебя касается.

Все изменилось, но одновременно осталось по-прежнему. Тит все так же не спал ночами, беспокоясь о ее безопасности. И просыпаясь утром, в первую очередь думал о ней.

Фэрфакс постучала пальцами по спинке стула, на котором обычно сидела, когда они вместе тренировались в Горниле во время летнего семестра.

— Кашкари меня не выдал, поэтому пока можем считать, что он нам не враг. Нужно только узнать, почему, столько времени скрывая свою настоящую личность, он решил нам довериться.

В голове у Тита стучали молоточки. Даже не верилось, что он так долго жил с Кашкари в одном доме и ни о чем не догадался. Что еще он упустил?

— Сперва мне нужно свериться с маминым дневником.

Не стоило этого говорить, но Фэрфакс никак не ответила, лишь чуть выпятила губу.

— Предпочитаю принимать решение, собрав все возможные данные. Было бы преступно не проверить, не предвидела ли она чего-нибудь подобного.

Ужасно, что приходилось оправдывать свои шаги и защищаться.

Она слегка улыбнулась — или скривилась?

— Само собой, ты должен поступать так, как считаешь нужным.

— Знаешь, я не то чтобы жду этого с нетерпением. Я...

Фэрфакс схватила Тита за грудки:

— Не надо. Ты сделал свой выбор, так следуй же ему! Если собираешься попросить Уинтервейла сразиться с Лиходеем, то хотя бы такой малости он от тебя заслуживает.

В ее голосе слышались нотки гнева и тоски, темные глаза горели, а пухлые красные губы были чуть приоткрыты для судорожных вдохов.

Не следовало так поступать, но Тит взял ее лицо в ладони и поцеловал. Потому что они миновали ту грань, где все можно решить словами. Потому что он снова боялся умереть. Потому что любил ее сильно, как саму жизнь.

Громкий стук в дверь заставил их отскочить друг от друга.

— Принц, ты там? — окликнул Кашкари. — Уинтервейл очнулся и зовет тебя.

Улыбающийся Уинтервейл ждал их, сидя в кровати.

— Тит, рад видеть. И тебя, Фэрфакс. Как прошла тренировка? Скучали по мне?

— Безумно, — с убедительной улыбкой ответила Фэрфакс. — Мальчишки выли и катались по земле, когда стало ясно, что ты не придешь.

Уинтервейл прижал ладонь к груди:

— Это согревает мне сердце.

Затем отбросил одеяло и спустил ноги на пол. Тит и Фэрфакс тут же бросились помогать, но он поднял руку, показывая, что хочет все сделать сам.

Несмотря на свою силу, Фэрфакс едва успела его подхватить, когда Уинтервейл начал падать.

— Боже всемогущий, Уинтервейл! Да взрослый вайомингский бык весит меньше, чем ты!

— Что со мной такое? Я прекрасно себя чувствую!

— Ты два дня пролежал в постели, — пояснил Тит. — Неудивительно, что на ногах еле держишься.

— Тогда, наверное, кому-то из вас придется проводить меня в туалет.

— Задача для настоящего мужчины, — хмыкнул Тит. — Боюсь, тебе придется потесниться, Фэрфакс.

— Так и знал. Ты все еще злишься, что мои шары больше твоих.

Уинтервейл захихикал и, опираясь на плечо Тита, вышел из комнаты.

В коридоре его радостно встретили. На обратном пути Уинтервейл и Тит несколько раз останавливались поговорить с мальчиками, желавшими узнать, как у больного дела.

— Джентльмены, дайте Уинтервейлу вернуться в постель, — донесся до них властный голос миссис Хэнкок. — Если желаете навестить его и поболтать, сделайте это так, чтобы его не утомлять.

— Миссис Хэнкок хотела увидеться с тобой, когда ты очнешься, — сказал Кашкари. Должно быть, он-то за ней и ходил.

Уинтервейл обаятельно улыбнулся:

— Ну конечно, дорогая миссис Хэнкок.

Фэрфакс сидела все там же, когда процессия вернулась. Она помогла Уинтервейлу лечь в кровать, но когда в комнату один за другим стали просачиваться мальчишки, почти никем не замеченная выскользнула прочь.

* * *

Иоланта открыла дверь лаборатории и услышала щелканье клавиш.

У принца имелся пишущий шар, с помощью которого он получал донесения от своего личного шпиона Далберта. Одно время шар лежал в шкафу его комнаты в пансионе, но сохранности ради Тит перенес его в лабораторию.

Стоило подойти поближе, и латунные клавиши, похожие на остриженные иглы безобидного дикобраза, перестали стучать. Иоланта вытащила заранее подложенный под шар лист бумаги.

Постороннему человеку послание показалось бы набором букв, но принц научил ее этому шифру. С болью в сердце Иола вспомнила, что сама его об этом попросила в день, когда решила на самом деле помогать ему в достижении невозможной цели.

В глубинах разума зародилась странная мысль. Иоланта назвала его любовь слабой, потому что Тит не предпочел ее словам матери, но что насчет ее собственной любви?

Правда ли она сильнее и крепче? Он, как обычно, стремился навстречу смертельной опасности, а она отпускала его с простым напутствием: «Да пребудет с тобой Фортуна».

Иоланта минуту постояла, почесывая затылок в попытке усмирить непроходящую боль в шее, и наконец начала читать донесение Далберта.

«Ваше сиятельное высочество,

По вашему поручению я изучил события в Гренобле, что во Франции. По словам моих информаторов в Лионе и Марселе, общины изгнанников в этих городах получили предупреждение не ездить в Гренобль, потому как разведка доложила, будто там, возможно, затевается ловушка.

Изгнанники все же ослушались и поехали, но с единственной целью: предупредить магов, стянувшихся с земель до самого Кавказа на слухи о возвращении мадам Пьерридюр. Значительную их часть от города отвадили, хотя были и другие, кого не удалось вовремя перехватить или убедить скрыться.

Налет на Гренобль — последняя ловушка Атлантиды с использованием мадам Пьерридюр в качестве приманки. Восемь с половиной лет назад появились убедительные сообщения о смерти мадам, которые нигде официально не публиковались, ибо она покончила с собой. (Во время бунтов десятилетней давности было хорошо известно, что Атлантида захватила ее детей и внуков и после жестоких пыток казнила.)

Но пока правда не раскрылась, ловушки оказывались действенными. Смерть последнего инквизитора и слухи о гибели Лиходея воспринимались как начало, символ слабости Атлантиды. Образовывались новые подпольные ячейки сопротивления, а старые выходили из спячки. Последующее воскресение Лиходея не умерило их пыл — люди полагали, что он не сможет воскресать вечно.

Теперь многие из этих ячеек сопротивления, как новых, так и старых, разгромлены, а самые смелые и деятельные подпольщики заключены атлантами под стражу.

Скромно желаю вашему высочеству здоровья и долголетия.

Верный преданный слуга,

Далберт».

Проведя лето почти в полной изоляции, Иоланта даже не подозревала, что их с принцем поступок в ночь на Четвертое июня вдохновил столько людей бороться с Атлантидой, как и что Атлантида уже задавила новые ростки сопротивления — быстро и безжалостно.

Сердце болело от огорчения, никак не связанного с тем, что Иола сошла с узкой тропинки судьбы, но из-за раздавленных надежд всех тех, кто верил, что наконец увидел первый лучик рассвета.

Она опустила послание Далберта на письменный стол, где уже лежал экземпляр «Деламерского наблюдателя», отпечатанный на тонком крепком шелке, что позволяло складывать его и носить в кармане. Газета была открыта на последней странице, заполненной объявлениями в три строчки: продавались детеныши единорогов, притирания для лица и мантии, создатели которых обещали, что с их помощью ночью можно стать почти невидимым.

Что же искал там принц?

И тут Иоланта увидела в углу неприметное объявление: «*Наблюдение за птицами. Любопытные необычные особи, прежде встречавшиеся в Танжере, Гренобле и Ташкенте.*»

Пока она читала, текст изменился на «*...прежде встречавшиеся в Гренобле, Ташкенте и Санкт-Петербурге.*»

За исключением Гренобля, во всех остальных немагических городах проживало значительное количество изгнанников. Атлантида еще далеко не закончила подавление восстания.

С тяжелым сердцем Иола вошла в читальный зал и рассеянно остановилась перед справочным столом.

Возможно, это хорошо и правильно, что к ним присоединился Уинтервейл. Если судить по затопившему «Морского волка» водовороту, в сравнении с его — способности Иоланты смехотворны. А если намереваешься бросить вызов Атлантиде, без такой мощи не обойтись.

В памяти вновь всплыло это зрелище: корабль вращался, как попавший в вихрь лист, не в силах выбраться.

— Водоворот, который ужинает кораблями, — пробормотала она.

На полке за справочным столом появилась книга — видимо, умное устройство решило, что Иоланта желает ознакомиться с литературой по данному предмету. Она вытащила том и рассеянно пролистнула несколько страниц.

Книга оказалась путевыми заметками одного мага, что вместе с группой товарищей путешествовал морем из Державы в Атлантиду, дабы посмотреть на снос плавучей гостиницы.

«На пути к Люсидийскому заливу мы миновали Атлантический водоворот — зрелище одновременно пугающее и вызывающее восторг. Диаметр его составлял около восьмидесяти верст, и темные воды беспрестанно бурлили вокруг воронки в центре. Над головой кружили колесница и всадники на крылатых конях — это чудо природы для атлантов такая же диковинка, как и для туристов. И хотя большая часть страны живет за чертой бедности, элита все равно владеет достаточным количеством животных, чтобы путешествовать за четыре сотни верст от берега.

Никто не знает, почему возник водоворот. Он появился из ниоткуда. Мои друзья говорят, что это столь же впечатляющее зрелище, как меняющие местоположение пики Лабиринтных гор, и я должен с ними согласиться».

Иоланта посмотрела на титульный лист. Напечатано в восемьсот пятьдесят третьем державном году, почти сто восемьдесят лет назад. Она знала, что стилизованный водоворот на гербе Атлантиды символизирует настоящее природное явление в море неподалеку от острова, но понятия не имела, что водоворот находился там не всегда.

Интересно. И все же Иола пришла в библиотеку с другой целью. Вернув книгу на полку она попросила:

— Покажите мне все книги, в которых содержится предложение «Устрицы дают жемчуг, но только если у тебя есть нож и ты готов им пользоваться».

Путевые заметки исчезли, и на их месте возникла сотня изданий пьесы Аргонина.

— Все, кроме пьес, — исправила запрос Иоланта.

Все равно осталось много книг.

— Уберите учебники и сборники цитат.

Осталось три тома. Первым, что неудивительно, оказалась диссертация учителя Хейвуда. Строчка упоминалась на последней странице без контекста и пояснений.

Следующей шла годовая подшивка «Деламерского наблюдателя» за тысяча седьмой державный год, за шесть лет до рождения Иоланты. В статье, в которой упоминалась цитата, речь шла о грандиозном бале-маскараде в честь трехсотлетия со дня рождения Аргонина, ставшем началом года новых постановок его пьес, как известных, так и не очень.

«Большинство гостей явились в костюмах известных персонажей пьес Аргонина. Некоторые нарядились самим Аргонином — для многих до сих пор удивительно, что знаменитый драматург писал не один, а вместе с женой. А одна юная леди, не пожелавшая, чтобы мы публиковали ее имя или портрет на страницах газеты, поскольку она еще не достигла возраста посещения балов и явилась без приглашения, пришла в довольно скандальном костюме устрицы, который при открытии обнажал крупную светящуюся жемчужину. Вместе со спутником, разгуливавшим с сомнительного происхождения абордажной саблей, они олицетворяли ее любимую строчку из пьесы Аргонина: “Устрицы дают жемчуг, но только если у тебя есть нож и ты готов им пользоваться”».

В третий раз цитата встречалась в официальном бюллетене Высшей военной академии Державы. Пятерых кадетов там называли самыми многообещающими выпускниками года. И строки из Аргонина приводились в качестве любимой цитаты кадета по имени Пенелопа Рейнстоун.

У Иоланты заколотилось сердце. Кто такая Пенелопа Рейнстоун?

В читальном зале легко нашелся ответ и на этот вопрос: Пенелопа Рейнстоун служила главным советником по безопасности при регенте, а ее основным полем деятельности были угрозы Державе со стороны внешних врагов.

Иоланта вернулась к бюллетеню, где превозносились верность, ум и стойкость юной Рейнстоун. Могло бы показаться, что она представляет собой квинтэссенцию солдата, но в разделе интервью, когда ей задали вопрос, готова ли она нарушать правила, Пенелопа ответила: «Мне, как и любому солдату, нравятся порядок и дисциплина. Но мы должны помнить, что правила и уставы часто вводятся в условиях мирного времени, тогда как мы, будущие офицеры государственной безопасности Державы, подготовлены к войне и хаосу. В чрезвычайных обстоятельствах надлежит принимать чрезвычайные решения».

Другими словами, если потребуется, она не колеблясь нарушит любое правило.

Иоланта вцепилась в край стола. Но ничего не оставалось, кроме как задать справочному столу следующий вытекающий из предыдущего запрос:

— Покажите мне все, что есть о Горацио Хейвуде и Пенелопе Рейнстоун вместе.

И она увидела их в специальном приложении к «Деламерскому наблюдателю», позировавшими вместе на приеме в Цитадели, устроенном для лучших выпускников школ со всей страны.

Подпись под фотографией гласила:

«Восемнадцатилетний Горацио Хейвуд из школы Трезубца и Морского конька в Гавани Сирен на островах Сирены и девятнадцатилетняя Пенелопа Рейнстоун из Академии Содружества Деламера. Молодые люди собираются поступать в Консерваторию магических наук и искусств и Военную академию имени Тита Великого соответственно. Хотя мистер Хейвуд и мисс Рейнстоун познакомились только на приеме, они не уставали осыпать друг друга комплиментами».

Юноша и девушка на снимке смотрели друг на друга, светясь от удовольствия.

Неужели это оно? Неужели генерал Пенелопа Рейнстоун — хранительница памяти?

Неужели она мать Иоланты?

Пустыня Сахара

Рев раздался снова.

Фэрфакс быстро нагнулась за сумкой. Тит схватил свою тунику и выдернул из ботинка волшебную палочку.

Чародейка толкнула ладонью воздух, и по палатке прокатился грохот не хуже драконьего рева — она вызывала лавину, собираясь испугать и отвлечь находящуюся снаружи виверну.

— Оставайся тут, — велел Тит, а сам перескочил и тут же оказался погребен под горой песка.

Он снова совершил скачок на бархан. Виверна, почти сливающаяся с пустыней, с визгом взмыла вверх, хлопая крыльями.

Тит знал, что песчаные виверны крупнее обычных, но эта в три раза превосходила всех, которых он видел прежде. Размах крыльев достигал размеров небольшой усадьбы, а на спине дракона сидел не один всадник, а двое. Оба в форме Атлантиды.

Они пытались направить виверну в сторону, где предположительно находилась Фэрфакс. Тит выстрелил в них несколькими атакующими заклинаниями подряд и довершил начатое обездвиживающим заклятьем.

Один из всадников обмяк. Виверна развернулась и выпустила в Тита струю пламени. Он быстро сотворил щит и прицелился в брюхо чудовища. У виверн — по крайней мере, у обычных — мягкое подбрюшье, и именно поэтому опытным магам удается их ловить и приручать. Но эта даже не покачулась, когда мощное заклинание врезалось ей прямо в живот, а, напротив, ринулась к Титу, вытягивая когтистую лапу.

Надеясь увести дракона подальше от Фэрфакс, он переместился на вершушку следующего бархана — палатка была установлена в узкой долине между двумя параллельными рядами дюн, чтобы днем их тень защищала от жаркого солнца. После слепого скачка Тит приземлился посередине песчаного склона, а не на вершине, куда изначально хотел попасть. Дракон не отставал. Глядя на начало долины вдалеке, Тит снова перескочил.

На сей раз он материализовался в двух верстах от исходной точки. Виверна развернулась и бросилась к нему, но на середине пути дернулась, едва не рухнув, и с диким ревом вновь ринулась в сторону Фэрфакс, хотя Тит и пытался раздражить тварь колющими заклинаниями.

Он выругался и перескочил обратно к палатке, но в результате оказался почти полностью закопан в песок. Исчезла не только Фэрфакс, но и палатка. Проклиная все на свете, Тит перемахнул на точку повыше.

Фэрфакс стояла в долине между дюнами и в сравнении с подбирающимся к ней драконом казалась крошечной. Подняв руки, она словно приказывала чудовищу остановиться. И оно, парившее над землей так низко, что задевало кончиком хвоста песок, будто бы слушалось.

Прошло две секунды, и Тит понял, что именно происходит. Виверна пыталась вершок за вершком двигаться против поднятого Фэрфакс встречного ветра, из-за которого песок летел

дракону в морду. Чародейка что-то крикнула, и монстра с тридцатиметровым размахом крыльев снесло на несколько аршинов назад.

Тит предпринял серию атак на оставшегося на виверне всадника, но тот прижался к ее шее, укрывшись за правым крылом, и заклинания до него не долетали.

Тит несколько раз перескочил, пытаясь найти хороший угол для удара — он надеялся, что песчаная виверна не привыкла так напрягаться, добывая ужин, и с радостью оставит непокорную чародейку стихий ради более легкой добычи, если удастся обезвредить всадника.

Наконец оказавшись в удобной точке, откуда открывался относительно беспрепятственный вид, Тит поднял руку. Но что это за звук? Слышно ли еще что-то помимо завывания ветра, шороха песка, утекавшего сквозь воздух как речной ил, и хлопанья крыльев виверны?

Прибыл целый эскадрон виверн-альбиносов!

Едва ощутив жар на коже, Тит переместился к Фэрфакс. Ей было еще рискованно совершать скачки, но он не знал, как иначе вытащить ее из этой передраги.

Тит прикрыл чародейку щитом как раз вовремя: виверны все разом изрыгнули пламя. Фэрфакс держала ладонь поднятой, перенаправляя огонь на драконов, отчего они заметались и нарушили строй.

Но отвлекшись на новоприбывших врагов, она ослабила мощь ветра, удерживавшего на месте песчаную виверну, и та, все еще могуче хлопая крыльями, проскочила мимо них.

Тит призвал новый щит, самый мощный из ему известных.

— Зарываться в песок бесполезно — песчаная виверна закапывается быстрее. И даже если тебе удастся удержать всех тварей на расстоянии, у Атлантиды появится время прислать подкрепление.

А если всадники сумеют оградить временную закрытую для скачков зону диаметром три метра, которая создается за пятнадцать минут, и запереть их в ней, тогда даже Тит не сможет вырваться.

Единственный оставшийся выход — перескочить, что для Фэрфакс может оказаться смертельным, но Тит не хотел решать за нее. Он взял ее за руку:

— Хочешь со мной?

Тонкие пальцы дрожали в его ладони.

— Каковы мои шансы выжить?

— Десять из ста. В лучшем случае.

— Я не хочу умирать, — пробормотала Фэрфакс, — или попадать в плен. Может, есть какой-то другой выход?

— Призови циклон, — дрогнувшим голосом сказал Тит. — Сдуй их всех в бездну.

— О, если бы я могла. — Она со свистом втянула воздух. — Погоди-ка, что там говорил мой поклонник? «В день нашей встречи ударила молния». А вдруг он это в буквальном смысле?

Это невозможно.

— Послушай, Фэрфакс...

Она почти спокойно подняла свободную руку ладонью к безоблачному небу и яркому солнцу. Сжала кулак. И тут сверкнула молния.

Тит открыл рот — хотел то ли крикнуть, то ли ахнуть, но из горла не вырвалось ни единого звука. Он лишь смотрел затуманенными от слез глазами, как искрящаяся комета

электрического разряда несется к земле. Приблизившись, молния распалась на двенадцать, и каждый отводок угодил в виверну. Драконы задергались и начали валиться на землю так тяжело, что каждое падение вызывало дрожь в костях Тита.

Моргая, он повернулся к чародейке. Она выглядела такой же изумленной, как он себя чувствовал.

— Да защитит меня Фортуна, — пробормотала Фэрфакс. — Вот зачем Атлантида меня разыскивает?

Упоминание Атлантиды заставило Тита стряхнуть оцепенение: для всех находящихся поблизости преследователей молния наверняка сработала как сигнальный маяк. Тит схватил Фэрфакс за руку и побежал, на ходу бросив:

— Поспешим. Бронированные колесницы придут с минуты на минуту.

Песчаная виверна была единственной с двойным седлом на спине. Тит отстегнул крепления и сбросил бесчувственных, но дышащих всадников, пока Фэрфакс искала следящие метки — атланты обычно ставили их на упряжи. Когда она швырнула горсть блестящих кружочков в песок, Тит помог ей взобраться в седло перед ним, уже слыша на расстоянии приближение трех бронированных колесниц.

Фэрфакс направила палочку на песчаную виверну:

— *Revivisce omnino.*

Та вздрогнула, с трудом поднялась, пошатнулась. Тит дернул вожжи. Дракон расправил крылья и, покачиваясь, взмыл в небо. Виверны в расцвете сил могут обогнать бронированные колесницы в гонке на короткую дистанцию, но доставшийся Титу и Фэрфакс зверь определенно выдохся, а путь им предстоял дальний.

Тит повернул виверну на восток.

— Если я правильно помню, ты хотела двигаться на восток.

— Насколько возможно далеко от Атлантиды. — Фэрфакс глянула на север, откуда приближались колесницы. — Полагаю, их конструкция предусматривает защиту от молний?

— Увы.

Она вздохнула:

— Хоть кто-нибудь когда-нибудь пытался облегчить мне жизнь? — И указала на землю: — Пусть виверна летит между дюнами.

Тит заставил дракона спуститься. Преследователи ринулись за ними в долину, неумолимо сокращая разрыв.

— Еще ближе к земле, — командовала Фэрфакс.

Тит начинал понимать, что она задумала. Оглянулся через плечо: колесницы отставали на пару верст и быстро нагоняли, летя слишком близко к земле.

— Давайте, — бормотала Фэрфакс, выглядывая за спину Тита, — еще чуть-чуть.

— Ты, наверное, самая жуткая девушка из моих знакомых.

— Давай не будем драматизировать, — сухо ответила она. — Кроме меня ты никаких девушек не помнишь.

И тут же оскалилась и взмахнула палочкой. Дюны выросли, словно волны, и обрушились на бронированные колесницы, буквально похоронив их под горами песка.

Тит дернул за поводья, понукая виверну подняться выше, и снова направил ее на восток.

— Если бы состоялось соревнование на титул самой жуткой девушки, я бы поставил на тебя последнюю монету.

Фэрфакс лишь тихо рассмеялась и, положив голову ему на плечо, почти сразу

провалилась в сон.

Англия

«2 января 1010 державного года.

На улице сумерки, но не могу сказать, предрассветные или предзакатные. Вижу со спины двоих мужчин или юношей. Они идут, один поддерживает другого. Двигаются украдкой, постоянно озираясь.

А когда наконец останавливаются и прячутся за валуном, я вижу их цель: укрепленный замок на скалистом холме в центре широкой долины, окруженной похожими на клыки утесами.

Почти на всех утесах высятся сторожевые башни, и их узкие бойницы горят, будто прищуренные глаза диких зверей. Долина ярко освещена, видны кольца защиты.

Я написала три предыдущих абзаца утром в спешке, потому что опаздывала на заседание высшего совета, на котором отец повелел присутствовать. Весь день я вспоминала видение и гадала, что оно могло означать.

Сейчас я только вернулась из кабинета отца. Нынче с ним сложно, но того юношу, каким он был, и его запись и подобие в учебном стансе Горнила я обожаю. И у меня разрывается сердце при мысли, что я считаю более не существующего человека не просто дорогим другом, но единственным, кто понимает мою жизнь и всю предстоящую мне ответственность.

Теперь я боюсь, что когда-нибудь стану похожей на отца, резкой и суровой, полной гнева и упреков. Напоминания о том, каким обаятельным и жизнерадостным он был, только усиливают страх.

Но я отвлеклась от темы. Юный Гай сказал, что я, несомненно, видела дворец главнокомандующего, убежище Лиходея в верхних землях Атлантиды.

Молодые люди, за которыми я наблюдала в видении, или самые глупые, или самые смелые из ныне живущих магов».

После недавних открытий Тит хотел найти что-нибудь о Кашкари, но дневник решил снова подтвердить, что принц отправится в Атлантиду всего с одним спутником, которого придется поддерживать на ходу.

Он закрыл дневник. Сидящая напротив Фэрфакс как раз выпрямлялась, выныривая из Горнила.

— Ты знаешь кого-нибудь по имени Пенелопа Рейнстоун? — спросила она странно безжизненным голосом.

— Она главный советник регента по безопасности.

— Что она за человек?

— Невероятно профессиональная. Кажется преданной короне. Ни разу не была замечена во внерабочей связи с Атлантидой. А почему она тебя заинтересовала?

Фэрфакс промолчала, но выглядела выбитой из колеи.

А вдруг...

— Ты наткнулась на ее имя, пока искала подсказки о том, кто может оказаться хранительницей памяти?

Она встала и надела форменный пиджак, который перед погружением в Горнило

положила на стол.

— Строка из Аргонина — ее любимая цитата. И они с учителем Хейвудом встречались много лет назад на приеме в Цитадели еще до того, как оба поступили в высшие учебные заведения. Но ничего конкретного.

Тит не знал, чего ожидал, но эти сведения его потрясли. Генерал Рейнстоун?

— Я возвращаюсь, — сообщила Фэрфакс.

Перед ужином пансион запирали. После этого попасть внутрь можно было только через окно или совершив скачок. А при скачке велик риск попасться. Титу-то плевать, а вот для Фэрфакс это имело значение, причем большое. Даже застукай ее кто-нибудь влезющей в окно — миссис Хэнкок уже что-нибудь заподозрит.

Прежде Фэрфакс всегда была дотошной и должна помнить, что пусть он не может взять ее с собой, она по-прежнему остается самым разыскиваемым магом на Земле.

Но Титу не хватило духа начать ее поучать, поэтому он лишь сказал:

— Давай сначала пойду я и проверю, что горизонт чист.

Проводив Фэрфакс, он заглянул к Уинтервейлу в поисках Кашкари, но столкнулся только с уходящими Купером и Сазерлендом. Уинтервейл широко зевнул, уже закрывая глаза.

Кашкари нашелся в своей комнате.

— Присаживайся, принц, — пригласил он, едва Тит шагнул внутрь. — Кстати, звуконепроницаемый круг уже создан.

— Кто ты?

— Сам я не важная шишка, но ты, наверное, слышал о моем покойном дяде. Его звали Ахиллес Париму.

Тит ответил лишь взглядом — имя ему ни о чем не говорило. И внезапно он вспомнил:

— Ахиллес Париму — маг стихий, рожденный во время метеоритного ливня тысяча восемьсот тридцать третьего года. Тот, что пробудил потухший вулкан.

Кашкари кивнул:

— Тогда тебе, верно, известна и его судьба.

— Семья убила его, чтобы не отдавать Атлантиде.

— Он умолял их убить его, а не отдавать — так мне рассказывали родные, — уточнил Кашкари. — В любом случае в наказание Атлантида вырезала всех, за исключением моей матери. Она в то время была совсем маленькой, и ее отослали к подруге семьи сразу же после проявления силы Ахиллеса. Эта подруга, которую я всегда считал бабушкой, уговорила мужа взять девочку и бежать в немагическое королевство, и они так и поступили: оставили остров в Аравийском море и обосновались на континенте, в Хайдерабаде. Моя мать росла, зная, что она беженка-чародейка, но не зная ничего об истории родной семьи. Череда восстаний в королевствах на континенте привела в Хайдерабад толпы беженцев-магов. Некоторые из них хотели сбиться в общину, другие же просто желали раствориться в толпе. Мать вышла замуж за юношу из последних. Он стал адвокатом, они родили двоих детей и жили так, чтоб со стороны не отличаться от окружающих их немагов. А потом она снова забеременела и во время метеоритного дождя в тысяча восемьсот шестьдесят шестом родила меня. Это напугало бабушку и дедушку, помнивших, что случилось в прошлый раз, когда ребенок из маминого рода родился в такое время. Они наконец рассказали матери правду о ее брате и родителях, и хотя власть над стихиями редко передается по наследству, принялись с тревогой за мной наблюдать. Выяснилось, что я не повелеваю стихиями, но вижу

пророческие сны. Фэрфакс тебе рассказал?

Тит сомневался, стоит ли втягивать в это Фэрфакс.

— Он находит твой дар весьма необычным.

— Когда семья поняла, что я не стихийник, они расслабились и позволили мне самому решать, хочу ли я поехать учиться в Англию. Мы на Востоке не рассматриваем видения как данность, поэтому я склонялся к тому, чтобы остаться с близкими, пока не увидел еще один сон, заставивший меня передумать. Это был лишь обрывок видения: кучка людей в комнате — кстати, в твоей, — и один из них говорит мне: «Оставаясь рядом с Уинтервейлом, ты его спас».

Тит не это ожидал услышать. Наверное, потому, что узнал о пророческих снах индийца от Фэрфакс, и поскольку Оракул открыла ей, мол, он один из тех, кого надо просить о помощи, Тит полагал, что и в остальном Кашкари будет неотрывно связан с нею.

Но мог бы и догадаться. С самого начала рассказа Кашкари, хотя он не акцентировал на этом внимание, каждое его слово вело к одному: величайшему магу стихий не прошлого, а настоящего.

И несмотря на отчаянное желание Тита, этим магом был Уинтервейл. Не Фэрфакс.

— Поэтому ты приехал, чтобы спасти Уинтервейла, — закончил принц, стараясь скрыть разочарование.

— Я знал, кто такой барон Уинтервейл — Январское восстание было столь успешным, что во всех магических королевствах эта фамилия стала синонимом надежды. Моя семья без умолку говорила о его победах. Мы только позже узнали, что стратегией занималась баронесса Соррен, а тогда считали, будто он делал все сам, единолично перехитрив и одолев Атлантиду. И я помню, как бабушка с дедушкой шептались о возможности наконец вернуться домой и перестать быть изгнанниками. Но с подавлением восстания надежда развеялась как дым. К тому времени, как я начал видеть этот сон, барона Уинтервейла уже казнили. Однако я задумался: а вдруг это видение обозначает, что мне уготована более важная роль в этой пьесе, чем я представлял? Вдруг мне суждено спасти сына барона Уинтервейла от ужасной опасности и помочь ему оживить мечту отца?

— Подумать только, а я-то считал твоей целью независимость Индии от Великобритании.

— Нет, моей целью всегда было свержение Лиходея, — легко признал Кашкари, словно это самая естественная цель в мире. — Справедливость для моего дяди и всей семьи. Справедливость для всех семей, которых принесли в жертву ради могущества Лиходея.

— Думаешь, Уинтервейл — ключ ко всему?

— Точно не знаю. Как и не могу сказать, возымело ли какое-то действие то, что я все эти годы не отходил от него.

Тит уже замечал, что в последние недели Кашкари старался держаться ближе к Ли. Но если подумать, они годами были не разлей вода.

— Ты уже сказал Уинтервейлу?

Индиец покачал головой:

— Ты ведь знаешь, какой он. Или ему следует стать значительно осторожнее, или положение должно усугубиться до предела. Только тогда я рискну поведать ему всю правду.

— Тогда почему ты раскрываешь ее мне?

— Нужен совет.

На Тита нахлынуло непонятное предчувствие.

— Слушаю.

— Недавно мне снова приснился тот сон, и я наконец увидел лицо сказавшего: «Оставаясь рядом с Уинтервейлом, ты его спас».

— И кто же?

— Миссис Хэнкок.

— Что?

Миссис Хэнкок? Представительница министерства управления заморскими владениями Атлантиды?

— Я бывал в ее приемной и видел значок водоворота на ручках ящиков. Я знаю, что она агент Атлантиды. Но у Атлантиды много агентов, и не все из них лояльны Лиходею.

— Я ни разу не видел, чтобы миссис Хэнкок каким-то образом выказала нелояльность Лиходею.

Кашкари помрачнел:

— Я надеялся, что тебе известно о ней больше, чем мне. Что, может быть, она сочувствует нашему делу.

— Не нашему, твоему, — подчеркнуто напомнил Тит.

— Но Амара сказала, что Атлантида считает тебя врагом. И добавила, что Атлантида считает, будто ты укрываешь мага стихий, чьи силы не уступают дядиным.

Амара — это, видимо, та, что испортила прием в Цитадели, нареченная брата Кашкари.

Тит снисходительно заметил:

— Произошло непонимание. Когда маг стихий вызвал молнию, я сел на перитона и отправился посмотреть. Агенты Атлантиды оказались на месте происшествия, когда я еще нарезал круги в небе, и с тех пор не сводят с меня глаз.

— Ясно, — осторожно вставил индеец.

— Но не волнуйся, то, что ты мне рассказал, не дойдет до неправильных ушей. Пусть моя цель отличается от твоей, я не пылаю любовью к Атлантиде и не стану тебе мешать. — Тит собирался уже развернуться к двери, когда кое-что вспомнил: — А не откроешь ли, почему припозднился к началу учебного года? В связи с только что услышанным, догадываюсь, что ты не болтался на немагическом корабле посреди Индийского океана.

— Нет, я был в Африке на помолвке брата: семья его невесты несколько поколений назад перебралась в королевство Калахари, и даже в изгнание они отправились в соседнюю страну.

— Значит, эта девушка — твоя будущая невестка?

— Боюсь, что так. — Кашкари бросил быстрый взгляд на фотографию с празднования помолвки. — В общем, мы сидели там и говорили. Амара поведала о том, что считала греющей душу новостью: будто мадам Пьерридюр намерена раздавать оружие и инструкции магам в нескольких королевствах, втайне замысливающим диверсии против Атлантиды.

— Тогда как на самом деле мадам много лет назад покончила с собой.

— Причем у нас дома. Они с бабушкой приятельствовали со школы, и потому после провала мятежей она появилась у нас на пороге. Мы объяснили все Амаре, и следующие несколько дней промелькнули как один. Именно это меня задержало.

Тит кивнул:

— А есть ли какая-то причина тому, что ты решил рассказать о своих пророческих снах именно Фэрфаксу?

— Фэрфакс — странный случай. Я надеялся, ты сможешь разобраться, поскольку мы

всегда считали его твоим другом. Но хотя я знаю, что до начала последнего семестра его тут и близко не было, не могу понять, сам ли ты его сюда определил, или он агент Атлантиды, а ты должен терпеть его присутствие.

Тит внимательно посмотрел на Кашкари. Он о многом беспокоился и разработал множество возможных сценариев защиты, но ему никогда не приходило в голову, что Фэрфакса могут посчитать возможным агентом Атлантиды.

— Почему ты думаешь, что его сюда послала Атлантида?

— Потому что иногда кажется, что, предположительно будучи друзьями, вы едва друг друга выносите.

Порой Тит забывал о крупной ссоре с Фэрфакс в начале летнего семестра. Тогда разрыв между ними казался бездной, через которую невозможно навести мост, но они справились.

Неужели и на сей раз есть надежда?

— Ты кому-нибудь говорил о своих подозрениях насчет Фэрфакса?

— Нет. Хотя он появился уже в середине учебного года, он всегда только помогал.

Внутренняя красота. Вот что мальчишки с самого начала разглядели в Фэрфакс: ее доброту, дружелюбие и то, что она всегда принимала их такими, какие они есть.

— На твоём месте я бы продолжил молчать о нём.

— Понимаю. А что насчет миссис Хэнкок?

Это совсем другое дело. Тит не собирался доверять ни одному человеку, ручки ящиков стола которого украшены символами водоворота.

— Я постараюсь разузнать.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Тит пошел к двери. Но не успел переступить порог, как Кашкари окликнул:

— Ваше высочество.

Тит не стал оборачиваться:

— Что ещё?

— Можете не делиться со мной своими соображениями, ваше высочество, но помните о моем даре, — тихо и уверенно произнес индеец. — Я увидел, кто вы такой, и только потому рискнул своей жизнью и жизнями всех дорогих мне людей, доверив вам правду. Надеюсь, когда-нибудь вы оплатите мне тем же.

Пустыня Сахара

Прошло полчаса с тех пор, как Фэрфакс вызвала молнию и похоронила бронированные колесницы. Полчаса без прихвостней Атлантиды. Белое и безжалостное солнце палило; песок ходил волнами, точно бурное море. Песчаная виверна, выносливое создание, почти оправилась от полученного разряда и летела со скоростью более ста двадцати верст в час.

Однако Тит не терял бдительности и, вновь прибегнув к заклинанию дальнорукости, продолжал рассматривать небо. Раз их с Фэрфакс обнаружили, Атлантиде теперь намного проще установить пределы поисков. Ее войскам отныне нет нужды прочесывать пустыню по всем направлениям от кровавого круга, ведь можно сосредоточиться на весьма конкретном участке.

И конечно, не прошло и пяти минут, как Тит заметил тройку виверн-альбиносов. Они находились на несколько верст позади, но двигались быстрее. Маленькие драконы часто проворнее в полете.

К тому же, коли беглецов снова нашли, по следу скоро пустят еще не одну тварь, так что эта тройка не главная из проблем.

Однако присмотревшись к всадникам, Тит резко изменил свое мнение. Проблема вырисовывалась знатная. Они выпустили сеть, походившую на непрактичный капюшон на невидимой голове.

Ускоритель чар: преследователи собирались использовать заклинание дальнего действия.

Да, они находились в невыгодном положении, ведь цель удирала прочь, значит, заклинанию придется преодолеть еще большее расстояние. И хотя некая дистанция безусловно необходима — оптимальными считаются пять верст, — все, что сверх этого, ослабляет чары.

Но ускоритель подстегивал силу и длительность волшебства, что не предвещало беглецам ничего хорошего.

Достав палочку (не только атланты умели нападать издалека), Тит сосредоточился, успокоился и прицелился, проговаривая заклинания одно за другим.

Он видел, чем заняты всадники. Без сомнения, она понимали его действия, однако никто из них не сменил курс, решительно желая выпустить как можно больше чар на случай, если некоторые пролетят мимо и пропадут высоко в атмосфере или в песке внизу.

В самый последний момент Тит отправил своего дракона в почти вертикальное пики. Летевшие стройным рядом виверны-альбиносы в ответ сбросили всадников и направились в разные стороны.

Песчаная виверна вышла из маневра и вновь стала набирать высоту.

— Что за тряска? — пробурчала Фэрфакс, не открывая глаз.

— Мы увернулись от заклинаний дальнего действия.

Она чуть приподняла уголки губ в хитрой ухмылке:

— Мой герой. Но нельзя ли девушке спокойно выпасться?

Тит поцеловал ее в макушку:

— Конечно. Я лично гарантирую плавную поездку, будто на ковче-самолете размером

верста на версту.

Но песчаная виверна не захотела осуществлять его обещание. В ту же секунду, как на горизонте замаячил маленький оазис, она ринулась напрямиком в рощу финиковых пальм. И Тит, несмотря на приложенные усилия, не смог сменить направление.

Пришлось послать верблюдам, вереницей выстроившимся у пальм, целый поток успокаивающих заклинаний.

Верблюды жевали и безмятежно глазели на песчаную виверну, пока пальмы качались под порывами ветра, сотворенного огромными крыльями. Люди, однако, не были столь же невозмутимы. Из четверых бородатых загорелых мужчин, один сразу упал в обморок, двое схватились за винтовки, а последний — за Коран.

Тит спешил и повел огромную, высотой с двухэтажный дом, тварь к луже в центре оазиса.

— Ас-салямю алейкум, — поздоровался он с теми, кто остался в сознании.

Мир вам.

Старик с Кораном несколько раз открыл и закрыл рот, но оттуда не вырвалось ни звука. Молодой мужчина в пропыленной красной куфие что-то прохрипел, однако Тит, знавший по-арабски всего несколько приветственных фраз, не стал отвечать. А когда третий человек в коричневом тюрбане взвел курок, старик его остановил, положив руку на плечо.

Виверна пила, и пила, и пила. Как только она утолила жажду, Тит убедил ее опустить ветку пальмы, чтобы он смог срезать побольше фиников.

Еще раз сказав «Ас-салямю алейкум» путешественникам в караване, по-прежнему смотревшим на чужаков разинув рты, он снова направил дракона в небо.

Примерно через час они приземлились недалеко от низкого скалистого холма, на котором ничего не росло, но любая тень в пустыне, где можно собрать воду, была жизненно необходима. Тит отослал две оставшиеся у него охотничьи веревки за вкусным ужином для виверны, а сам склонился, чтобы дать Фэрфакс воды.

Она пила с закрытыми глазами.

— Я снова уснула?

— Это все панацея. Даже если уже не отключаешься постоянно, все равно приходится много спать. К тому же ты исчерпала все силы, когда Атлантида нас нашла.

Что могло препятствовать выздоровлению. В идеале, Фэрфакс нужно было просто отдыхать, пока ее режим сна не придет в норму.

— После заклинаний дальнего действия произошло еще что-то ужасное?

— Не с нами, но погонщикам в караване найдется, что рассказать внукам. Возможно, добавят замысловатые подробности, например, как песчаная виверна сожрала половину их верблюдов под смех демонического рогатого всадника.

Фэрфакс хохотнула:

— Да, это точно о тебе.

— Я очень горжусь своим раздвоенным хвостом, но от рогов буду отнекиваться до последнего вздоха.

Теперь она полуоткрыла глаза.

— Я вижу лишь нимб.

— Только посмотри, что ты наделала: от твоего комплимента у меня хвост отвалился.

Она снова тихонько рассмеялась.

— Так песчаная виверна напилась вволю?

— Думаю, да. И она пожадничала: виверны могут прожить десять дней без воды.

— Вот бы и мы так могли, но не уверена, что хочу, чтобы моя кожа выглядела так же.

Виверна была почти не заметна в пустыне, с виду напоминая груды небольших камней, полускрытых в песке.

— Жаль тебя разочаровывать, но наша кожа сейчас именно так и выглядит.

Фэрфакс снова смежила веки.

— Твоя внешность, без сомнения, страдает. Моя красота, однако, столь же нерушима, как ангельские крылья.

— Что ж, ты очень крас...

Ее ресницы затрепетали.

— ...сиво высушилась и скукожилась.

Она приподняла уголки губ:

— Позабыл, что говоришь с той, что способна сбить тебя молнией?

— А стоит ли флиртовать с той, что на такое не способна?

— Ты называешь это флиртом?

Тит взял Фэрфакс за руку, проверяя пульс.

— Как бы я это ни назвал, твое сердце бьется часто.

— Уверен, что это не последствие панацеи?

Он потер большим пальцем ее запястье. Кожа была мягкой, как первый летний бриз.

— Абсолютно.

Дыхание Фэрфакс участилось, губы слегка приоткрылись. И вдруг сердце самого Тита застучало быстрее, а кровь прилила к ушам.

А в следующее мгновение его сбила с ног вернувшаяся охотничья веревка, обернутая вокруг все еще трепыхающейся змеи.

Фэрфакс смеялась и смеялась, пока Тит боролся с добытчицей, пытаясь ослабить ее и не дать змее себя укусить. Голодная песчаная виверна нетерпеливо рычала.

Наконец оставив ее наслаждаться обеденным перекусом, Тит вернулся к Фэрфакс, но она вновь почти спала.

— Ну, по крайней мере, на сей раз нас прервал не драконий рев, — заметил он.

— Нет, — едва слышно отозвалась она. — Я думала, между нами могут возникнуть искры. Но теперь даже не знаю, что нам противопоставить страстному объятию охотничьей веревки и змеи.

Фэрфакс уснула с ухмылкой на лице. Тит долго смотрел на нее и улыбался.

Англия

Чувство равновесия и подвижность Уинтервейла не восстанавливались. Через неделю после своего пробуждения от долгого сна он все еще не мог стоять самостоятельно, не говоря уже о том, чтобы, как прежде, с шумом и триумфальным воплем съезжать по перилам.

Его нужно было сопровождать на уроки и обратно, в столовую и даже в туалет. И почти всегда эта роль выпадала Кашкари, который повадился сидеть в комнате друга, чтобы тому не приходилось кричать, если хочется печенья из буфета или открыть окно и плотнуть свежего воздуха.

Но не только это изменилось в Уинтервейле.

Он всегда был более открытым с Титом, чем с другими мальчиками, и искренне говорил о жизненных неурядицах: нездоровье матери, тоске по Державе и страхе не оправдать знаменитую фамилию.

Пускал в свой внутренний мир. Мимолетно, потому что желал наслаждаться жизнью по полной и умел, как считал Тит, подавлять эмоциональные тревоги очередным развлечением.

Новый Уинтервейл все еще сохранял внешнюю веселость. Но теперь наедине с Титом — что случалось нечасто, так как Кашкари почти неотлучно находился рядом — кузен вел себя спокойнее и проявлял небывалую любознательность.

Больше всего он переживал за мать, и Тит с радостью поведал правду: о ней ничего не известно. Потом Уинтервейл решил выяснить, что стало с остальными магами, попавшими в ловушку Атлантиды в тот вечер в Гренобле, и тоже получил искренний ответ: Тит понятия не имел.

И только на вопрос о сопротивлении Тит солгал. Ему не хотелось подорвать силу духа кузена вестью о том, сколь тяжелый удар нанесла по мятежникам Атлантида, и тем более дать понять, что лично заинтересован в происходящем.

Только через шесть дней после пробуждения Уинтервейл заговорил о будущем — в двух простых повествовательных предложениях:

— Я найду сопротивление. Присоединюсь к ним.

— Ты не можешь ходить.

Эта проблема ставила Тита в тупик. Уинтервейл шевелил пальцами ног. Не потерял чувствительности в нижних конечностях — ощущал все: и жар, и холод, и прикосновения. И с чьей-либо помощью весьма успешно добирался до нужного места. Но без поддержки из-за нарушенного равновесия, даже прижимаясь спиной к стене, примерно через минуту начинал клониться набок и не мог выпрямиться.

Остальным сообщили, мол, Уинтервейл сильно потянул мышцу, иначе миссис Долиш настояла бы на вызове лекаря, а больному не хотелось, чтобы его прощупывали и тыкали.

— Мне не нужно ходить, чтобы пользоваться способностями стихийника. Они могут посадить меня на виверну.

— Ты никогда не летал на виверне.

— Я научусь, когда найду мятежников. Ты уверен, что у тебя нет там знакомых?

— Уверен. — Ну хотя бы в этом Тит не солгал. Его мать погибла из-за участия в

сопротивлении, и он не собирался повторять ее ошибку. — Желаю удачно найти мятежников и не попасться Атлантиде.

На лице Уинтервейла отразилось не столько разочарование, сколько отчаяние: он пережил нападение Атлантиды, открыл в себе удивительный и редкий дар и все же застрял в немагической школе, не в силах отыскать мать и помочь восстанию.

Тут в комнату вернулись Кашкари, Купер и Сазерленд, и Тит ушел, но горе Уинтервейла осталось с ним.

В силу характера и необходимости Тит постоянно готовился к будущему. Однако узнав, что пророчество связано с Уинтервейлом, отныне не мог подумать о следующей неделе и даже о завтрашнем дне без содрогания. Какое же будущее ждет его без Фэрфакс?

Но нельзя продолжать потакать своим слабостям. Личные чувства не имеют значения, как и всегда. Главное — миссия.

А значит, перво-наперво необходимо, чтобы к Уинтервейлу вернулись равновесие и подвижность. Тащить его через всю Атлантиду во дворец главнокомандующего в нагорье в нынешнем состоянии просто невозможно. Ну или как минимум весьма нежелательно.

Когда-нибудь придется все рассказать кузену или признаться, что и он, Тит, хочет бросить вызов Атлантиде. Но учитывая опрометчивость Ли... лучше тянуть с признанием до последнего.

А тем временем надо подготовить его, поддержать в нем боевой дух — то есть взять с собой в Горнило. Атлантиде уже известно о книге, и даже случайно проболтавшись, Уинтервейл не сообщит противнику ничего нового.

Вот только прежде чем показывать ему Горнило, надо убрать оттуда все следы Фэрфакс.

Тит сидел в лаборатории и долго изучал страницы в «Оракуле Тихих вод» и «Спящей красавице». Без этих изображений, когда Фэрфакс покинет школу, он больше никогда ее не увидит.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Тит вернул образы в прежнее состояние, убрав все изменения.

И уже собирался закрыть Горнило, но решил проверить «Битву за Черный Бастион», историю Хельгиры. А там увидел лицо Фэрфакс. Сюда он ее облик не добавлял. Быстр просмотрев журнал правок, Тит узнал, что картинку поменяли двадцать лет назад.

Двадцать лет назад эта копия Горнила принадлежала его матери.

«*Не надо*», — сказал он себе. Какая теперь разница, почему принцесса Ариадна внесла данное изменение?

Но он открыл дневник.

«5 февраля 1011 державного года.

Очень часто я вижу места, расположение которых мне неизвестно. Но теперь все иначе. На сей раз я мгновенно узнала грозную твердыню Черного Бастиона, одного из самых сложных упражнений в Горниле.

Ночью крепость освещается факелами. И возле самой вершины на балконе, с которого днем открывается чудесный вид, стоит девушка в белом платье. Ее длинные черные волосы развеваются на ветру.

Это Хельгира?

Помнится, отец хотел, чтобы я постаралась забраться во внутренние покои Черного Бастиона и воспользовалась молитвенной нишей Хельгиры как порталом. С этой целью я как-то переделалась в служанку, что несла графин с вином, но почти сразу была

разоблачена и едва успела закричать «И жили они долго и счастливо», пока меня не разрезали на кусочки.

Когда видение закончилось, я открыла свою копию Горнила и в истории Хельгиры нашла изображение женщины лет тридцати — все еще красивой, но покрытой шрамами, закаленной в боях и совершенно не похожей на аристократическую красавицу с балкона.

Кто же она?»

«3 сентября 1011 державного года.

Это Хельгира.

Девушка в белом платье и с развевающимися длинными волосами поднимает руки, и высь прорезает самая изумительная молния, какую я только видела. Будто вся мощь штормового неба слилась в единый энергетический луч.

Хельгира, повелительница молний. Кто же еще.

Так вот как она выглядит».

«19 сентября 1011 державного года.

Я изменила лицо Хельгиры в своей копии Горнила, в монастырском экземпляре и в книге в Цитадели. Надеюсь, отец не против, потому что считал последнюю своей личной.

Но теперь, когда дело сделано, я начинаю задумываться, почему вообще мне пришло то видение. Вряд ли будущее связано с деяниями фольклорного персонажа, который существует только в сказках и в Горниле».

Мать Тита на самом деле видела будущее. Фэрфакс стояла на балконе Хельгиры, призывая молнию, чтобы уничтожить Лиходея — по крайней мере, временно.

Благодаря принцессе Ариадне, изменившей образ Хельгиры в Горниле, Фэрфакс спокойно передвигалась по Черному Бастиону. И когда атланты потребовали рассказать о девушке, что вызвала молнию, Тит смог пожать плечами и посоветовать им ознакомиться с фольклором Державы.

Фэрфакс было предназначено появиться в его жизни.

Ну почему она не могла остаться Избранной?

* * *

Озеро расступилось.

На самом деле целое внутреннее море, такое большое, что дальние берега скрывались за горизонтом. А на дне в уменьшающемся воздушном пузыре застряла группа школьников.

Фэрфакс провела много времени в этой сказке, пытаясь спасти детей, да так и не преуспела. Но когда за упражнение взялся Уинтервейл, озерные воды разошлись, оставив грязную дорожку в версту длиной до самого пузыря.

Тит медленно покачал головой. Как можно не восхищаться такой силой?

Он повел кузена в другую историю, «Осень саранчи». Тот взглянул на рой насекомых, приближающихся к полю бедного фермера, и с волчьей усмешкой вскинул руки. Призванным циклоном весь рой сдуло без следа.

В следующей сказке Уинтервейл поднял булыжники в пятьдесят тонн, будто они не тяжелее теннисных мячиков, и быстро соорудил высокую стену вокруг города, осажденного

великанами. Местные жители атаковали врага с вершины стены, целясь в слабые места на затылках, и одержали поразительную победу.

— В жизни не испытывал подобного восторга! — закричал Ли, когда великаны попадали точно домино, отчего земля под ногами задрожала.

Титу следовало бы радоваться: он много раз читал «Жизнь и деяния великих магов стихий», и Уинтервейл соответствовал описанному там размаху. Еще стоило испытать облегчение от верного выбора: новый партнер во всем превосходил Фэрфакс, разве что не мог повелевать молниями.

Однако Тит чувствовал лишь... неловкость. Ему никогда не удавалось достигать цели гигантским прыжком, только годами тяжелого труда. Он покачал головой и напомнил себе, что лучше наслаждаться моментом, ведь самое трудное впереди.

Как всегда.

Когда они вышли из Горнила, радость Уинтервейла не ослабла.

— Словами не передать, насколько я готов к сражению с эскадрой бронированных колесниц, готов раздавить их этими гигантскими булыжниками.

— Что возможно, только если булыжники валяются под рукой.

— Или я могу просто смести врагов с лица земли, — восторгался Уинтервейл. — Представь, если бы у моего отца был подобный мне союзник во время Январского восстания?

Пришлось признать, что итог некоторых битв оказался бы иным. С Горнилом в руке Тит встал с постели кузена, на которой они сидели плечом к плечу. Он пошел на риск, принеся книгу в школу, но Уинтервейл всегда плохо переносил скачки, а Тит не был готов открыть ему место нового входа в лабораторию.

— Не проводишь меня в туалет, пока не ушел? — спросил Уинтервейл.

Его стихийные силы резко возросли, но мочевого пузыря будто уменьшился в размерах — по крайней мере, в присутствии Тита.

— Давай.

Уинтервейл вскочил, но не взял его за руку, а бросился к окну и едва не нырнул головой вниз. Тит едва успел уберечь его от удара об угол полки.

— Осторожно!

Уинтервейл застыл, прижавшись лбом к оконному стеклу.

— На мгновение... на мгновение мне показалось, что я заметил маму.

Но Тит, выглянув наружу, обнаружил лишь лоточника, которого прежде тут не видел. В остальном у дома миссис Долиш не происходило ничего примечательного.

* * *

Когда Иоланта пришла в лабораторию после отбоя, принц уже был там. Вернее, в Горниле: его рука покоилась на книге, а голова — на столе.

Даже в ненастоящем сне он выглядел напряженным и взволнованным. Сердце екнуло. Захотелось ему помочь.

«Так почему не поможешь? — спросила внутренний голос. — Даже если ты не великая героиня, какой себя считала, ты все еще на многое способна».

«Но он не желает моей помощи».

«Тит только сказал, что ты не Избранная. Когда это он говорил, будто ему больше не

нужна твоя помощь?»

Рядом с Горнилом стояла коробка с французской выпечкой, под которой обнаружилась записка:

«Далберт поведал мне, что в кондитерской миссис Хиндерстоун также продается французская выпечка, и постоянные посетители от нее в восторге. Эта коробка из Парижа. Надеюсь, тебе понравится».

Два пирожных со взбитыми сливками, небольшой фруктовый пирог и «наполеон», состоящий из слоев гладкого заварного крема и маслянистого теста.

Иоланта едва не отпихнула коробку, опасаясь, что содержимое вызовет душевную боль и отторжение. Но каким-то образом кусочек пирога оказался во рту. Он был невероятно вкусным, и Иола вспомнила, с какой заботой Тит всегда к ней относился.

Она накрыла его ладонь своей и немного так постояла, прежде чем произнести пароль и подпись для входа в Горнило.

* * *

Тит сидел в читальном зале, положив голову на большую книгу.

— Ты в порядке? — спросила Фэрфакс.

Он выпрямился.

— Не хочу показаться занудой, но тебе небезопасно покидать пансион после отбоя.

— Я знаю.

Она странно на него посмотрела. Непонятно, злится или нет.

— Ты не высыпаешься.

— Я в любом случае плохо сплю. Но сейчас не устал, просто перегружен информацией.

— Какой?

— Мне нужно поставить Уинтервейла на ноги, прежде чем мы отправимся в Атлантиду.

Но сперва надо узнать, что с ним такое. — Тит постучал по книге на столе. — Это самый полный справочник о том, как расшифровать показания измерителя здоровья. Некоторые комбинации тут же сужают выбор до одного-двух вероятных диагнозов. Но ухудшение крупной моторики и умственная нестабильность ведут к бесчисленным вариантам — от развития новой фобии до непоправимого раскола психики.

— Чего?

Он покачал головой:

— Последний известный случай раскола психики зафиксирован почти пятнадцать сотен лет назад, когда маги еще спорили, является ли рак божественным наказанием за противозаконные дела. Я бы не стал обращать на это внимание.

— Так о чем ты беспокоишься?

— Сегодня он чуть не упал, пытаюсь добраться до окна, потому что будто бы заметил снаружи мать. Однако со своего места он мог видеть лишь небо и, возможно, край крыши на другой стороне улицы.

— Считаешь, у него галлюцинации?

— Нет, вряд ли. Он вел себя вполне разумно. Но этот случай напомнил мне, что, когда я использовал измеритель здоровья, Уинтервейл находился под действием панацеи и все время спал. Тогда я решил, что прибор сообщает об ухудшении общей моторики, потому как больного можно только переносить. То есть измеритель одурачила панацея.

— И ты надеялся, что диагноз психической неустойчивости также вызван панацеей, — развила мысль Фэрфакс, — ведь для человека ненормально постоянно спать.

— Вот только измеритель не ошибся насчет неспособности двигаться.

Тит задумался, не станут ли его вновь отчитывать за отсутствие веры в Уинтервейла, но она лишь тихо прошептала:

— Тебе всегда непросто, да?

Отсутствие злости в ее голосе привлекло его внимание. Со дня водоворота, как бы вежливо Фэрфакс ни говорила, Тит всегда четко и ясно слышал ее скрытую ярость.

Но не на сей раз. Сейчас она была ему просто другом.

— Нет, неправда. Мне во многом везло, особенно с друзьями.

«С тобой».

Фэрфакс долго смотрела на него, затем вынула из пиджака маленький конверт:

— Возьми, это подарок на день рождения.

Его семнадцатый день рождения. Тит не собирался праздновать, но обрадовался, что она о нем вспомнила. В конверте обнаружились вершины от скачкозамениителя.

— Нет, я не могу их принять, — потрясенно пробормотал Тит. — Они для твоей же безопасности.

Фэрфакс обошла стол и сунула конверт в его карман:

— Я в достаточной безопасности. Позаботься лучше о себе.

Проводив ее до комнаты, Тит долго лежал в постели с прижатым к груди конвертом и думал о том, что ему действительно невероятно повезло с друзьями.

Повезло встретиться с ней.

Пустыня Сахара

Две охотничьи веревки еще несколько раз выбирались за добычей, чтобы утолить аппетит песчаной виверны. А пока та обедала, Тит, как хороший наездник, ее осмотрел, проверяя, все ли в порядке и нет ли ранений.

И едва не пропустил легкую бледность на спинном гребне. Похолодев, он снова пригляделся: следящая метка почти сливалась с кожей виверны, только чуть изменила цвет из-за погодных условий.

В каком-то оцепенении Тит прощупал оставшиеся странные выпуклости на гребне. Еще парочка меток. А сколько же он не нашел?

Он уничтожил следилки и запрокинул голову. Пока небо оставалось чистым. Очевидно, те всадники, использующие заклинания дальнего действия, наткнулись на них случайно — отыскать кого-то с помощью подобных меток на песчаной виверне очень сложно, и возможны ошибки.

Тит застыл в нерешительности, не зная, то ли запрыгнуть на виверну и сбежать, то ли остаться до тех пор, пока не избавится от всех меток до единой.

В итоге он внимательно ощупал каждый миллиметр драконьего тела, каждую чешуйку. Нашел одну следилку на когте и еще одну на кончике крыла.

Все?

Уже сгустились сумерки, но сомнений быть не могло: отделившая от горизонта грозовая туча — это не туча вовсе, а сотня виверн, летящих плотным строем.

Осталось уповать лишь на защиту Фортуны — ничто иное уже не поможет.

Вместо того чтобы уничтожить последние метки, Тит их бросил. Вскочил в седло позади спящей Фэрфакс, прикрепленной ремнями, и приказал дракону лететь над самой землей, но не касаясь кончиками крыльев поверхности.

Примерно через версту посадил виверну, заставил лечь и применил заклинание гипноза. Она фыркнула пару раз и закрыла глаза. Тит вытащил Фэрфакс из седла, снял его с драконьей спины и спрятал под одним из крыльев. Затем установил звуконепроницаемый с одной стороны круг и эластичный щит, чтобы виверну не вычислили по запаху или храпу.

А сам вместе с Фэрфакс спрятался под вторым крылом. Конечно, лучше бы держаться от виверны подальше, но если ее найдут, то им все равно не спастись, так как Тит не мог закопать их в песок, а камуфляжная палатка бесполезна под лучами яркого света.

Преследователи прибыли с шумом множества развевающихся на ветру флагов. Тит затаил дыхание и чуть приподнял драконье крыло, чтобы взглянуть одним глазком. Виверны и бронированные колесницы затмили и без того хмурое небо. Некоторые кружили над беглецами, другие крест-накрест летали вверх и вниз, а остальные направились прямо к тому месту, где Тит бросил следящие метки.

От размаха охоты голова шла кругом.

В тридцати сажнях от них приземлилась виверна. Тит сжал руку Фэрфакс. Страх никуда не делся, но так жуткая участь казалась терпимей.

Другая виверна села еще ближе.

В рядах атлантов возникли волнения, раздались крики:

— На нашу базу напали! Надо возвращаться и защитить лорда главнокомандующего!

Лорда главнокомандующего. Фэрфакс всхлипнула от того, как сильно Тит стиснул ее ладонь. Он заставил себя разогнуть пальцы. Лиходей в Сахаре?

— Мы никуда не пойдём! — возразил сердитый властный голос. — Приказ схватить двух беглецов нам дал сам лорд главнокомандующий.

Что-то просвистело в воздухе, а потом раздался пронзительный крик, будто всадника ранило в живот.

В атлантов полетело множество длинных тонких предметов. На мгновение Тит решил, что это сотни охотничьих веревок. Но нет, то были копья, зачарованные преследовать и пронзать врагов.

Тит потерял дар речи. Он словно оказался на рубеже тысячелетий, когда такие копья считались наиболее сильным оружием в магической битве. Но в том и преимущество античного вооружения — немногие солдаты обучены с ним обращаться. Копья целились во всадников, а не в виверн, шкура и чешуя которых слишком тверды. Люди приказали драконам отмахиваться крыльями, но сбитое наземь копье тут же вновь поднималось и несло к ближайшему атланту.

И хотя некоторые виверны выдыхали огонь, он был недостаточно горячим, чтобы расплавить металл, лишь нагревал копья до красноты, делая их еще более опасными.

— Улетаем! — разнесся над царящей неразберихой резкий и четкий голос. Тит узнал бригадира, встреченного в первый день атлантической охоты. — Чары на копьях действуют не далее нескольких верст. Мы сможем от них скрыться!

Атланты последовали совету бригадира. Постепенно шум затих. Тит напряженно вслушивался. А вдруг это обман, чтобы выманить его из укрытия? Но выбора почти не осталось. Бежать опасно, оставаться на месте — тоже.

Он тихонько помолился, встал и, вновь положив седло на спину песчаной виверны, на руках перенес туда Фэрфакс и закрепил ремнями.

— Вперед, милая. Если повезет, еще до рассвета мы увидим Нил.

Если нет — их ждет встреча с Лиходеем.

Англия

— Уинтервейлу лучше? — спросил Уэст в конце тренировки, когда Иоланта надевала поверх формы шерстяное пальто.

В последние несколько дней сильно похолодало. Двадцать два игрока тренировались под легким дождиком, пока зрители потирали руки и подпрыгивали на месте, чтобы согреться.

— В основном без изменений, — ответила Иоланта, застегиваясь.

— И как он переносит невозможность самостоятельно двигаться?

— Должен заметить, с похвальным стоицизмом.

От принца она знала, сколь легко Уинтервейлу удастся управлять силой в Горниле. Скорее всего, потому-то он при всей своей беспокойности и активности смог так хорошо перенести потерю свободы передвижения. Что значат победы и поражения на крикетном поле, когда мальчик, всегда боявшийся быть посредственностью, получил возможность стать героем на века?

— Я его навещу через несколько дней. Не хочу, чтобы Уинтервейл решил, будто о нем забыли после его ухода из команды, — сказал Уэст.

Он сбрил усы, которые носил в начале семестра, и без растительности на лице выглядел иначе. Иоланте даже показалось, что в нем есть что-то от принца. На братьев они не тянули, но могли бы сойти за кузенов.

— Уверен, Уинтервейл будет рад твоему визиту.

По крайней мере, прежний Уинтервейл точно бы обрадовался.

Иоланта взяла свои вещи и пошла в дом миссис Долиш вместе с Купером и Кашкари. Через минуту она заметила легкую хромоту индийца.

— Что с твоей ногой?

— Ты не поверишь.

— Я бы поверил, — с радостью отозвался Купер, наматывая на шею шарф. — Мои братья твердят, что я поверю чему угодно.

С легким раздражением Иоланта покачала головой:

— Хорошо, что ты не стремишься в юристы. Все-таки есть что-то в здоровой самооценке.

— Ну, слушайте, — сдался Кашкари. — Уинтервейл и я остановились вчера у библиотеки. Раз уж ему приходится столько лежать, он хотел что-нибудь почитать. И вот во время поисков огромная книга упала с противоположной полки и ударила меня по икре.

Книги не падают с полок просто так, хотя их легко можно столкнуть. В прежней школе Иоланты в Деламере в библиотеке висело яркое объявление: *«Призывающие чары запрещены. Нарушители отправляются прямоком в кабинет директора»*.

— А может, кто-то столкнул книгу с другой стороны? — предположил Купер.

— Там никогда не было. Благо, я в тот момент подвинулся, иначе схлопотал бы по голове. — Кашкари посмотрел на них. — Вы мне не верите?

— Я не помню, чтобы ты вчера хромал, — заметила Иоланта.

Вечером он провожал Уинтервейла на ужин и обратно.

— Сегодня сильнее болит. И тренировка только ухудшила ситуацию.

— Ты же не думаешь, что сломана кость?

— Нет, но остался большой синяк.

— Иногда полтергейсты такое устраивают, — совершенно серьезно заявил Купер. — Я не знал, что в библиотеке водятся призраки, но это же старая школа. Наверное, разозленные духи прежних учеников.

Подул холодный ветер. Иоланта посильнее натянула шляпу, чтобы ее не унесло.

— Возможно, у миссис Долиш найдется лекарство. Ну, знаешь, у пожилых дам частенько мышцы болят, — продолжил Купер.

— Я спрошу, — пообещал Кашкари, не особо воодушевленный перспективой врачеваться у миссис Долиш. — Если станет хуже, я не смогу приводить Уинтервейла на уроки.

Всегда готовый услужить, Купер тут же ухватился за возможность:

— Давай я помогу, ты и так уже столько сделал.

— Спасибо. — Кашкари немного помолчал. — Боюсь, Уинтервейл подустал от моего общества. Перемена может пойти ему на пользу.

Прежде Уинтервейл не был таким разборчивым: он проводил много времени с Кашкари, но с радостью общался и с остальными мальчишками из пансиона. А теперь, казалось, предпочитал лишь общество Тита.

Оно и понятно, ведь только с ним Уинтервейл мог не таиться и быть собой. Но все же Иола сочувствовала Кашкари.

— Неправда, — возразил Купер. — Уверен, Уинтервейл очень благодарен за твою неизменную помощь. Господь свидетель, я бы на его месте был благодарен.

Кашкари вздохнул:

— Надеюсь...

Вдруг почувствовав, будто на нее что-то летит, Иоланта размахнулась крикетной битой и ощутила отдачу в плече.

Вокруг затрещало, послышались звуки ударов. Купер взвыл.

Черепица... Как раз, когда они почти дошли до входа, она посыпалась с дома миссис Долиш.

Иоланта отбила одну плитку, обломки которой теперь валялись на земле. Кашкари выглядел потрясенным, но не пострадал. А вот на Купера упала другая плитка, и из пореза на голове шла кровь.

Иоланта посмотрела на крышу — пусто. Огляделась — тоже никого. Не видно даже подозрительного лоточника, что в последнее время ошивался через дорогу. Она обежала дом, но никто не притаился на коньке с другой стороны крыши, не забирался обратно в окно и не удирал прочь.

Когда Иола вернулась к приятелям, Кашкари прижимал платок к ране Купера.

— Голова кружится? Тошнит? Чувствуешь что-то необычное?

Тот заворожено пялился на ярко-красное пятно на своей руке:

— Ну, в ушах чуть звенит, но, кажется, я в порядке. — Он улыбнулся. — Теперь есть, что рассказать за ужином.

Кашкари покачал головой:

— Давай сначала отведем тебя к медсестре.

После того, как рану Купера почистили и перевязали, Иоланта принесла ему от уличного торговца целый куль жареных каштанов. А вернувшись в пансион, они устроили

пострадавшего в его комнате в компании чайника и бутерброда. Сюда же набились Сазерленд, Роджерс и несколько других мальчиков.

Купер с огромным удовольствием пересказал историю о странном несчастном случае.

Сазерленд нахмурился:

— Думаете, Трампер и Хогг приложили руку?

Иоланта покачала головой. В прошлом семестре Трампер и Хогг доставили пансионерам миссис Долиш кучу неприятностей, но получили отпор и больше здесь не учились. Даже вернись они в Итон ради мести, им бы не хватило ловкости организовать удаленный удар, ведь на крыше никого не было.

Однако для мага устроить такую атаку — раз плюнуть.

Но против кого? Иоланты, которая по-прежнему оставалась самым разыскиваемым стихийником в мире? Или Кашкари — непримиримого врага Лиходея, по крайней мере, по словам самого индийца?

Купера явились навестить другие ученики. Иоланта и Кашкари уступили им место и вышли в коридор.

— Спасибо, — сказал Кашкари.

— Не за что.

— Если бы ты так быстро не среагировал, меня могло ударить той плиткой.

— Или меня.

— Возможно, — произнес он без особой уверенности. — Надо бы проведать Уинтервейла.

А Иоланта решила пойти переговорить с принцем.

Его не было ни в комнате, ни в лаборатории, другой выход из которой находился на маяке на мысе Рат в Шотландии. Иола натянула непромокаемый плащ смотрящего и вышла наружу, где завывал ветер и лило как из ведра. Иногда после долгого чтения принцу нравилось здесь гулять.

Иола не заметила ни единой живой души. Сбитая с толку, она вернулась в пансион, а оттуда прогулялась по Хай-стрит, размышляя, не отправился ли Тит купить чего-нибудь перекусить. Обычно он не ходил пешком, предпочитая перескакивать за продуктами в Лондон — и всякий раз в новый магазин, дабы в еду и напитки наверняка ничего не подсыпали.

У врага Лиходея ни минуты покоя.

Иола купила горячую крестовую булочку и только шагнула за дверь лавки, как кто-то взял ее под руку.

Бледная, осунувшаяся леди Уинтервейл, едва ли не превратившаяся в скелет.

Иоланта чуть не выронила булочку и не сразу приподняла котелок:

— Добрый день, миледи.

Леди Уинтервейл без слов вывела ее в переулок и совершила скачок. Они оказались в комнате с шелковыми обоями цвета слоновой кости, огромным камином и позолоченным потолком. Большое окно выходило на...

Иоланта сделала несколько шагов. Окно выходило на Темзу, на другом берегу которой стоял Итонский колледж.

— Мы во дворце английской королевы?

— Совершенно верно. — Леди Уинтервейл сняла перчатки и отбросила их прочь. — Такая лачуга.

Внутреннее убранство Виндзорского замка, конечно, было весьма чопорным и громоздким, но все выглядело довольно респектабельно. Хотя, опять же, поместье Уинтервейлов, до того как его уничтожили в конце Январского восстания, по красоте приравнялось к Цитадели.

— А слуги знают, что вы здесь?

— Да. Они считают меня одной из немецких родственниц королевы. — Леди Уинтервейл села в желтое, как нарцисс, кресло. — Теперь расскажи мне, как дела с Ли?

Уинтервейлу дали имя Лиандр, но никто его так не звал, даже в краткой форме.

— Он не может передвигаться сам, а в остальном в порядке. Много спрашивает о вас.

— Что спрашивает?

— Я... при мне он ни разу не упоминал вас, поэтому могу лишь передать то, что узнала от его высочества. Принц говорит, мол, Уинтервейл с нетерпением ждет от вас весточки. И его высочество был рад, что ничего не знает, потому как не хотел лгать кузену.

Леди Уинтервейл приложила два пальца к виску:

— А почему же Ли не может ходить?

— Мы не знаем. Хотите, я приведу сюда принца к вам на встречу?

Она вскинула голову:

— Нет, нет. Это может быть очень опасно. Ни в коем случае. И не говори Ли обо мне. Понимаешь? Ни слова.

Эта женщина всегда нервировала Иоланту.

— Да, миледи, понимаю. Уинтервейл не должен знать, что вы здесь.

— Хорошо, можешь идти. — Леди Уинтервейл закрыла глаза, будто беседа ее вымотала. — Если выяснишь что-нибудь важное для меня, возвращайся в эту комнату и скажи *«Toujours fier»*.

* * *

На сей раз принц оказался в лаборатории.

— Где ты пропадал? — Иоланта едва сдерживалась. — Я искала тебя повсюду.

— В Париже.

Снова Париж.

— Что ты там делал?

— Покупал кое-что для тебя, разумеется. — Он указал на пакет с пирожными на рабочем столе.

Иоле и в голову не пришло, что Тит перенесется через Ла-Манш ради выпечки, но это они обсудят позже.

— Я только что говорила с леди Уинтервейл.

Выражение его лица тут же изменилось.

— Как она сбежала? Или ее отпустили?

Сердце ушло в пятки.

— Я не спросила.

Просто перепугалась от такой встречи, ведь леди Уинтервейл едва ее не задушила, когда Иоланта впервые прибыла в Англию.

— Она застала меня врасплох, перескочила со мной в Виндзорский замок, задала несколько вопросов про Уинтервейла, попросила ничего ему о себе не рассказывать и

отпустила.

И Иола этому очень обрадовалась.

— Расскажи все с самого начала, — попросил Тит. — На этот раз помедленнее и со всеми подробностями.

Она пустилась в объяснения. Он все внимательно выслушал. Наконец Иоланта спросила:

— Почему, как думаешь, леди Уинтервейл пришла ко мне, а не к тебе?

— Она знает, что сейчас за мной следят как никогда пристально.

Лоточник, что слонялся перед пансионом, и человек, вероятно, скрывавшийся за деревьями, — они только верхушка айсберга. Иногда, шагая в школу с ребятами, Иоланта чувствовала взгляды наблюдателей до самого порога.

— А что ты делала на Хай-стрит? — уточнил Тит. — Сейчас ведь не твоя очередь покупать булочки к чаю.

Миссис Долиш обеспечивала три трапезы в день, а мальчики сами покупали кое-что к чаю, который, по сути, являлся четвертым приемом пищи. Принц, Уинтервейл, Кашкари и Иоланта по очереди пополняли запасы на неделю для всех четверых.

— Я совсем забыла, почему вообще тебя искала. Черепица.

Она рассказала про случай с плиткой и о том, как книга свалилась с полки и ударила Кашкари.

— Слишком много летающих предметов для простого совпадения. Кашкари считает, что и то, и другое направлено против него.

Тит нахмурился:

— Согласен, особенно с черепицей. Прежде чем послать меня сюда, маги из Державы укрепили дом от пола до потолка. Ты когда-нибудь видела, чтобы тут не работал слив, скрипели ступеньки или забивался дымоход?

Пришлось подумать.

— Нет.

Когда все идет гладко, таких вещей просто не замечаешь.

— И не увидишь, пока я здесь, а может, все продержится еще многие годы после моего отъезда. Так что черепицу не могло просто сдуть. Она бы не шелохнулось, даже угоди пансион в торнадо.

Тит открыл пакет с пирожными, протянул Иоланте эклер и взял один себе.

— Произошло еще что-то, о чем мне стоит знать?

Только через несколько секунд она вспомнила, что еще ее обеспокоило.

— Уэст, из команды по крикету. Он интересуется тобой больше, чем следовало бы.

Тит сдвинул брови:

— Не помню, как он выглядит. Я приду на твою следующую тренировку.

Они провели несколько минут в молчании за едой. Обстановка казалась почти уютной.

Доев эклер, Тит посмотрел на Иолу, будто принял какое-то решение.

— Новость о леди Уинтервейл можно считать хорошей. Она знает о тебе, и если ее не допрашивала Атлантида, тем лучше. Что касается Уэста, мне известно недостаточно, чтобы бояться. Но летающая черепица — совершенно другое дело. Вероятно, она предназначалась не для тебя... Ты нужна Атлантиде в целости, а не покалеченной. Но столь близкий к тебе удар меня беспокоит. Возможно, какой-то плут пытается причинить вред Кашкари из-за его связи с сопротивлением или потому, что он охраняет Уинтервейла. Так или иначе, проблема

в том, что кто-то что-то знает. — Тит выдохнул. — Тебе надо поскорее уехать.

Сердце замедлилось, едва ли не замерло.

— Ты хочешь, чтобы я уехала?

— Чем больше думаю о черепице, тем сильнее меня это тревожит. Нам бы всем не стоило затягивать с отъездом. Однако, когда мы расстанемся, я не смогу помочь тебе в поисках опекуна, а хотел бы... по крайней мере доставить тебя к нему поближе.

«Когда мы расстанемся».

Иоланту словно что-то душило. Не совсем гнев, скорее протест. Она смирилась со своим неминуемым отъездом из школы и исчезновением из жизни Тита. Но теперь, когда он произнес эти слова, смирение испарилось, точно утренний туман.

Она не желала уезжать.

Никогда.

* * *

Четверть часа спустя Иоланта первой вошла в комнату Уинтервейла на чай.

До того, как Уинтервейл стал Избранным, они с ним редко оставались наедине — общались исключительно как члены группы. И теперь не было причин что-то менять. С буфером в виде одного или нескольких учеников куда лучше. Так легче делать вид, что ничего не изменилось, и поддерживать образ наглого юноши, который слишком много о себе возомнил.

Иоланта подошла к разожженному камину и протянула руку к огню:

— Холодает.

— Я слышал, ты сегодня отбил летающую черепицу, — сказал Уинтервейл с постели.

Иола пожала плечами:

— Уэст похвалил меня на поле для крикета. По пути домой я спас жизнь приятелю. Обычный день необычной жизни Арчера Фэрфакса.

Прежний Уинтервейл захохотал бы, а потом бы жаловался до конца дня, что пропустил такое потрясающее зрелище. Но новый — только улыбнулся уголком рта.

Иоланта заметила, что он выглядит изнуренным, прямо как принц порой. Подобную усталость сном не исправить.

Ее пронзило чувство вины. Больше всего на свете Иола завидовала Уинтервейлу, его силе, судьбе. Его нерушимым правам на Тита. А ведь как никто другой должна была понимать, через какие испытания бедняга прошел. Да еще и лишился подвижности.

И матери — по крайней мере, он так думал.

— Тебя очень угнетает отсутствие свободы передвижения?

Уинтервейл вздохнул:

— Так много планов, так много величия, а я даже пойти пописать сам не могу.

— Тебе хоть немного лучше с тех пор, как перестал все время спать?

— Иногда кажется, что да. Часто я в этом уверен. А потом встаю, и все повторяется.

— Тебе нельзя сдаваться. Планы и величие сами собой в жизнь не претворяются, знаешь ли.

Этот не слишком здоровый и донельзя серьезный Уинтервейл кивнул:

— Ты прав, Фэрфакс. Именно это мне и надо было услышать.

Непривычно здравомыслящий. Даже слишком. Возможно, устал, но без сомнения

собран и благоразумен. А теперь, после встречи с его матерью, можно было не сомневаться, что Уинтервейлу не почудилось и он на самом деле ее видел — скорее всего, на крыше на противоположной стороне улицы, откуда она пыталась заглянуть в комнату сына.

Так почему же измеритель здоровья оказался прав насчет проблем с крупной моторикой, но ошибся в оценке состояния разума?

Вбежали младшие ученики с тарелками с яичницей и сосисками. Потом зашел спокойный и чуточку мрачный Кашкари, и разговор переключился на темы, в основном никому не интересные.

Пустыня Сахара

Фэрфакс очнулась под звездным небом; в ушах свистел ветер.

Она двигалась. Привязанная к седлу на спине большого летающего скакуна. Кто-то обнимал ее сзади.

— Только что упала звезда, — сказал Тит.

Фэрфакс склонила голову ему на плечо:

— Ты видел метеорит?

— Я начинаю думать, что твой поклонник, возможно, не преувеличивал, а написал истинную правду: ты могла родиться во время метеоритного ливня и вызвать молнию в день вашего знакомства.

— Значит, он прощен за отвратительные словесные обороты только потому, что не приврал?

— Лишь в том, что касается магии стихий. А хныкать «ты моя надежда, моя молитва, моя судьба» по-прежнему вовсе не по-мужски.

— Позволь напомнить, что это единственно верный способ обращения к девушке, которой подвластны молнии. Чуть меньше почтения, и — пуф! — волосы в огне, а мозг превратился в кашу.

— Ладно, надежда моя — остального не дождешься, — мне надо кое-что тебе показать.

— Сэр, но мы же едва знакомы! — делано возмутилась Фэрфакс.

Тит тихо рассмеялся.

— Но ты обязана подержать его в руке и ощутить перемену, — уговаривал он нежным шепотом на ухо. — Я настаиваю и больше не могу ждать.

Она знала, что тема серьезная, но от его дыхания на коже и низкого тягучего голоса тело окутывал жар.

— Мне понравится?

— Пожалуй, лучше сразу извиниться за маленький размер. — И Тит сунул ей в руку что-то небольшое. Теплый кулон на холодной цепочке. — Помнишь, в первый день ты спросила, что такое холодное у меня под одеждой? Вот это.

Тогда он был ледяным, но все изменилось. Наверное, кулон — половина парочки тепловых поисковиков: их температура росла по мере приближения друг к другу. Прежде вторая половинка находилась где-то далеко, а теперь ее владелец совсем рядом.

— Попозже приземлимся, отложим кулон и, спрятавшись, посмотрим, кто за ним придет, — предложил Тит.

— И сколько у нас времени, пока этот маг не нашел нас первым?

Такой план лучше осуществлять в дневное время.

— Зависит от нашей относительной скорости. Просто следи за изменениями кулона.

Фэрфакс кивнула и убрала кулон в сумку.

— Тебе нужно узнать еще кое-что, — продолжил Тит, и по его тону сложно было понять, раздувает ли он из мухи слона или, наоборот, преуменьшает проблему.

— Опять поговорим о размерах?

— Да, о моем потрясающе огромном... ну, вернее, нашем... невезении: Лиходей в

Сахаре.

Фэрфакс содрогнулась:

— Он пришел за нами?

— Пока не доказано обратное, предположим, что да.

— И как ты об этом узнал?

Тит вкратце рассказал о следящих метках, которые нашел на виверне, об атлантйских войсках и о том, как на них напал кто-то еще.

— Зачарованные копия? — Фэрфакс разинула рот от удивления. — В каком веке мы живем?

— Это и правда походило на реконструкцию исторического сражения.

— Что за маги носят с собой сотни зачарованных копий?

— Не желающие, чтобы о них узнала Атлантида?

— И они нам помогают?

— Полагаю, это случайность. Трепать нервы Атлантиде, вероятно, цель всей их жизни.

Фэрфакс медленно кивнула, обдумывая услышанное:

— И это та же песчаная виверна?

— Да.

— Ты уверен, что снял все атлантйские метки?

— Трудно сказать. Но у нас целый час никаких проблем, и... — Тит посмотрел на свои часы и выругался.

— Что случилось?

— Судя по компасу в моих часах, мы летим не в том направлении. Я выстраивал скоростную трубу на юго-восток, но теперь мы движемся почти на север.

Скоростная труба — заклинание, которое используют, чтобы удерживать виверну на максимально прямой дороге во время быстрого полета. У дракона под такими чарами нет причин уклоняться от выбранного курса.

Тит зашептал, пытаясь восстановить трубу, но вместо этого виверна повернула на север, а затем и вовсе на северо-запад.

— Она несет нас на побережье Средиземного моря?

Он покрепче обнял Фэрфакс:

— Нет, думаю, на атлантйскую базу.

— Что?

— Эликсир возвращения.

В кавалерии и больших частных конюшнях животных зачастую с детства подпаивали эликсиром, чтобы они росли послушными и счастливыми. Также эти зелья (специально созданные для определенного ведомства) не позволяли зверю слишком удалиться от хозяев в случае потери или кражи — сутки без эликсира заставляли его машинально повернуть домой.

— Но я думала, эта виверна не местная и ее перевезли из центральной Азии. К тому же, какие там сутки? Едва ли прошло двенадцать часов.

— Атланты, наверное, распылили в воздухе эликсир, чтобы завести виверну и нас к ближайшей базе.

— Придется слезать. Сажай ее!

Тит снова выругался:

— Виверна отказывается следовать приказам, а до земли полверсты.

Фэрфакс сглотнула:

— А ты сможешь слепо перескочить вниз вместе со мной?

— Тебе еще слишком рано. Я не стану рисковать.

Она использовала чары дальновзоркости.

— Впереди бронированные колесницы!

— Вижу! И не хочу слышать твое самоотверженное предложение, мол, перескакивай один. Я не для того столько тебя тащил, чтобы теперь отдать Атлантиде.

Фэрфакс едва дышала.

— Так что нам делать?

— Мы спрыгнем.

— Что?

Тит уже расстегивал ее ремни.

— Если тебе удалось создать достаточно сильный воздушный поток, чтобы удержать тяжеловесную летающую виверну, то получится сотворить еще один и смягчить наше падение.

Он встал и помог Фэрфакс подняться на ноги. Она с трудом держалась под напором сильного ветра.

— Что, если у меня не получится?

— Получится, — отрезал Тит и взял ее за руку. — На счет три. Раз. Два. Три.

Они прыгнули и полетели к земле со скоростью десять ярдов в секунду.

Это свободное падение, казалось, приподняло сердце и легкие Тита, сжав их вполовину в верхней части грудной клетки. От хлещущего по лицу ветра глаза заслезились, но он не осмеливался зажмуриться.

Где же спасительный поток?

— Сделай что-нибудь! — закричал он.

— Заткнись! Я пытаюсь!

Они натыкались на маленькие воздушные карманы, которые никак не замедляли падение, а лишь сбивали с курса. Тит вращался, глядя попеременно то на звездное небо, то на черную пустыню.

Земля приближалась ужасно быстро. А они все кричали и кричали.

Англия

Сидя за столом в читальном зале, Иоланта рассматривала портрет молодой Пенелопы Рейнстоун, которая выглядела очень лихо, словно пиратка, с абордажной саблей в руке. Портрет обнаружился в еще одной статье о бале-маскараде в честь трехсотлетия со дня рождения Аргонина и лишней раз подтвердил, что генерал Рейнстоун действительно была частью дуэта, олицетворявшего цитату «Устрицы дают жемчуг, но только если у тебя есть нож и ты готов им пользоваться».

Разузнать подробности жизни генерала Рейнстоуна в юности было легче, чем выведать о ней что-нибудь в настоящем. Нынешняя Рейнстоун не попадала в новости и не провоцировала конфликты. Она никогда не выходила замуж и не имела детей — по крайней мере, об этом не существовало никаких официальных записей. И вне работы ничем не выделялась, предпочитая тихие вечера дома роскошным светским развлечениям Цитадели.

Подобная замкнутость могла быть следствием активной тайной жизни, и отсутствие семьи эту тайную жизнь только облегчало. А ведь различные признаки всегда указывали на то, что хранительница памяти удачно устроилась и приближена к верхушке власти. И все это несомненно можно сказать о генерале Рейнстоун.

— Покажите все, что есть о Пенелопе Рейнстоун и бароне или леди Уинтервейл, — попросила Иоланта у справочного стола.

В день, когда раскрылись ее силы, учитель Хейвуд засунул Иолу в сундук-портал. Ее перенесло в такой же сундук, расположенный на чердаке лондонской резиденции Уинтервейлов в изгнании. А значит, между ними и генералом должна быть какая-то связь.

Которую подтверждал портрет Рейнстоун, стоящей рядом с бароном Уинтервейлом, пока тот вручает ей награду как выдающейся выпускнице Военной академии имени Тита Великого.

Иоланта потеряла виски. Разумеется, все найденные кусочки информации полезны. Но ни один из них не вел ни к чему определенному.

— Никаких успехов? — спросил сидящий напротив принц.

Вернувшись после своего преследующего загадочные цели визита во Францию, он на протяжении последнего часа помогал ей с поисками.

Иоланта тяжело вздохнула:

— Так тяжело найти... — И умолкла. Лицо Тита озарилось возбуждением — он обнаружил нечто полезное. — Что там у тебя?

— Описывая второе видение о том, как я стою на балконе, мама упомянула о некой женщине по имени Эйрин, утратившей ее доверие, после того как прочитала без разрешения ее дневник.

Иоланта совсем смутно помнила, о чем речь. Она читала о тех видениях не в самом лучшем состоянии.

— Я только что попросил справочный стол показать какие-нибудь статьи, где одновременно упоминались бы генерал Рейнстоун и Эйрин, — пояснил Тит. — И обнаружил вот это.

«Вот этим» оказалось еще одно интервью юной Пенелопы из тех времен, когда ее

назвали выдающейся выпускницей офицерской школы, но на сей раз для студенческой газеты ее старой академии, расположенной в менее богатом районе Деламера.

Тит указал на конкретный абзац.

«В: У вас есть прозвище?»

О: *Некоторые друзья называют меня Эйрин, смеха ради. Эйрин — богиня мира, а я изучаю искусство войны».*

Иоланта почувствовала покалывание в кончиках пальцев. Насколько она помнила, в первый раз видение пришло к принцессе Ариадне в день рождения принца, а во второй — всего за несколько часов до появления на свет Иоланты.

— Ты помнишь, что твоя мама делала во время второго видения?

— Да, — ответил Тит. — Она присутствовала при чьих-то родах.

При родах Эйрин. И та прочла дневник, то самое видение, которое, вероятно, не имело никакого смысла для принцессы, но в котором Эйрин узнала себя и своего ребенка, из-за чего и пошла на крайние меры, лишь бы убедиться, что Атлантида никогда не найдет ее дитя.

А Эйрин — это генерал Рейнстоун.

— Я проверил, — добавил Тит. — В то время Пенелопа Рейнстоун служила в личной гвардии моей матери, но через несколько недель ее перевели в Генеральный штаб Цитадели: она утратила мамино доверие.

Странно, но слышать подобное о ней было досадно. Наверное, потому, что Иоланта по-прежнему не могла до конца соотнести генерала с вероломной хранительницей памяти.

— У генерала нет детей. Ей бы пришлось таиться на протяжении всего срока беременности. И если она выдала своего ребенка за Иоланту Сибурн, то что сделала с ребенком Сибурнов, настоящей Иолантой?

— Раньше уже случалось, что женщина скрывала ото всех свою беременность. И она могла найти для малышки приемных родителей.

Настоящая Иоланта Сибурн родилась в Королевской больнице имени Гесперии в конце сентября, за два с половиной месяца до положенного срока. Она оставалась в больнице несколько недель, озабоченные родители навещали дочурку ежедневно и сидели возле нее столько, сколько могли.

После одного из таких визитов, возвращаясь домой в одолженной колеснице, они столкнулись в воздухе с гораздо бóльшим экипажем, набитым пьяными туристами. По словам учителя Хейвуда, Джейсон и Дельфина Сибурны умерли мгновенно.

В роковую ночь метеоритного ливня настоящей Иоланте Сибурн было шесть недель от роду, но она вполне сошла бы за новорожденную. И произошла подмена. Она исчезла... куда-то. А учитель Хейвуд воспитал ребенка генерала Рейнстоун как Иоланту Сибурн.

Тит снова подошел к справочному столу.

— Что ты ищешь?

— Записи Королевской больницы того времени. — Он просматривал различные журналы. — Ни слова о родах Рейнстоун. Однако кто-то оплатил лучшую родильную палату и потребовал полнейшей анонимности. Эта роженица даже не воспользовалась услугами больничного персонала. Но глянь-ка: через полчаса после рождения ребенка забрали в детскую и вернули матери лишь несколько часов спустя, на рассвете.

Когда девочку принесли обратно, это уже был другой младенец.

— А твой опекун приходил в больницу в то же время.

Тит подтолкнул толстый журнал записи посетителей к Иоланте. Она начала листать страницы; шелест отдавался в ушах неестественным грохотом.

Впервые учитель Хейвуд посетил детское отделение в сентябре, вскоре после того как родилась настоящая Иоланта Сибурн. В последующие дни он часто приходил, всегда указывая в качестве причины визита: «Подменить родителей, чтобы они смогли немного отдохнуть». После смерти Сибурнов он по-прежнему приходил несколько раз в неделю, чтобы «навестить осиротевшую дочь друзей».

В какой момент он начал действовать сообща с Пенелопой Рейнстоун, чтобы устроить подмену? С Пенелопой Рейнстоун, которая узнала, что случится с ее ребенком, потому как сунула нос в дневник видений принцессы Ариадны. Упомянул ли он мимоходом о том, что в больнице есть девочка-сирота, которую как раз собирались вверить заботам пожилого родственника, прежде никогда ее не видевшего? Не это ли стало источником вдохновения?

В последний раз учитель Хейвуд посетил больницу в ночь метеоритного ливня. Он отметил на входе в семь вечера и расписался об уходе часом позже. Однако рядом кто-то из персонала больницы добавил примечание, мол, в полчетвертого утра Хейвуда обнаружила охрана и выпроводила из здания.

Но времени на подмену у него было предостаточно.

— Я хочу поговорить с леди Уинтервейл, — сказала Иоланта.

Когда она появилась на чердаке лондонского дома Уинтервейлов, мать Ли чуть ее не убила. И не из-за того, что посчитала Иоланту злоумышленницей, вторгшейся в чужой дом, а потому что возложила на нее ответственность за потерю каким-то человеком чести.

Иоланта сбежала в полной уверенности, что женщина совершенно безумна. Но теперь, зная, что она по большей части пребывает в здравом уме, а приступами страдает лишь изредка, Иола увидела слова леди Уинтервейл в другом свете.

— Неплохая идея — она может знать больше, чем мы думали, — согласился Тит. — Я пойду с тобой.

Пять минут спустя они стояли в гостиной Виндзорского замка, куда ранее леди Уинтервейл перенесла Иоланту.

— *Toujours fier*, — произнесла Иола.

Долго ждать не пришлось — двери открылись, в гостиную вошла леди Уинтервейл и, заметив принца, склонила голову.

— Присаживайтесь, миледи, — предложил Тит.

— Благодарю, ваше высочество. Мне позвонить, чтобы принесли чай?

— Нет необходимости. Но мы будем рады, если вы сможете ответить на несколько вопросов моей подруги.

— Разумеется, ваше высочество.

— Не могли бы вы рассказать, миледи, — начала Иоланта, — почему я переместилась в ваш дом, когда покинула Державу?

— Ты незаконнорожденная дочь моего покойного мужа, — спокойно пояснила леди Уинтервейл, — и он пообещал по мере необходимости защищать тебя и заботиться о тебе.

В голове Иоланты загудело, словно после удара гонга. Тит выглядел почти ошарашенным.

Иола несколько раз открыла и закрыла рот, прежде чем смогла выдать хотя бы звук.

— Я дочь барона Уинтервейла?

— Да.

«На смертном одре он попросил меня поклясться на крови, что я буду защищать тебя, словно дитя родное», — однажды сказала ей леди Уинтервейл. Стоило еще тогда догадаться. Ради кого еще мужчина просил бы о подобном, если не ради своей плоти и крови?

— И... — Собственный голос будто эхом отражался в голове Иоланты. — И вы также знаете, кто моя мать?

— Конечно же. Но я не произнесу имя этой женщины.

— Так... у них был роман?

Едва вопрос сорвался с губ, ей захотелось себя стукнуть. Само собой, у них был роман.

— Да, многолетний роман. Он продолжился, даже когда мой муж оказался в изгнании — они обычно встречались в «Кларидже», в Лондоне.

— А она изгнанница?

Это означало бы, что хранительница памяти — другая женщина, не генерал Рейнстоун.

— Нет, она слишком умна, чтобы участвовать в восстании. Когда Атлантида ограничила все мгновенные способы путешествий, она ухитрилась оставить несколько лазеек исключительно для себя.

«Ради тебя он потерял свою честь! — однажды бросила Иоланте леди Уинтервейл. — Ради тебя он уничтожил всех нас!»

— Вы поэтому сказали, что из-за меня он утратил честь?

Леди Уинтервейл вздернула подбородок на долю дюйма. И внезапно вместо осунувшейся изгнанницы перед ними предстала могущественная чародейка, исполненная чувства собственного достоинства.

— Я вышла замуж, прекрасно сознавая, что он никогда не будет хранить верность одной женщине. Но в то время я полагала, что на нем стоит печать величия, и гордилась статусом его жены. Увы, я ошибалась. В конце Январского восстания, когда исход стал очевидным, баронесса Соррен имела мужество поступить согласно своим убеждениям и, не дрогнув, пойти на казнь, но он не мог смириться с мыслью о расставании с жизнью. Все убеждал себя, дескать, должен жить, потому что ты, его дочь, когда-нибудь станешь величайшим стихийным магом на земле, и тебя следует защищать от сил Атлантиды. Хотя я никогда не понимала, с какой стати Атлантида должна тобой заинтересоваться. Видишь ли, он проснулся после пригрезившегося кошмара, в ужасе вопя об ангельской каре. Признания сыпались с его уст. Но спустя какое-то время я перестала обращать внимание на его слова, поскольку наконец осознала услышанное: в обмен на собственную жизнь он отдал Атлантиде мою кузину.

Тит вскочил, лицо его стало мертвенно-бледным. Понимание поразило Иоланту, словно крикетная бита в висок: упомянутая кузина была никем иным, как принцессой Ариадной, матерью Тита. А барон Уинтервейл, герой восстания, оказался тем, кто ее предал.

— Почему вы никогда мне об этом не рассказывали? — хрипло спросил принц.

— Я хранила эту тайну ради Лиандра. Не хотела, чтобы Ли узнал о вероломной трусости отца. — Леди Уинтервейл чуть растянула губы в странной пустой улыбке. — Но не бойтесь, ваше высочество. Я отомстила за вашу матушку.

Тит покачал головой:

— Атлантида наслала на него заклинание казни.

— Нет, ваше высочество, это была я. Я не могла позволить ему жить после содеянного. Он не пытался меня остановить, лишь попросил поклясться на крови, что позабочусь о его дочери как о своей собственной. Я не сделала ничего подобного — просто прикончила

его. — Леди Уинтервейл сжала и разжала кулаки. — Убийство меняет человека. Я всегда была спокойной, хладнокровной, уравновешенной. Но после того дня, иногда я... я... — Она скованно поднялась с кресла. — Надеюсь, мои ответы вас удовлетворили, сир.

Подбородок Тита дрогнул.

— Благодарю, миледи. Не хотите ли передать что-нибудь сыну? Он будет несказанно рад узнать, что вы в безопасности и комфорте.

— Нет, — твердо отказалась она. — Он не должен знать, что я здесь.

— Но он стал гораздо молчаливее. Не правда ли, принц? — заметила Иоланта. — Сомневаюсь, что...

— Юная леди, позвольте мне решать, как лучше поступать в данной ситуации, — отрезала леди Уинтервейл. И снова поклонилась Титу: — Ваше высочество.

После того, как дверь за ней закрылась, ни Тит, ни Иоланта целую минуту не произносили ни слова. А потом почти одновременно повернулись друг к другу и крепко обнялись. Иоланта не была до конца уверена, то ли он ее успокаивает, то ли наоборот. Скорее всего, и то, и другое.

— Ты как? — спросила она.

— В порядке, — отозвался Тит, опустив голову ей на плечо. — Странно, правда? Я всегда хотел отомстить за маму. Но теперь, когда оказалось, что она уже отомщена, хочу, чтобы это произошло не ценою жизни отца Уинтервейла... и твоего.

— И навсегда уничтоженного душевного покоя леди Уинтервейл. — Иола вздохнула. — Не думаю, что когда-нибудь смогу воспринимать барона Уинтервейла отцом.

— Должно стать легче, когда вновь появятся подавленные воспоминания.

Она немного помолчала.

— Тебя не беспокоит, что мой отец повинен в смерти твоей матери?

Тит покачал головой:

— Я внук человека, который убил свою дочь, и ни за что не стану судить кого-либо на основании кровного родства. Кроме того...

Он затих.

— Что ты хотел сказать?

Иоланта пробежалась пальцами по волосам Тита.

Он глубоко вздохнул:

— Я давно подозреваю, что мой отец — сихар.

Она застыла:

— Ты уверен?

— Не на сто процентов. Но всевозможные охотники за сплетнями и писаки, ведущие репортерские расследования, ни к чему не пришли, несмотря на имеющиеся в их распоряжении ресурсы и обещания огромного вознаграждения — всем ведь хотелось знать личность мужчины, ставшего отцом следующего наследника престола. Потому я заподозрил, что и тут приложил руку дед. Дом Элберона давно утратил былое величие, но в Державе это по-прежнему сила, с которой необходимо считаться. И если дед хотел добиться молчания свидетелей, у него имелись свои методы. Граждане Державы любят щеголять численностью и относительно безопасной жизнью сихаров как символом своих просвещенных взглядов. Но правда в том, что сихары — такие же парии в Державе, как и везде. И дед никогда бы не позволил появиться даже тени намека на то, что его дочь и его наследник как-то связаны с сихаром.

В учебниках Иоланты усиленно подчеркивалось, что кровная магия, на которой специализировались сихары, не является жертвенной — и что сихары несправедливо подвергались остракизму на протяжении всей истории, становясь удобным козлом отпущения всякий раз, как дела шли не так и магам хотелось ткнуть пальцем в того, кто навлек на себя гнев ангелов.

Несмотря на настойчивые официальные требования, сихары по-прежнему оставались чужими. Все беженцы из франкских, субконтинентальных и субэкваториальных королевств ассимилировались — Иола ходила в школу и дружила с их детьми. И пусть она останавливалась послушать сихарских уличных музыкантов, покупала пирожные с кремом в сихарских кондитерских и однажды, когда еще жила в Деламере, видела сихарское шествие на Дворцовом проспекте в честь летнего солнцестояния (торжества, которое знаменует приход их нового года и дней трепета), но никогда не гостила в домах сихаров, ни разу не встречала сихара в школе и не помнила, чтобы у учителя Хейвуда когда-нибудь был хоть один коллега-сихар. По крайней мере, хоть один, готовый в этом признаться.

До правителя Державы.

Иоланта обхватила его лицо ладонями:

— Ты — это по-прежнему ты. Ничего не изменилось.

Мгновение Тит пристально вглядывался в ее глаза.

— То же касается и тебя, не забывай. Для меня ты есть... и всегда будешь всем, ради чего стоит жить.

«А для меня ты есть и всегда будешь всем, ради чего стоит сражаться».

Иоланта не произнесла ни слова, просто притянула его ближе и поцеловала.

* * *

Уинтервейл, как обычно, лежал на кровати, опершись на гору подушек. Он поприветствовал вошедшую Иоланту слабой улыбкой:

— Фэрфакс, старина, пришел навестить пациента? А где его высочество?

— Возможно, в ванне, отскребает свою принцеву шкуру.

Или, что вернее, в Париже, занимается своими таинственными делами, которые, как она подозревала, как-то связаны с состоянием кузена. Париж служил пристанищем для одной из самых больших общин изгнанников в мире. Численность магов в городе превышала народонаселение некоторых маленьких королевств. И Иола слышала много хорошего о славе тамошних магов-врачей.

— Как ты?

Уинтервейл пожал плечами:

— Могло быть и хуже, наверное, но я бы никому такого не пожелал.

Рядом с ним на кровати лежало несколько книг, и их вид сильно ее опечалил: Уинтервейл предпочитал активную деятельность, а отнюдь не ту, что требовала усидчивости.

— Есть интересные книги?

Он снова пожал плечами:

— Они помогают убивать время.

Кожа его побледнела из-за постоянного пребывания в доме. А еще Уинтервейл располнел — из-за нехватки тренировок, да и просто движения, его большое атлетичное

тело начало терять мускулатуру.

— Будь я более умелым картежником, сыграл бы с тобой — вот только, кажется, карты тебя тоже не слишком интересуют.

— Да, никогда не видел в них смысла, — согласился Уинтервейл, постукивая пальцами по обложке толстой книжки в красном кожаном переплете.

Иола изучала его лицо. Есть ли между ними хоть какое-то сходство? Ведь если матушка Ли права, он ее единокровный брат. Но как ни старалась, Иоланта не находила в нем ни единой собственной черты.

Капля крови Уинтервейла — вот что ей нужно. Капля его крови, капля ее крови — и Тит сможет сказать, действительно ли между ними есть родственная связь.

Но нельзя просто так подойти к магу и попросить порезать палец. Предрассудки по поводу кровной магии глубоко укоренились, и большинство магов берегли свою кровь не меньше своей жизни.

— Думаешь, тебе удастся попросить Тита проводить меня сегодня вниз на ужин? — спросил Уинтервейл.

От печали в его голосе в груди заворочалась вина: если бы не Иоланта, он, скорее всего, получил бы полное и нераздельное внимание Тита.

— Если увижу его перед ужином, передам.

— Интересно, почему Тит все время так занят? — пробормотал Уинтервейл.

«Нет», — подумала Иола. Она не видела в нем брата. По крайней мере, пока. Возможно, когда-нибудь, если они смогут объединить усилия на пути к общей цели...

Открылась дверь, и в комнату вошел Кашкари.

— Фэрфакс, — немного удивленно сказал он. — Ты отведешь Уинтервейла на ужин?

— Отвел бы, если бы он захотел. Но, похоже, Уинтервейл жаждет, чтобы это сделал принц — как желал бы любой здравомыслящий человек. — Иола проскользнула мимо индийца. — Пойду найду тебе твоего принца, Уинтервейл.

* * *

Посреди ночи Тит неожиданно подскочил в кровати.

Он лежал, забывшись в полудреме, но теперь не мог припомнить, что заставило его проснуться. Встав попить воды, он со стаканом в руке подошел к окну и выглянул из-за занавески.

И впервые увидел наблюдателей, о существовании которых подозревала Фэрфакс: трое одетых в немагическую одежду мужчин сгрудились, не отрывая пристальных взглядов от дома миссис Долиш.

Тит отвернулся от окна и тут вспомнил о мысли, ставшей причиной пробуждения: дело было в видении его матери о смерти барона Уинтервейла.

И ее неправильном толковании этого видения.

Большей частью принцесса Ариадна не выдвигала предположений о значении своих пророчеств, уверенная, что продолжительное и подробно описанное видение лучше всего говорит само за себя. Однако, узрев смерть барона, принцесса тут же заключила, что это сделано по приказу Атлантиды, так и не заподозрив в убийстве его горюющую жену — искусную и могущественную чародейку.

И если принцесса Ариадна ошиблась однажды, не могла ли она допустить оплошность

еще где-нибудь? В видении, имевшем гораздо большее влияние на жизнь Тита?

* * *

Иоланта захотела посетить «Кларидж» в тот же день, как они встретились с леди Уинтервейл. Просто проверить, вдруг хранительница памяти до сих пор пользуется этим отелем. Но Тит убедил ее подождать, пока Далберт проверит расписание генерала Рейнстоун, чтобы выбрать время, когда та будет занята в другом месте.

Возможность представилась несколько дней спустя: ожидалось, что генерал весь день посвятит вручению наград в своей альма-матер, занятия в Итоне закончились рано, и Иоле не надо было идти ни на какую тренировку.

«Кларидж», большой отель, расположенный в лондонском Мейфэре, излучал респектабельность и выглядел очень по-английски. Пока принц разведывал обстановку внутри — он по-прежнему крайне неохотно шел на то, чтобы ее увидели где-нибудь помимо школы, — Иоланта поджидала на углу возле газетного киоска, делая вид, будто рассматривает витрину.

День выдался холодным и хмурым. Сероватые листья, оставшиеся на деревьях, тряслись и подрагивали на ветру. Трио уличных музыкантов на другой стороне перекрестка играло на скрипках неуместно веселую мелодию. Прохожие, почти все в черных или коричневых пальто, сновали туда-сюда, едва ли обращая внимание на театральные афиши, которые двое мальчишек приклеивали на фонарный столб, и мужчину, таскавшего на себе двойной рекламный щит, что восхвалял «Чудотворный тоник для похудения миссис Йоханссон».

Некоторое время спустя рядом с Иолантой появился принц.

— Я нашел номер, в котором не могу продвинуться никуда дальше прихожей.

У нее начало покалывать ступни ног. Иола заплатила владельцу киоска за карту Лондона и сунула ее в карман пальто.

— Тогда пошли.

— Позволь мне отправиться первым. Убедиться, что там безопасно, — попросил Тит, как только они отошли достаточно далеко от газетчика, чтобы он их не услышал.

— Я хочу пойти с тобой. — Хранительнице памяти пришлось многое преодолеть, скрываясь от Атлантиды, так что с ее стороны Иоланте вряд ли грозила опасность. Да и в любом случае, если Далберт не ошибся, генерал Рейнстоун весь день занята. — Твоя безопасность не менее важна, чем моя — не уверена, что без тебя Уинтервейл выстоит против Атлантиды хотя бы пять минут.

— Ну хорошо, — уступил принц. — Но не опускай свой щит.

Из пустого переулочка поблизости они перескочили в прихожую отельного номера. Стены маленькой комнатки были обклеены кармазинными обоями — Иоланта припомнила, как кто-то (возможно, Купер) рассказывал ей, будто в Лондоне нет никакого смысла выбирать для внутренней отделки стен какие-то иные цвета, кроме темных. Мол, воздух там такой грязный, что можно ручаться — через пару лет, несмотря ни на что, стены все равно потемнеют.

Тит принялся за работу, уничтожая охранные чары. Иоланта помочь не могла, ибо недостаточно знала о таких методах, так что решила не путаться под ногами и осталась в углу, пытаясь дышать медленно и ровно. Чтобы не распалиться и не дать надеждам вырваться из-под...

За дверью раздались шаги.

Тит отпрыгнул назад и поднял щиты. Иоланта достала запасную палочку и направила ее на вход. Страх и головокружение сменяли друг друга, ускоряя пульс.

Шаги затихли. Повернулась ручка, и дверь, скрипнув, медленно отворилась, явив взгляду знакомое лицо учителя Хейвуда.

Он коротко остриг волосы и отрастил потешные усы, но это, вне всяких сомнений, был учитель.

Это был он.

И тут Иоланта почти перестала видеть опекуна из-за слез, набежавших на глаза. Она бросилась вперед:

— Простите меня! Простите, что так долго вас искала.

Хейвуд крепко ее обнял.

— Иола! Да хранит меня Фортуна, это *и правда* ты. Я думал, что никогда уже тебя не увижу, — пораженно выдавил он.

Слезы градом катились по щекам. Может, барон Уинтервейл и положил биологическое начало ее существованию, но настоящим отцом Иоланты был Хейвуд. Именно он сидел у ее постели, когда она болела, проверял ее домашние задания и летними днями водил ее к миссис Хиндерстоун за дынанасовым мороженым, а потом в зоопарк — посмотреть на драконов и единорогов.

— Я так рад, что ты в безопасности, — хрипло сказал он. — Очень-очень рад.

И только теперь поднял глаза и заметил, что Иола не одна. Он отпустил ее и поспешно поклонился правителю Державы:

— Ваше высочество.

— Учитель Хейвуд, — поприветствовал Тит. — С вашего позволения, я бы хотел поискать помещение для переместителей.

— Разумеется, сир. Мне позвонить, чтобы принесли чай, сир?

— Нет, не надо. Не обращайтесь на меня внимания.

Тит ушел вглубь номера. Учитель Хейвуд еще мгновение изумленно смотрел ему вслед, а затем повернулся к Иоланте и потянул ее в гостиную:

— Так все это время ты была в немагической школе, в которую меня привозили, в школе принца?

— Да, да, и я все вам расскажу, — выпалила Иоланта. — Но сначала объясните, как вы исчезли из Цитадели в ту ночь?

— Хотел бы я лучше понимать, что там произошло. Весь вечер атлантские охранники вокруг меня перешептывались о лорде главнокомандующем. Я очень испугался, подумав, что Лиходей может допросить меня лично. Я пробыл в Цитадели почти час, прежде чем меня препроводили в библиотеку. Аж колени дрожали от страха. Я ног не чувствовал. А в следующее мгновение очутился в этом номере отеля, и в записке на столе мне приказали никогда не покидать пределы номера, если не хочу оказаться в Инквизитории. С тех пор я тут и живу.

— Вы действительно ни разу отсюда не выходили?

Гостиная с такими же кармазинными стенами оказалась немаленькой. Как и спальня, видневшаяся за открытой дверью. И все же не покидать столь ограниченное пространство целых четыре месяца...

— В сравнении с Инквизиторием, это рай. Полно места, чтобы вытянуть ноги, никаких

допросов, и сюда приносят все немагические книги и газеты, какие я только попрошу. За исключением отсутствия новостей о тебе, мне действительно не на что жаловаться.

При воспоминании о его крошечной камере в Инквизитории сердце Иолы сжалось от боли.

— Но если захотите, вы сможете отсюда уйти?

Хейвуд побледнел:

— Я... я не хочу. Снаружи слишком опасно. Здесь, внутри, мне гораздо лучше.

— Но если вы уйдете, то никто не будет знать, где вы. Вы станете совсем неприметным, и это защитит лучше любых охранных чар.

— Нет-нет. Совершенно исключено. — Учитель вцепился в спинку стула. — Ты вызвала молнию из-за того, что я уничтожил эликсир света, и теперь никогда не будешь в безопасности. Оставаясь здесь, я хотя бы не причиню тебе еще больший вред.

Убежденность в его голосе озадачила Иоланту. Может, это еще один симптом урона, нанесенного заклинаниями памяти?

— Судя по услышанному, Фэрфакс, я бы сказал, что твоего опекуна поместили в круг страха, — заметил вышедший из спальни Тит.

— Что это? — Иоланта никогда с подобным не сталкивалась.

— Старинное заклятие из той эпохи, когда войны были более личным делом. Если получится заманить врагов в круг страха, можно, в сущности, заморить их до смерти внутри круга.

Иоланта покосилась на учителя, который пытался осознать, что, оказывается, все это время страшился самого страха. Затем обернулась к принцу:

— Ты нашел какие-нибудь порталы?

— Два в больших шкафах и один в ванной; я установил сигналы тревоги, на случай если...

Тит изменился в лице. Взяв Иоланту за руку, он затащил их обоих под прикрытие тяжелых синих портьер.

Она украдкой выглянула наружу. Учитель Хейвуд как раз повернулся к открытой двери спальни. На мгновение у порога мелькнул уголок чего-то, похожего на коричневый плащ — кто-то затаился за стеной, выжидая и изучая обстановку в гостиной.

Принц тихо отворил остекленную дверь, ведущую на узкий балкончик. Иоланта заставила воздух оставаться неподвижным, чтобы портьеры не задрожали от ворвавшегося ветерка. Тит исчез с балкона. А несколько секунд спустя снова появился, слегка ошеломленный:

— Она здесь. Я наложил на нее заклинание заморозки времени из-за окна в спальне — но пробраться внутрь с той стороны так и не смог, ведь оно по-прежнему под действием охранных чар.

— Ты имеешь в виду генерала Рейнстоун? — Голос Иоланты походил на писк.

— Иди и посмотри. Теперь она никому не сможет навредить.

Заморозка времени длилась самое большее три минуты. Иоланта вбежала в спальню... И пораженно отшатнувшись, чуть не упала, продолжая вглядываться в прекрасное лицо леди Калисты.

Пустыня Сахара

Перед глазами, прочерчивая яркие холодные линии, мелькали звезды. Кувыркаясь в воздухе, Тит почувствовал, что ладонь Фэрфакс вот-вот выскользнет, и невольно сжал ее сильнее.

А в следующее мгновение понял: они падают уже не так быстро. Он-то думал, что если Фэрфакс и удастся их спасти, то трепки мощным встречным потоком воздуха все равно не избежать. Но она призвала не один поток, а множество, которые аккуратно, даже нежно, окутали их и замедляли постепенно, не пытаясь сразу остановить.

По мере снижения они теряли скорость, перед самой землей уже довольно резко. И рухнув лицом вниз на холодный твердый песок, Тит ударился, как если бы спрыгнул с крыши сарая, а не с высоты драконьего полета.

Он поднялся на колени и засмеялся. Как замечательно чувствовать себя живым!

— У тебя получилось! Да хранит нас Фортуна, ты действительно смогла!

Фэрфакс, тоже на коленях, схватилась за грудь:

— У меня сейчас сердце взорвется! Вырвется из груди и расплещет кровь на версты вокруг!

— Мы живы. Живы! Ты была великолепна.

— Великолепна, чтоб тебя! Не тебе пришлось спасать нас, когда мы падали, дурак хренов! Под конец мы летели вниз со скоростью сотни три верст в час. Как можно ждать, что получится затормозить только с помощью воздуха? Какой идиот будет на это надеяться? Не помирай я со страху, померла бы со стыда! — Она распалялась все сильнее: — Самое необдуманное, тупое, самое бестолковое, самое...

Слов не хватило, и в ход пошел кулак: Фэрфакс сбила Тита с ног ударом в солнечное сплетение.

Поделом ему; не надо злить стихийного мага, которого с детства специально учили выплескивать эмоции в драке.

Однако он только рассмеялся снова, чувствуя головокружительную радость, что цел. Его веселье рассердило Фэрфакс еще больше: она вскочила на него, схватила за воротник и занесла было кулак. Но Тит рывком дернул ее на себя вниз и поцеловал. Она вздрогнула.

Он приподнял ее голову и повторил:

— Ты была великолепна!

Она пыхла, словно после гонки. Провела пальцем по его нижней губе. Другой ладонью сжала его предплечье. Сердце Тита, и до того частившее, заколотилось совсем бешено. И запустив руки ей в волосы, он притянул Фэрфакс поближе и поцеловал снова.

— Бронированные колесницы придут сюда через три, две, одну... — пробормотала она, с трудом переводя дыхание.

Бронированные колесницы по расписанию не прибыли.

— Надо же, какая досада, — сказала Фэрфакс. — Стоило подумать, что мои поцелуи в сила сообщать Атлантиде о моем присутствии в любом месте мира.

— Я уже готов сочинять в твою честь очень плохие стихи. Годится как свидетельство силы твоих поцелуев?

— Насколько плохие?

— Красоте придется рифмоваться с судьбой.

Она рассмеялась и поднялась на ноги:

— Должна признать, это достаточно чудовищно. Вставь их в рамочку, прежде чем подарить.

Тит принял протянутую руку и тоже встал:

— В рамочку? Да я прикажу их выбить на пятидесятитонной глыбе, которую даже тебе тяжело будет сдвинуть.

— М-м-м, я могла бы построить на ней дом и назвать его «Вирши-хаус».

Плечом к плечу, держась за руки, они оглядели небо.

— А вот и они, — заметил Тит. — Представляешь, они тащат с собой нашу песчаную виверну, чтобы вынюхивать нас, если спрячемся под землей или в дюнах.

Что в любом случае плохая идея. Если Фэрфакс опять заснет, они застрянут в камне. Или окажутся погребены под горой песка.

— Как думаешь, Лиходей с ними?

— Очень надеюсь, что...

Уловив что-то боковым зрением, Тит развернулся на запад; Фэрфакс сделала то же самое почти в унисон. Кто-то несся к ним на ковре-самолете.

Оба вынули палочки, но ковер внезапно и резко остановился.

— Вы что, не видите, что приближается? — заорали сверху. — Чего стоите? Полетели!

Тит и Фэрфакс переглянулись. В темноте не видно было, кто там; судя по голосу, молодой человек.

— Нам не на чем, а перескакивать ей нельзя, — сказал Тит.

— А что случилось с ковром, который я вам дал? — изумленным тоном спросил прилетевший. Затем прыгнул вниз и подошел к ним: — Фэрфакс, можешь обеспечить искорку-другую?

Фэрфакс так поразило это обращение по имени, что она чуть не забыла выполнить просьбу. Но потом опомнилась и вызвала крохотный огонек, который осветил стройного красивого юношу в бедуинских одеждах, по виду их ровесника.

Он резко и сильно дернул за внешний слой сумки, висевшей на Фэрафкс, заставив ее ахнуть. Обнаружилось, что это не часть собственно сумки, а внешняя оболочка с карманами. Оболочка из куска тонкой ткани, плотно сложенной таким образом, чтобы оборачиваться вокруг без зазоров.

Когда ее как следует встряхнули, она полностью развернулась, а когда прошептали пароль — поднялась над землей. И оказалась готовым к полету ковром-самолетом.

Пораженные, Тит и Фэрфакс переглянулись еще раз.

— Быстрее! — Их подтолкнули к коврику. — Да что это с вами? Полетели!

Англия

— Я не понимаю, — растерялась Иоланта. — Она-то что здесь делает? Неужели хранительницей памяти была леди Калиста?

— Быстрее, — сказал принц. — Мне нужна ваша помощь с куполом заключения.

Предназначенным для защиты не мага в нем от внешних сил, а наоборот, находящихся снаружи от того, кто внутри.

Едва они успели закончить купол, как заклинание остановки времени истощилось. Леди Калиста заморгала, обнаружив, что окружена.

— Кажется, моя тайна раскрыта, — беззаботным тоном произнесла она, но при этом сжала руку на инкрустированной палочке, похожей на ту, что принадлежала Иоланте.

Значит, это леди Калиста рожала в ночь метеоритного дождя. Леди Калиста была любовницей барона Уинтервейла. Леди Калиста — последняя, кто входил в библиотеку Цитадели перед учителем Хейвудом — разложила вершины скачкозамениителя, который его перенес.

— Невозможно, — услышала свой голос Иоланта. — Только не вы, вы все это время нам лишь вредили.

— Если ты о том, что в день, когда ты вызвала молнию, я прицепила на рукав принца следящую метку, то таков был приказ Атлантиды. Я понятия не имела, что это может привести их к тебе, пока сама не прибыла на место и не увидела агентов, пытающихся снять заклинания против вторжения, которыми его высочество окружил номер.

— Вы были там?

— Конечно, ведь я сделала твою палочку заодно и следилкой. Нужно было забрать тебя в тот же день и давным-давно покончить с этой ерундой.

Но такой возможности ей не дали. Тит и Иоланта скрылись в лаборатории, с тех пор палочка хранилась там — в свернутом пространстве, не дающем определить местоположение, — и след Иолы прервался.

— Я вам не верю, — сказал Тит. — Вы дали мне сыворотку правды на своем весеннем приеме, прямо перед допросом. Чего вы надеялись добиться? Чтобы инквизитор как можно скорее узнала, где ваша дочь?

— В этом вините лишь себя, ваше высочество, — парировала леди Калиста. — Да, я заставила Арамию подсунуть вам сыворотку правды — инквизитор ясно дала понять, что этого не избежать. Но она не знала, что я заменила обычную сыворотку на зелье отложенного действия.

Тит недоверчиво прищурился.

— Вы должны были поговорить с инквизитором сразу, как она появилась, — недовольно продолжала леди Калиста. — Увидев напиток в вашей руке, естественно полагать, что сыворотка уже у вас в крови. Однако действие ее началось только час спустя — к тому времени вы должны были уже закончить и ничего бы с вами не сделалось. А тогда вас могла бы расспросить уже я и выяснить, где находится моя дочь. Но вы же отказались беседовать в Цитадели! Вместо этого, несмотря на всеобщие возражения, вы отправились в Инквизиторий. И допрос начался уже после того, как сыворотка подействовала.

По мнению Иоланты, кое-что все же не сходилось.

— Вы были в Итоне четвертого июня. Инквизитор могла схватить меня. Вы же просто сидели там и ничего не предпринимали.

— А что я могла сделать? Я сидела там, как ты и сказала. Пришлось подавить воспоминания, чтобы не выдать себя. И разве я не рискнула всем, чтобы в ту ночь вытащить его из Цитадели? — Последнее было произнесено в направлении остолбеневшего учителя Хейвуда.

— Только потому, что опасность разоблачения угрожала вам самой, — сердито возразила Иоланта. — Вы испугались, что окажетесь в беде, если инквизитор сможет увидеть спрятанное за заклинаниями памяти. Если бы вы хоть сколько-нибудь беспокоились об учителе, не прятали бы его воспоминания так, что он совсем не имел к ним доступа.

Взгляд леди Калисты стал сердитым.

— Иногда приходится принимать трудные решения. Ты слишком юна и не знаешь мужчин. Когда они желают тебя, обещают и готовы сделать что угодно, но постоянства ждать от них не стоит. Как я могла быть уверена, что, помня все, он не выдаст мой секрет и продолжит так же охранять тебя?

Руки Иоланты сами сжались в кулаки.

— Вот как вы обращаетесь с теми, кто любит вас, кто ради любви к вам пожертвовал всем на свете?!

— Да. Потому что он, — леди Калиста ткнула пальцем в сторону Хейвуда, — любит не меня. Он любит плод собственного воображения. Я-настоящая использую людей, а потом отбрасываю их за ненадобностью без всяких сожалений. Разве такую он любит?

Слов в ответ не нашлось, но ей они и не требовались — гроза бушевала все сильнее.

— Ты, неблагодарная девчонка! Да понимаешь ли ты, сколь трудно, сколь ужасно было понять, как же сделать все то, о необходимости чего я рассказала Хейвуду в видении будущего?

Раздался глухой стук. Принц раскрыл ладонь, и в нее вернулась упавшая на пол палочка. Иоланта глядела на него во все глаза: уронить палочку для Тита было так же невероятно, как потерять дневник матери.

— И ради чего? — продолжала возмущаться леди Калиста. — Я от тебя ни разу «спасибо» не услышала! Только и ноешь, что я не помогаю твоему драгоценному учителю Хейвуду.

Спорить с самооправданием таких масштабов бесполезно, Иоланта не стала и пробовать.

— Разбейте круг страха. Вы отпустите его, мы отпустим вас. Справедливый обмен.

— Ни за что. Я не позволю тебе убежать, хватит мне проблем из-за тебя. Пойдешь со мной. Затаишься. Про тебя никто больше не услышит до конца света или пока я не отправлюсь к ангелам.

Принц тронул Хейвуда за плечо и шепнул ему на ухо что-то, отчего на лице учителя отразились сомнения. Тит зашептал снова. Наконец Хейвуд кивнул и, встав прямо перед своей тюремщицей, начал читать длинную череду заклинаний.

— Как ты смеешь?! — закричала она и попыталась оглушить его, заставить молчать, но купол заключения не пропустил ее чары. Она повторила с яростью: — Как ты смеешь!

Учитель упорно продолжал читать. И перестал, только когда леди Калиста без сознания упала на пол.

Тит еще раз остановил для нее время, прежде чем снять купол. И, подхватив под мышки, потащил ее к входной двери.

— Что вы с ней сделали? — спросила учителя Иоланта.

— Принц попросил меня убрать ей все воспоминания, касающиеся тебя. Когда она очнется, то будет знать, как вернуться в Цитадель. Но даже не подумает преследовать тебя.

— Она в любом случае вряд ли стала бы, — заметил Тит. — Все ее воспоминания о вас двоих наверняка давно подавляются, потому что Атлантида непрерывно ее допрашивала.

Иоланта покачала головой:

— Тогда как она пришла сюда?

— Можно поставить специальные условия. Например, я полностью вспомню прочитанное видение о своей смерти, как только ступлю на землю Атлантиды.

Принц привалил леди Калисту к двери так, чтобы ручка оказалась в ее ладони.

— Что ты хочешь сделать? — спросила Иоланта.

— Нужно, чтобы она касалась двери, иначе я не смогу снять круг страха. Хорошо, что это не круг крови — тот так просто не снимешь. Но, опять же, по кругу крови можно понять, кто его поставил, поэтому она не стала бы так рисковать, пока есть другие варианты.

Он начал речитативом произносить нужные слова. Иоланта внимательно наблюдала, пытаясь понять, что же именно из сказанного леди Калистой заставило Тита выронить палочку. Выглядел он немного мрачным, но и только, вроде ничего особенного.

Закончив с заклинаниями, принц с помощью учителя Хейвуда отнес чаровницу в кресло в гостиной.

— Учитель Хейвуд, — позвала Иоланта, — вы как, все еще хотите остаться здесь? Не передумали?

В ответ тот начал было качать головой, но остановился. Улыбка медленно расплзлась по его лицу.

— Иола, раз уж ты спросила снова — теперь я верю, что достаточно здесь насиделся.

Леди Калиста не очнулась и после того, как закончилось действие остановки времени.

— Не волнуйся, — успокоил Тит. — После заклинаний памяти маги нередко не приходят в сознание раньше чем через час.

Хейвуд вздохнул:

— Увы, а я считал ее такой очаровательной.

— Нам нужно проверить, нет ли на вас следящих меток.

Пока они искали, Иоланта обратилась к опекуну:

— А как вы познакомились с леди Калистой?

— Через свою подругу, Эйрин. Ваше высочество, вам она может быть известна как генерал Рейнстоун, главный советник регента по безопасности, — почтительно полупоклонился он принцу.

Странно, она так хорошо знала обоих, и принца и учителя, а друг для друга они чужаки. И, по крайней мере, Хейвуд, похоже, собирался старательно соблюдать положенные церемонии.

— Да, я знаю ее в этом качестве. Пожалуйста, продолжайте.

— Мы с Эйрин — генералом Рейнстоун — сидели в кафе. Она сказала, что потом встречается со своей подругой, леди Калистой, в книжном магазине Евгенидеса Константиноса, и спросила, не хочу ли я пойти с ними. Я принял приглашение, и так все и случилось.

Иоланта сняла ботинки учителя, чтобы проверить, нет ли следилок на них или на носках:

— И что делала леди Калиста в магазине? Она не кажется мне книгочеем.

— По ее словам, собиралась забрать книгу, испорченную подругой. С ней было так приятно общаться. Я предложил сам купить эту книгу.

— Энциклопедию зелий.

— Да, а как ты догадалась?

Иоланта прикусила щеку:

— Мы всегда возили ее с собой, хотя ты утверждал, что она ужасна.

— Да, из сентиментальных чувств. Леди Калиста была очень красива, но покорила меня ее живость. Всегда думал, мол, как жаль, что мы больше не встретились, хотя я очень этого хотел. — Учитель Хейвуд замолк, осознав, что сказанное — результат подчищенной памяти, а потом добавил: — Возможно, было бы лучше, если бы мы действительно больше не встречались.

— Что касается меня, более очаровательной я ее не видел, — заметил Тит. — Во всяком случае, она в кои-то веки была честна. Подозреваю, все еще под действием сыворотки правды после допроса.

Когда они убедились, что на Хейвуде нет меток и на них самих тоже ничего не появилось, Иоланта внезапно поняла, что не знает, куда девать опекуна.

— Надо теперь поселить вас в другую гостиницу, пока не найдем более постоянное жилье? — спросила она.

— У меня есть место, которое я с радостью вам предоставлю, — сказал Тит учителю. — Если вы не против того, что оно на другой стороне Ла-Манша.

На другой стороне Ла-Манша?

Париж.

* * *

Парижская осень мало походила на лондонскую. Воздух прохладный, но свежий, голубое небо, пламя заката в чистых высоких окнах домов тихого бульвара. В выбранной принцем квартире комнаты оказались просторными, высокие потолки — нежно-золотистыми. На стенах висели огромные картины с легким налетом ностальгии — изображения немагов прошлых веков, прогуливающих на природе.

Иоланта даже с больной головой после перескока в две сотни верст, хоть и разделенных на три части, была очарована.

— Как здесь красиво!

Тит дал ей очередную дозу средства для скачков:

— Консьержка внизу считает, что здесь живет несколько человек: дядя и его племянники-двойняшки разных полов. Поэтому ее не удивит ничей приход, ни юноши, ни девушки, ни мужчины постарше.

Он выдвинул ящик и вытащил футляры с визитными карточками на имена мистера Руперта Франклина, мистера Артура Франклина и мисс Аделии Франклин.

— Булочная за углом довольно хороша. Закусочная тоже. На площади чуть подалее трижды в неделю работает рынок. У семейства Франклин в «Банке Парижа» есть счет которого должно хватить на годы.

— Так вот чем ты занимался в Париже, — тихо произнесла донельзя пораженная Иоланта.

— Отчасти.

— Отчасти? А чем еще?

Принц провел их по коридору в другую комнату, с полками вдоль стен и большим письменным столом в центре. На нем лежали вещи, знакомые Иоланте по лаборатории.

— Когда я понял, что твои воспоминания могут никогда не всплыть, то захотел защитить тебя от вреда, наносимого постоянным подавлением памяти. Значит, нужно было найти способ ее вернуть. Я решил воспроизвести защиту, когда-то данную мне. Если кто-нибудь изменит мою память — те, кто имел со мной достаточно долгий физический контакт, все еще способны это сделать, — она восстановится в течение нескольких недель, если не дней. Однако некоторые ингредиенты основы этого зелья нельзя перевозить: они должны быть очень свежими, а от скачков теряют силу. Поэтому пришлось устроить временную лабораторию здесь, в Париже, в ближайшем городе, где нашелся маг-ботаник, способный обеспечить меня нужными травами. Приглядывая подходящее место, я решил, что можно заодно устроить здесь дом, в котором вам удобно будет жить вдвоем, когда вы найдете друг друга.

Учитель Хейвуд низко поклонился. Иоланта ничего не сделала — просто не знала, что делать.

Тит жестом пригласил их к столу:

— Я не рассказывал до сих пор, потому что основа зелья была еще не готова. Не хотел, чтобы ты сочла, будто я пытаюсь облегчить тебе уход из Итона. В смысле... — он пожал плечами, — ты знаешь, что я имею в виду.

Затем принес два стакана и наполнил каждый из них до половины из графина, в котором, по его словам, была морская вода.

— Нужна вода из океана, в который первым ступила ваша нога — полагаю, для вас обоих это Атлантический. Затем вы должны добавить три капли собственной крови и три капли добровольно данной крови кого-нибудь, кто любит вас. Мисс Сибурн, будьте добры, нам бы немного огня.

Иоланта вызвала маленький шарик пламени.

Принц раскрыл перочинный нож, опалил его лезвие и вручил ей. Она выжала по три капли крови в каждый стакан, еще раз пронесла нож через огонь и передала учителю Хейвуду.

Когда тот выжал три капли над собственным стаканом и собирался сделать то же самое над другим, принц его остановил:

— Я хотел бы сам иметь честь для мисс Сибурн.

«Крови кого-нибудь, кто любит вас».

Взгляд учителя на Иоланту был скорее задумчивым, чем удивленным.

После Тит вынул склянку с серым порошком, разделил его поровну между стаканами и перемешивал, пока зелье не стало ярко-золотистым.

У него был вкус солнца и ромашки.

Хейвуд еще раз низко поклонился Титу, который отвел его в следующую комнату и показал, где лежат деньги.

— Вам должно хватить до того, как сможете сходить в банк. И если что-то потребуется в окрестных магазинчиках, почти во всех есть счет на ваше имя. — И обратился уже к

Иоланте: — В школе вот-вот будет очередное проклятое «отсутствие». Нам пора.

— Перекличка, — объяснила она учителю. — Они постоянно пересчитывают мальчиков.

— Но ты про себя еще ничего не рассказала, — запротестовал он.

— Как-нибудь потом. — Иоланта обняла опекуна. — Я буду навещать вас так часто, как только смогу.

В ее комнате в пансионе Тит обернулся к ней и сказал:

— Это тебе.

«Этим» были визитные карточки на имя А. Г. Фэрфакса с ранчо «Лоу Крик», Вайоминг.

— Раздай их своим друзьям, прежде чем покинешь пансион. Письма, написанные на этот адрес, будут прибывать в парижскую квартиру. А письма, отправленные оттуда, будут иметь вид пришедших с американского Запада.

— Спасибо.

Больше слов не выразят ее чувств лучше.

— Не за что, — тихо ответил Тит. — Мне самому хочется дать тебе все, пока я еще могу.

Пустыня Сахара

Их новый приятель мчался невероятно быстро. Титу с трудом удавалось не отставать от него больше чем на корпус. И в то время как Тит наклонил свой ковер примерно на десять градусов, завернув перед вниз, ковер другого юноши летел с уклоном минимум в тридцать градусов, с двумя складками, так что в профиль выглядел как вытянутая буква Z задом наперед.

Дракона легко послать куда угодно, но ковром-самолетом приходится управлять с помощью распределения веса. Неопытный наездник может войти в штопор, просто попытавшись оглянуться. Однако ведущий их спокойно развернулся назад и, одной рукой держа ковер по курсу, другой посылал заклинания.

Заклинания дальнего действия — до ближайших преследователей все еще оставалась не одна верста — и невероятной точности. Потрясающий снайпер.

Тит обернулся к Фэрфакс, все еще таращившейся на неожиданно явившегося спасителя, и спросил:

— Может, он и есть твой кавалер?

Она прищурилась:

— Вряд ли. Раз уж спускался со своего ковра, чтобы достать наш, мог меня поцеловать. А он только закинул меня на ковер, как мешок картошки.

— Но что, если это он?

— Хм. — В ее голосе зазвучало лукавство. — Ты что, просишь меня выбрать одного из вас прямо сейчас?

— Сейчас ты, конечно, выберешь меня. Но что будет потом, когда ты вспомнишь?

Титу не хотелось признаваться, насколько это его беспокоит.

— Фэрфакс, можешь что-нибудь сделать с бронированными колесницами? — прокричал обсуждаемый субъект. — Они нас нагоняют.

— Ладно, попробую! — ответила она. А потом прошептала Титу в ухо: — Сомневаюсь, что ему известно, что я девушка. Или его это ни капли не волнует.

С замечанием Тит вынужден был согласиться. И порадовался этому.

— Держи ковер ровно, — попросила Фэрфакс и села боком. Но через минуту-другую легла обратно. — Я не могу сбить их с курса. Хочу попробовать по-другому. Держитесь крепко!

Последние два слова она прокричала, чтобы услышал и юноша впереди. Через секунду Тита чуть не сдул попутный ветер. Оба ковра ускорились, словно выпущенные из ракетницы, а сзади в ночной темноте стеной поднялся песок, закрывая их от глаз атлантов.

Вскоре незнакомец просигналил, что нужно снижаться:

— Мой ковер почти на пределе дальности.

Ковры-самолеты приходится приземлять до того, как они достигнут своего предела, иначе они просто камнем падают вниз. А потом выжидать какое-то время, прежде чем снова можно будет полететь.

— Хочешь попить? — спросила Фэрфакс. Вызванная ею сфера воды едва заметно поблескивала в свете звезд.

Юноша протянул бурдюк:

— Да, спасибо.

— Дать тебе еды или покрывало для тепла? — Тит обнял Фэрфакс за плечи.

Если парень — ее поклонник, пусть или заявит о своих правах на нее, или откажется от них навсегда.

Но юноша посмотрел на них без ревности или недовольства, а скорее с удивлением:

— Нет, спасибо. Эта одежда хорошо защищает в пустыне, и ничего, кроме воды, мне не нужно.

Какое-то время все молчали. Тит только собирался сказать парню, что они понятия не имеют, кто он такой, когда тот снова заговорил:

— Подвеска сначала стала такой холодной, что невозможно было держать ее на теле. И поскольку я не искал вас специально, а собирался просто встретиться с братом, то особо ее не проверял. Представь себе мое удивление, когда около полудня я коснулся ее и обнаружил, что она почти теплая. У меня при себе был блокнот для переписки, и я связался с братом и... с его невестой. Они немедленно ответили, что несколько ночей назад в пустыне видели сигнальных фениксов, и разведчики вас уже ищут. А всего через несколько часов вы явились в оазис на песчаной виверне.

У Тита упала челюсть.

— Те караванщики были магами?

— Совершенно верно.

— Но один упал в обморок, а двое схватились за ружья при виде дракона!

— Как минимум одному притворяться бесчувственным при виде магов — хорошее правило. И я всегда думал, что ружья — это гениально, потому как тех, у кого в руках обычное оружие, естественно счесть немагами.

— Надо будет запомнить, — пробормотала Фэрфакс.

— Мало того, что караванщики — маги, так и сам оазис — это переместитель, — с гордостью продолжил юноша. — Мы построили три таких. Атлантида не обращает большого внимания на толпу немагов и их верблюдов у грязной лужи, что позволяет нашим разведчикам почти беспрепятственно передвигаться по пустыне. Словом, разведчики узнали тебя и Фэрфакс и доложили. Решено было всеми средствами не дать Атлантиде вас поймать. Вот почему, когда повстанцы увидели, что в пустыню вылетела большая группа драконов и бронированных колесниц, они напали на базу, вынуждая атлантов вернуться и защищать свой штаб.

— Почему твои друзья решили использовать зачарованные копья? — спросила Фэрфакс.

— Что?

Она обернулась к Титу:

— Мне показалось, ты сказал, что нам помогли с помощью зачарованных копий.

— Нам пришлось использовать немало нестандартных методов, но до такого дело не дошло, — заметил юноша. — Мы еще не настолько отчаялись.

— Атланты, которые нас почти нагнали, не собирались возвращаться на базу. Им командовали поймать нас, и они собирались выполнять приказ, если его не отменят, — объяснил Тит. — Не знаю, чем бы дело кончилось, если бы не явилась плотная туча заговоренных копий, которая заставила их отступить.

— Странно. Я не слышал, чтобы кто-то из повстанцев использовал древнее оружие.

Можешь рассказать о них поподробнее, принц?

Фэрфакс как раз собиралась снова наполнить бурдюк нового знакомого. Поток воды пролетел мимо горлышка и плюхнулся на песок.

Титу показалось, будто земля под ногами качнулась.

— Ты назвал меня принцем?

Юноша, казалось, смутился:

— Мои извинения, ваше высочество. В школе мы не следовали протоколу, но впредь буду обращаться к вам со всем почтением, положенным правителю Державы.

«Правителю Державы».

Тит схватился за руку Фэрфакс, не уверенный, что правильно понял. И хочет ли понимать.

Юноша оглядел горизонт:

— Ночной патруль с базы, прекрасно. Они могут меня подвезти, не придется ждать, пока отдохнет ковер.

— Ты уверен, что им можно доверять? — уточнила Фэрфакс.

Он сложил свой ковер, плотно скатал его и засунул в заплечную сумку:

— Они родственники Амары, так что да, я вполне уверен, что это не атланты, притворяющиеся повстанцами.

Едва патруль приземлился, юноша представил двух девушек как Ишану и Шулини. Когда очередь дошла до Фэрфакс, он спросил:

— Тебя как называть — Фэрфакс или настоящим именем?

Чуть помедлив, она ответила:

— Настоящим.

— Иоланта Сибурн, — представили ее.

Иоланта Сибурн — хорошее имя, сильное, но, похоже, не вызвавшее никаких воспоминаний у них обоих. Фэрфакс взяла Тита за руку явно с чувством облегчения. К которому, вероятно, примешивалась капелька разочарования — кто она, до конца так и не выяснилось.

— Приятно познакомиться, — кивнул Тит патрульным.

Они почтительно склонили головы.

— Рады снова видеть, ваше высочество, — сказала Ишана. И добавила, обращаясь уже к Фэрфакс: — Вас мы тоже видели, но вы спали верхом на песчаной виверне.

Тит удивился:

— Вы были в оазисе?

Девушки тихо рассмеялись.

— Именно мы схватились за ружья. В мужской одежде немагов мы вызываем гораздо меньше подозрений, — объяснила Шулини.

Через пятнадцать секунд они были уже в воздухе. Ковер, несший троих повстанцев, оказался, если это вообще возможно, еще быстрее ковра юноши. Но на сей раз Тит и не пытался угнаться за ними, наоборот, специально немного отстал. Фэрфакс не возражала; они держались за руки.

Верста пролетала за верстой, холодный воздух ночной пустыни обжигал лицо, но Тит был почти рад оупляющей боли — она позволяла отвлечься.

— Не хочу быть правителем Державы, — произнес он наконец. Принцам Державы и в лучшие времена не позавидуешь, но быть правителем, который скрывается от Атлантиды —

совершенно невыносимо. — Можно как-нибудь сделать так, чтобы я стал его конюхом?

— Надо попробовать. — Фэрфакс сжала его ладонь. — Мне правда нравятся конюхи, особенно когда они пахнут навозом, который весь день сгребали.

Тит полуплакал, полусмеялся:

— Не знаю, чего мне хотелось бы меньше, чем отвечать за целую страну.

— Если ты позаботишься о ней хотя бы вполовину так хорошо, как заботился обо мне, и с тобой, и с Державой все будет в порядке.

— Думаешь?

— Да, уверена. Уже не говоря о том, что есть как минимум одна девушка, готовая целовать тебя, даже если бы ты не был принцем — разве не это волнует всех принцев?

— Я испытал ужасное потрясение, — протянул Тит. — Потребуется сотни поцелуев, чтобы его пережить.

— Я собиралась попридержать поцелуи, пока не увижу несказанно плохие стихи выбитыми на пятидесятитонной глыбе. Но исключительные обстоятельства требуют исключительных мер, поэтому один можешь получить прямо сейчас.

Титу, хоть и с большим трудом, удалось не послать ковер в штопор.

— Лучше?

— Еще один, и я, возможно, даже выживу.

Но еще одного им не выпало. Ишана прокричала с ковра впереди:

— Ваше высочество, база уже близко. Пора снижаться. Пожалуйста, следуйте вплотную за нами.

Англия

— В чем дело? — раздался голос Фэрфакс.

Тит вздрогнул — он даже не заметил, как она вошла в лабораторию.

— Вижу, ты по-прежнему не собираешься меня слушать по поводу отлучек после отбоя. Она села за рабочий стол напротив него:

— Я никогда тебя не слушаю, если знаю достаточно, чтобы принять собственное решение.

Говорила она легко, но правдивость слов жгла острой болью — Фэрфакс полагалась на собственные суждения. Тит же, со своей стороны, привык жить по оставленным матерью инструкциям. Что было просто прекрасно, пока он в них не сомневался. Но когда такое случалось, то повергало его в состояние паралича.

— Дело в чем-то, сказанном леди Калистой? — спросила Фэрфакс.

Ее поразило, кто оказался хранительницей памяти, но, похоже, в итоге не так уж сильно выбило из колеи. Возможно, потому, что она всегда недолюбливала хранительницу, а возможно, из-за того, что ее воспоминания о леди Калисте как о матери до сих пор оставались недоступны.

— Она кое-что крикнула, когда обвиняла тебя в неблагодарности. Я не могу выкинуть это из головы.

«Да понимаешь ли ты, сколь трудно, сколь ужасно было понять, как же сделать все то, о необходимости чего я рассказала Хейвуду в видении будущего?»

Тит повторил эти слова вслух.

— Заметила что-нибудь?

— Да, заметила, — медленно произнесла Фэрфакс. — Мы всегда полагали, что хранительница памяти действовала вопреки видениям и потому все пошло не так. Но все совсем наоборот: леди Калиста делала все возможное, чтобы воплотить их.

— Да. Кроме того, видение, которому она позволила управлять своей жизнью, касалось не действия, а слов. В нем ее будущее «я» говорило твоему будущему опекуну, что они должны сделать.

Она нахмурилась:

— Не уверена, что понимаю.

— Между магами нет согласия в том, как должно поступать, когда они предвидят еще не произошедшие события. Одни полагают, мол, достаточно лишь не препятствовать этому будущему. Другие считают, что предстоящее открывается тем, кому придется над ним работать. Недавно ты упоминала парадокс сотворенной реальности: будущее, которое не станет настоящим, если его не увидеть и прилежно не воплотить. Я явно не против маленькой сотворенной реальности. Но даже среди магов, верящих, что ради предвиденного нужно потрудиться, существуют огромные разногласия относительно того, сколько нужно сделать. Например, моя мать увидела, как пишет *«Как бы вы ни испортили эликсир света, его всегда можно восстановить ударом молнии»* на полях «Энциклопедии зелий». Тут споров нет. Она явно должна это написать, когда окажется в предвиденной ситуации. Но если бы она узрела, как лишь рассказывает кому-то, что сделала это? Она все равно должна

была написать о световом эликсире и молниях на полях книги?

Фэрфакс моргнула:

— Тут сложнее. Строго говоря, чтобы выполнить пророчество, она должна просто рассказать, писать на самом деле необязательно.

— Все может быть еще сложнее. Что, если она видит, как говорит кому-то, дескать, планирует написать эти слова в «Энциклопедии»?

— И по-твоему, именно таким было видение, из которого исходила леди Калиста: видение высказанного плана.

Тит кивнул. Видения, как и ясновидящие, бывают разные.

— Обсуждение планов в видении совсем не так важно, как действие. Но я беспокоюсь не из-за леди Калисты. — Он с трудом выдавил следующие слова: — Я думаю о видении матери.

Иоланта вскочила с кресла:

— Что?

— Ее пророчества почти всегда связаны с событиями. Моя коронация — событие. Смерть инквизитора — событие. Она сама, записывающая слова, которые однажды заставят тебя вызвать молнию — череда действий, составляющих событие. — Тит положил руки на дневник, так долго бывший его спасательным плотом в море неопределенности. — Но сейчас я понимаю, что некоторые из самых важных предположений моей матери опираются на видение не дел, а речей.

«Значит, вероятнее всего, именно это мой сын и наблюдает — проявление великого мага стихий, который станет, как сказал Тит в другом видении, партнером в его миссии».

Сказал в другом видении.

— Ты можешь попросить дневник показать тебе то пророчество, чтобы так или иначе все узнать?

— Могу, но боюсь. — Он взглянул на Фэрфакс. — Я говорил тебе, что она предвидела смерть барона Уинтервейла? Но неправильно истолковала и сочла, что за закланием казни стоит Атлантида. Мама была безупречной ясновидящей, но ошибалась в интерпретациях.

И эти интерпретации определяли весь ход его жизни.

Фэрфакс обогнула стол, подошла к Титу и сжала его плечо.

Он накрыл ее ладонь своей.

— Я трус?

— Потому что боишься? Нет. Никогда не бояться только глупцы.

Тит смотрел на позолоченный срез страниц дневника.

— А если все изменится?

— Иногда так бывает.

— Ненавижу подобное.

— Знаю, — мягко сказала Фэрфакс. — Я тоже.

Тит глубоко вздохнул и открыл дневник, молчаливо прося показать видение, где говорил о великом маге стихий, который должен стать его партнером в миссии.

«24 апреля 1021 державного года».

Всего за несколько дней до смерти принцессы Ариадны.

«Это Тит — по крайней мере, я думаю, что это Тит — возможно, лет на десять старше, чем сейчас: мальчик лет шестнадцати-семнадцати, худощавый и симпатичный. Рядом с ним другой мальчик примерно того же возраста, приятный, едва ли не слишком».

хорошенький для юноши. Похоже, они стоят на берегу то ли озера, то ли реки, бросая камешки, но я не узнаю места.

— Я собираюсь свергнуть Лиходея, — говорит Тит.

Мне пришлось на мгновение отступить от стола, чтобы собраться с духом. Так вот к чему вели все остальные видения. В тысячный раз я пожалела, что проклята этим «даром».

— Почему? — спрашивает другой мальчик с теми же страхом и изумлением, которые чувствую я.

— Потому что это мое предназначение, — отвечает Тит с непоколебимой уверенностью.

Он резко захлопнул дневник. Он действительно произнес это на берегу Темзы, когда говорил Фэрфакс об их судьбе.

— Помни, это не уменьшает силы твоей матери как провидицы, — заметила Фэрфакс.

Нет, но вызывает сомнение в ее интерпретации всего. Принцесса Ариадна написала, что у Тита будет партнер, потому что в будущем он так сказал. Но будущий Тит сказал это, потому что принцесса Ариадна так написала. Явный и жестокий парадокс.

— Защити меня Фортуна, что это значит? — услышал Тит собственное бормотание. — Избранный существует или нет?

Ему стоило сильнейшей душевной боли сказать Фэрфакс, что она не часть его судьбы. Но Тит сделал это не колеблясь, потому что, как он ей и объяснил, с предназначением не спорят. Сейчас, однако, предназначение оказалось просто шаткой головоломкой.

— А это имеет значение?

— Как это может не иметь значения? Если Избранного не существует, что делать мне, чья задача — обучать и направлять его?

Фэрфакс развернула стул так, что теперь Тит видел ее лицо.

— Послушай меня. Забудь, как она все интерпретировала — видения всегда были странной штукой. Но взгляни, к чему привели ее пророчества: ты дважды спас меня и уничтожил инквизитора — самого способного помощника Лиходея. Твоя мать умерла, потому что Атлантида хотела ее смерти. Тебе в любом случае предстояло стать непримиримым врагом Атлантиды. И в любом случае ты бы сделал все возможное, чтобы оборвать правление Лиходея. Единственное отличие в том, что принцесса Ариадна подготовила тебя к этому гораздо быстрее. Уинтервейл не обязан быть Избранным, чтобы поднять свою палочку против Атлантиды — он и сам желает стать частью чего-то большего. И я не должна быть Избранной — если я могу что-то изменить, то хочу сделать все возможное. Но нам нужен ты. Ты лучше любого из земных магов подготовлен к свержению Лиходея. И не говори мне, что не знаешь, как должен поступать дальше. Твоя роль совсем не изменилась. Встряхнись и возвращайся к делам.

Он взглянул ей в глаза и почувствовал, как уходит отчаяние.

— Значит, ты не думаешь, что все мои деяния напрасны?

— Нет, я не думаю, что ты когда-либо что-либо делал напрасно. Однажды все это даст плоды. Более того: я убеждена, что ты доживешь и увидишь этот день.

Тит взял руки Фэрфакс в свои:

— Когда придет время, ты отправишься в Атлантиду со мной и Уинтервейлом?

— Да. — Она поцеловала его в волосы. — А теперь давай поспим. Впереди долгая дорога.

* * *

— Не могу поверить. — Купер уставился на визитную карточку. — Ранчо «Лоу Крик», Вайоминг. Ты действительно нас покидаешь?

— Осталось уже недолго. И я правда буду скучать по этой легкой жизни.

Он присоединился к Иоланте у окна:

— Знаешь что? Возможно, однажды я сбегу к тебе в Вайоминг. По крайней мере, если превращусь в пастуха, не придется становиться адвокатом.

— Тебе очень повезет, если сможешь меня найти. Уверен, это богоспасаемое ранчо в трехстах милях бездорожья от ближайшей железнодорожной станции. Лучше уж попросись в секретари к принцу.

— Знаешь, чего бы я хотел? Увидеть свое будущее, чтобы перестать о нем беспокоиться.

Иоланта фыркнула и покачала головой.

— О, взгляни, вот и Уэст. Думаю, он идет к миссис Долиш. — Купер открыл окно, моментально позабыв о своем страшном будущем адвоката поневоле. — Уэст, зайдешь? Видел, как слетевшая черепица разбила мне голову?

Он уже не нуждался в повязке, но все еще с радостью показывал ссадину.

— Да, зайду, — отозвался Уэст, уже одетый в форму для крикета. — Я думал взглянуть на Уинтервейла, но с радостью проверю и твои боевые раны, Купер.

— Сначала тебе надо зайти в кабинет миссис Хэнкок и записаться в журнале посетителей. Она вознамерилась защитить этот дом от вредного влияния, — сказала Иоланта.

— Тогда что ты делаешь внутри? — добродушно парировал Уэст.

— Очевидно, ее бдительность уступает моей пронырливости.

Визит будущего капитана оказался событием более важным, чем представляла Иоланта. Миссис Хэнкок лично проводила Уэста вверх по лестнице, волнуясь, точно девица на первом балу. Уинтервейл, которому, по мнению Иолы, ныне не было дела до таких вещей, как крикет и школьные команды, после минутного удивления расплылся в такой довольной улыбке, будто уже победил Лиходея.

Другие старшие мальчики выстроились в его комнате вдоль стены, а младшие сгрудились за дверью.

Иоланта сообразила, что еще не переделалась для тренировки и с трудом протолкалась наружу. Она заглянула в комнату Тита — отличный шанс для него увидеть Уэста вблизи и, возможно, выяснить, почему тот им так интересуется.

Но принца в комнате не было.

* * *

Тит вернулся к себе из лаборатории, чтобы захватить пальто. Он говорил Фэрфакс, что присмотрится к Уэсту во время тренировки по крикету и собирался выполнять обещание, спокойно сидя в тепле — по крайней мере, насколько это возможно в такой унылый и промозглый день.

Застегиваясь, он сунул голову в комнату Уинтервейла, узнать, как тот поживает. Здесь было пусто. Однако, глянув в окно, Тит увидел, что Уинтервейл и Купер неподалеку и

движутся в направлении игрового поля. Он вышел из дома и догнал их.

— Пойдешь посмотреть с нами на тренировку по крикету, принц? — спросил Уинтервейл.

— Таково мое намерение.

— Превосходно, — обрадовался он. — Тогда можешь быть моим костылем. Прости, Купер, но его высочество лучше подходит мне по росту.

Купер уступил свое место и дал полный отчет о грандиозном визите Уэста к Уинтервейлу. Поскольку последний двигался в темпе сонной улитки, Титу пришлось выслушать детальный рассказ. Троица до смешного долго добиралась до игровых площадок, где уже столпились зрители: половина мальчиков из дома миссис Долиш плюс миссис Хэнкок.

Позади Фэрфакс, полуприсев, охранял воротца юноша, чье лицо Тит мгновенно узнал. Уэст.

Даже не особо интересуясь школьной спортивной элитой, в конце концов игроков знали все. Но вовсе не потому Тита вдруг охватила дрожь, которую он мог определить только как страх.

Фэрфакс ударила по мячу и заработала две пробежки, возвращаясь на исходную позицию. Уэст подошел к ней и быстро переговорил. Вернувшись на свое место, он внимательно взглянул на Тита, прежде чем вновь переключился на игру.

Тит словно провалился под тонкий лед.

Он вспомнил, как, едва увидев Лиходея в ночь Четвертого июня, подумал, что тот выглядит смутно знакомым. Теперь понятно, почему. Из-за поразительного сходства с Уэстом.

Их разделяло по меньшей мере тридцать лет, и Лиходей носил безупречно подстриженную бородку. Но, без всяких сомнений, их черты обладали примечательной общностью.

Если Лиходей мог воскреснуть, то почему бы ему не помолодеть на несколько десятков лет? И не заявиться в Итон, чтобы самому выследить Фэрфакс, раз уж его помощники оплошали?

Фэрфакс получила еще два рана и вновь поговорила с Уэстом — возможно, с самим Лиходеем. Титу пришлось присесть на минуту, чтобы попытаться успокоиться.

Что, если Уэст просто потянется и схватит Фэрфакс? Как быстро она сможет отреагировать? А сам Тит? И насколько быстро он сможет объяснить Уинтервейлу, также сидящему на земле и, судя по выражению лица, жадно наслаждающемуся игрой, что тот должен использовать все свои силы для защиты Фэрфакс?

Да, Тит был готов ради нее выставить напоказ власть Уинтервейла над стихиями. Даже рискнуть ради Фэрфакс жизнью друга. Наверное, следовало стыдиться, но его это не волновало.

Однако матч продолжался тихо и безмятежно. Когда солнце коснулось западной линии горизонта, Уэст дал сигнал разойтись. И Фэрфакс ушла с поля, не представляя, что целых два часа была в пределах досягаемости лорда верховного главнокомандующего великого мира Новой Атлантиды.

* * *

Принц обладал значительным хладнокровием. Во время собственного допроса у

инквизитора он сидел на стуле с показной беззаботностью и сохранял спокойный, скужающий вид, хотя думал, что Иоланту вот-вот поймают, но на протяжении этой тренировки он вставал и садился по меньшей мере трижды.

Равносильно тому, что некто вроде Купера будет бегать по улице, крича и разрывая на себе одежду.

И по окончании тренировки Тит не подошел к Иоланте. Он вообще исчез.

— Так его высочество время от времени приходит понаблюдать за тренировкой? — спросил у нее Уэст, собирая вещи.

— Его высочество, как всегда, делает то, что ему нравится.

Уинтервейл был разочарован тем, что Тит ускользнул без единого слова. Предложенную Кашкари помощь он принял с прохладной благодарностью.

Обычно, прогуливаясь с Уинтервейлом, Иоланта шла достаточно медленно, чтобы его не обгонять. Но сегодня ей требовалось поговорить с принцем и выяснить, что его так беспокоило.

Отговорившись жаждой, она обошла Кашкари и Уинтервейла, и зашагала так быстро, что бедный Купер с трудом за ней поспевал.

У дверей Тита, не успела она постучать, на ее плечо опустилась рука.

Иоланта подпрыгнула. Но это оказался всего лишь хозяин комнаты.

— Я шел за тобой все это время, — тихо сказал он.

И увлек ее внутрь. Едва закрылась дверь, Тит установил беззвучный круг и, немало удивив Иоланту, наложил такие заклинания против проникновения, что могли убить рвущегося носорога.

Затем прижал ее к себе и поцеловал в щеку, ухо и губы.

— Прими средство для скачков. Я отведу тебя в Париж прямо сейчас. Не надо собирать вещи. Все, что понадобится, купишь там.

— Что? — вскрикнула она. — Что происходит? Ты дрожишь, как лист на ветру.

Преувеличение, но кончики пальцев Тита действительно дрожали.

— Уэст может быть Лиходеем.

Иоланта уставилась на него:

— Ничего не понимаю. Уэст может быть Лиходеем?

— Я видел Лиходея вблизи, помнишь? Поверь, когда я говорю, что Уэст почти в точности он, если вычешь эффект старения.

— Но Уэст не появился из ниоткуда. Он учится в Итоне столько же, сколько и ты. Сложновато поверить, что Лиходей четыре года разгуливал среди студентов немагической школы.

— Я не знаю, как это объяснить. Знаю лишь, что ты не можешь здесь оставаться ни секундой дольше.

— Но я стояла рядом с ним два часа, и ничего не случилось.

— Пока. В любую минуту может случиться что угодно.

В этом Иола не сомневалась, хотя и не убедилась до конца, что Тит прав в отношении Уэста.

— Я не против осторожности. Но если исчезнуть без единого слова, оставив все свои вещи, разве это не будет выглядеть подозрительно?

Принц нахмурился, но не ответил.

— И потом, если для меня слишком опасно оставаться в школе, то слишком опасно и

для тебя и для Уинтервейла. И, возможно, для Кашкари.

Он потер виски:

— Что ты предлагаешь?

— Мы должны поговорить с Кашкари и Уинтервейлом.

— Только не с Уинтервейлом. Пока нет.

— Уверен, что не перестраховываешься?

— Не больше, чем его мать.

С таким не поспоришь.

— Тогда ладно. Поговорим с Кашкари. Он прекрасно хранит секреты. И что-то мне подсказывает, у него уже есть план, как быстро покинуть школу при необходимости.

Кашкари, однако, найти не удалось. Он не появился даже на ужине. Спуститься в столовую Уинтервейлу помог Сазерленд.

— Где Кашкари? — спросила у него Иоланта.

— Постится. И должен соблюдать в это время какие-то ритуалы. Он получил разрешение остаться сегодня вечером в комнате.

Она переглянулась с Титом. Родное королевство Кашкари не относилось к тем, что встали под знамена ангельского воинства. И все же немногие маги видели в посте средство приблизиться к божественному.

Миссис Хэнкок также не пришла, что вызвало большее возбуждение, чем отсутствие индийца — миссис Хэнкок никогда не пропускала ужин.

— Я знаю, это необычно, но миссис Хэнкок нездоровится, — объяснила миссис Долиш.

Иоланта не слишком встревожилась, когда Тит оказался вне себя из-за предположения, что Уэст — это Лиходей. Но неожиданное и одновременное отсутствие двух магов настораживало. Она мало говорила и лишь вполуха слушала Купера.

Тот, как часто бывало после трапезы, отправился в комнату Иоланты, чтобы попросить помощи с домашним заданием. Он открыл тетрадь и перелистал страницы.

— А, вот. Это слово на греческом означает «стремительный»?

Иоланта посмотрела:

— Окейа? Да.

— Но когда Афродиту описывали как стремительную?

Она не сразу поняла, о чем речь, так как внимательно прислушивалась к звуку шагов в коридоре: ждала возвращения Тита, который вновь пошел искать Кашкари, и уже начинала беспокоиться о последнем.

— Подожди минутку. Я посмотрю свои записи. — Иоланта открыла одну из своих тетрадей. — Думаю, ты неправильно переписал. На самом деле, это «океанис», «из океана», что верно для Афродиты.

На греческом оба слова выглядели похоже, так что ошибка была вполне объяснима.

— А, так гораздо лучше. — Купер закрыл тетрадь. — Ты уверен, что должен уезжать в Вайоминг?

— К сожалению, да. И, боюсь, довольно скоро.

Тут вошел принц. Он бросил взгляд на Купера и велел:

— Оставь нас.

Тот, привычно польщенный личным обращением к нему его высочества, скрылся. Принц посмотрел на закрывшуюся за ним дверь:

— Когда-нибудь я и правда буду скучать по этому идиоту.

— Ты нашел Кашкари?

— Нет, не см...

Послышался стук — не к Фэрфакс, а в дверь принца, а затем:

— Вы здесь, принц?

Кашкари.

Тит мгновенно оказался у входа:

— Да?

— На одно слово, ваше высочество?

— Заходи.

— Мои извинения Фэрфакс, — сказал Кашкари, шагнув в комнату и глядя на Тита, — но могу я поговорить с вами наедине?

— Я личный телохранитель его высочества, — влезла Иоланта. Едва узнав, что индиец давно подозревает неладное с Арчером Фэрфаксом, она начала придумывать, как бы все объяснить, но при этом сохранить свою тайну. — В этом здании и вокруг школы есть другие люди, занятые его охраной, но в начале года, вследствие растущей опасности для его высочества, было решено, что я должен принять на себя личность, созданную гораздо раньше на случай, если ему понадобится защита вблизи.

— Понятно, — медленно произнес Кашкари. — Теперь я понял.

Тит подыграл:

— Если бы не Фэрфакс, меня бы уже не было в живых. Все, что хочешь сказать, можешь говорить при нем. Кстати, он уже знает о тебе и твоих намерениях.

Кашкари недолго разглядывал Иоланту, потом достал из кармана блокнот и что-то черкнул. Буквально через секунду в комнате материализовалась миссис Хэнкок. Иоланта настолько поразилась, что отступила на шаг и врезалась в край стола.

Тит заслонил ее собой:

— Что это значит, Кашкари?

— Позвольте, я очерчу непроницаемый круг, — ответил тот. А закончив, повернулся к миссис Хэнкок: — Фэрфакс — личный телохранитель его высочества. При нем можно говорить свободно.

— А, вот в чем дело, — проговорила миссис Хэнкок. — Я всегда думала, что в тебе есть что-то необъяснимое, Фэрфакс.

— Кашкари, что ты делаешь со специальным агентом министерства управления заморскими владениями Атлантиды?

— Сегодня я пришла в своем истинном облике — заклятого врага Лиходея, — сказала миссис Хэнкок.

Тит фыркнул:

— Сомневаюсь, что в этом здании, населенном в основном немагами, которые никогда не слышали об Атлантиде, не считая древних преданий, может быть столько заклятых врагов Лиходея. Это статистически невозможно.

— Но мы все оказались здесь не случайно, — пояснила миссис Хэнкок. — Кашкари увидел свое будущее. Уинтервейла мать отправила в Итон из-за вас, ваше высочество. А мы с вами здесь из-за человека по имени Икар Халкедон.

Иоланта прежде не слышала этого имени, но Тит, похоже, его знал.

— Вы имеете в виду бывшего провидца Лиходея?

— Бывшего оракула Лиходея.

Тит с Иолантой обменялись пораженными взглядами. Считалось, что ясновидящие обладают редким даром, но они лишь получали информацию и ограничивались тем, что вселенная сочла нужным им открыть. Оракулы же, с другой стороны, могли отвечать на поставленные вопросы. Большинство оракулов в магическом мире были неживыми предметами, которые ревностно охранялись почитателями. Паломники могли пройти тысячи миль, но так и не получить шанс задать животрепещущий вопрос.

И почти никто не слышал о людях-оракулах.

— Где Лиходей его нашел? — спросила Иоланта.

— Не знаю, как и сам Икар, хотя полагаю, что в королевстве Калахари. Там селились маги со всего мира, заключая между собой браки. Иногда это приводит к появлению детей потрясающей красоты, невиданной в других краях. — Миссис Хэнкок вздохнула. — Я встретила его, когда заслужила летнюю стажировку в «Роялисе». ^[14] В наши дни Лиходей редко покидает дворец главнокомандующего в верхних землях, но в то лето ему случилось остановиться в столице. И конечно, где бы он ни был, Икар всегда находился поблизости. Лиходей задавал ему по вопросу в месяц. После каждого вопроса Икар две недели приходил в себя. Лиходей давал ему еще две недели... того, что можно назвать обычной жизнью — без изматывающей усталости, когда едва получается поднять веки. В те дни, когда Икару доставало сил встать и прогуляться, он заходил в библиотеку, где я работала. Мы стали друзьями — очень хорошими друзьями. И это все, чем нам позволено было стать. Он мог лишь говорить с девушкой, поскольку считалось, что плотская связь запятнает его дар. Отчасти мне хотелось бы, чтобы наша история была лишь историей влюбленных, родившихся под несчастливой звездой — моя жизнь стала бы проще. Но нет, мы встретились в момент нашего кризиса веры в Лиходея. И в этом смысле я была наилучшим и наихудшим другом, что мог приобрести Икар. И наоборот. Я с ужасом узнала, что Лиходей не задает вопросов о лучшем будущем для королевства или самых квалифицированных людях для выполнения той или иной работы. Вместо этого множество его вопросов сводилось к одному: «Кто станет для меня величайшей угрозой в следующем году?». Дальше — хуже. В детстве Икар часто терял сознание в конце сеанса прорицания и забывал вопросы и данные им ответы. По мере роста и обретения контроля над своим даром он получил способность восстанавливать в памяти произошедшее во время сеансов с Лиходеем. По ночам в постели он про себя проговаривал имена, которые годами называл в своих ответах. И повторял мне ряды имен, тяжелым грузом лежавшие на его совести. И когда он дошел до одного из них, я...

Миссис Хэнкок на мгновение прикрыла глаза.

— Я слышала имя сестры. Она исчезла в семнадцать лет во время похода. Ночью видели, как она залезла в палатку, но утром ее там не оказалось. Друзья ее искали и искали. Мы с родителями — и все, кого мы знали, плюс множество незнакомых людей — прочесали все вокруг, но не нашли и следа. В прошлом это место населяли гигантские змеи, и хотя никто в семье не решался об этом заговорить, мы все сочли, что моя красавица-сестра попала на ужин какому-то ужасному чудовищу, поскольку не видели другого объяснения. И тут ее имя всплыло. Я спросила Икара, не помнит ли он вопрос. Он помнил: «Назови самого способного мага стихий, еще не достигшего зрелости». Моя сестра была стихийником. И мать называла ее самым сильным магом, которого встречала. Мама знала, о чем говорит — много лет она проработала директрисой школы. Мы с Икаром пораженно смотрели друг на друга, почти парализованные возможным значением своего открытия. Но как мы могли

узнать, совпадение ли исчезновение моей сестры через неделю после того, как ее имя слетело с губ оракула, или действие злых сил? Идея принадлежала Икару. Его месяц передышки заканчивался, и скоро Лиходей собирался воспользоваться его даром. Но в эти две недели, восстановив свои силы, Икар хотел, чтобы я задала ему вопрос: «В следующий раз, когда Лиходей спросит о самом способном стихийнике, еще не достигшем зрелости, что случится с этим магом?». Мы сделали, как планировали. Дрожа, я задала вопрос, и оракул впал в глубокий транс. Почти через четверть часа он проговорил глубоким зловещим голосом: «Мага стихий используют в жертвенной магии».

Иоланте показалось, будто ей проткнули грудь.

— Но жертвенная магия — табу.

— Нет, — бормотал Кашкари, как будто про себя. — Нет. Нет. Нет.

— Вы уже думаете худшее о Лиходее, — продолжала миссис Хэнкок, — можете представить, каково было двум юнцам, еще не совсем лишившимся иллюзий? Это походило на землетрясение, распалась сама основа жизни. В следующем месяце я спросила Икара, чего надеется добиться Лиходей, когда вновь воспользуется жертвенной магией. Мы получили ответ: «Продлить свою жизнь». Что казалось бессмыслицей. Будь он в конце жизненного пути, можно было бы понять — к мерзкому жертвоприношению его толкает отчаяние. Он же находился в расцвете сил. Так что в следующем месяце мы спросили, сколько лет ему исполнится в ближайший день рождения. «Сто семьдесят семь», — прозвучало в ответ. Я помню, какую тошноту и холод почувствовала. Сама идея, что он приобрел неестественно долгую жизнь, принося в жертву юных стихийников — таких, как моя сестра, — вызывала отвращение и страх. Это был последний вопрос, который я смогла задать Икару, прежде чем его забрали во дворец главнокомандующего в конце лета. Но мне предложили постоянное место в библиотеке, и мы договорились по отдельности узнать все возможное и встретиться следующим летом. Пока Икар не впадал в прорицательский транс, его считали младенцем-переростком, потому как Лиходей намеренно держал его в неведении, разрешая читать книги о природе и сказки, но не допуская к новостям из страха, что знание о реальном мире испортит его ответы. И Икар ему подыгрывал. Так что в следующие десять месяцев он использовал себе на благо это отношение и свое положение самой ценной собственности Лиходея. И обнаружил, что... действительно, за время, что он провел у Лиходея оракулом, три мага стихий получили у того «частную аудиенцию». Стражники, с которыми говорил Икар, относились к нижнему уровню охраны и знали почти так же мало, как он — только меньше любопытствовали. Они просто решили, что после аудиенции юных стихийников каким-то образом возвращали в столицу, и потому их никто больше не видел. Икар также узнал о нижних этажах дворца. Он думал, что в здании три подземных этажа, а на самом деле их оказалось пять. Только сам Лиходей и при случае самые доверенные его помощники допускались на секретные уровни. Я искала информацию по другим именам, которые Икар за эти годы называл Лиходею в качестве угрозы. Большинство из них я никогда не слышала. Некоторые нашла в архивах заморских газет, хранившихся в нашей библиотеке: магов из разных королевств арестовывали вскоре после упоминания их имен и часто приговаривали к смерти по обвинению в убийстве, коррупции и даже непристойном поведении. У нас было десять месяцев, чтобы привыкнуть к чудовищности Лиходея. И все же, наконец встретившись и обменявшись новостями, мы не могли остановить дрожь. Именно тогда Икар сказал, что больше не может так жить. И что уже прошлым летом подумывал покончить с собой. Я умоляла его больше об этом не думать.

Я не могла справиться с самой мыслью, что после смерти его прекрасная душа лишится возможности парить с ангелами. Но Икар уже все решил. Говорил, что это единственный вариант. Но до того мы должны задать еще несколько вопросов. Вещи, которые он хотел узнать, пугали меня настолько, что я едва могла произнести их. «Как убьют Лиходея?» Ответ: «В результате проникновения на самый глубокий уровень дворца и открытия крипты». Для нас это был плохой ответ. Не считая дара оракула, Икар не учился магии. А я — простой библиотекарь, живущий вдалеке, в столице. Отчаяние Икара угрожало похоронить нас обоих, но я велела ему оставаться сильным и вести себя как обычно, поскольку собиралась в следующем месяце задать новый вопрос. Я спросила, что могу сделать, чтобы помочь убить Лиходея. Впервые я упомянула себя в вопросе, и слезы ужаса текли по моему лицу. Помню ответ до последнего слова: «Когда великая комета появится и исчезнет, Лиходей войдет в пансион миссис Долиш в Итонском колледже».

— Великая комета уже появилась и исчезла, — ломким голосом произнес Кашкари.

Маги-астрономы впервые обнаружили ее в августе прошлого года. По блеску комета едва ли не соперничала с солнечной короной — прекрасное, отчасти грозное знамение царило в ночном небе и было заметно даже при свете дня.

— Мне пришлось поискать Итон и пансион миссис Долиш. Я обнаружила первое, но не второе, и мы с Икаром были озадачены, зачем Лиходей снизойдет до визита в эту совершенно незначительную немагическую школу. Затем мы решили, что это неважно. Я должна попасть к миссис Долиш в Итон и ждать прихода Лиходея, когда бы это ни произошло. Держава по-прежнему оставалась благополучным королевством с довольно энергичным правителем и централизованным управлением — Лиходей всегда считал ее потенциальным источником проблем. Принцесса Державы ожидала ребенка, и два заданных Лиходеем вопроса касались пола младенца и получит ли он однажды корону. Так что мы знали, что будущий наследник дома Элберона явно интересуется Лиходеем. Время от времени он спрашивал Икара, что можно сделать в качестве мер предосторожности. Икар решил: в следующий раз он лишь притворится, будто впал в транс — он так давно отличался надежностью, что Лиходей уже не проверял, настоящий ли транс — и скажет Лиходею о необходимости послать наследника дома Элберона в эту немагическую школу и отправить меня специальным посланником от министерства управления заморскими владениями, чтобы за ним наблюдать. Икар планировал остаться оракулом Лиходея еще полгода, дабы его слова об Итоне и мне не привлекли внимания. А затем убить себя так, чтобы это выглядело смертью от естественных причин.

Миссис Хэнкок медленно выдохнула.

— Это был последний раз, когда я видела его или говорила с ним. Через три дня он вернулся во дворец главнокомандующего и к следующей весне умер. Его смерть не вызвала подозрений — все и так считали, что он долго не проживет. Такие способности казались слишком чудесными, чтобы продолжать существование. Я потребовала перевода в министерство. В свое время меня послали осмотреть Итон. Миссис Долиш едва открыла этот дом для мальчиков. Я подала прошение на это место. Сначала она взяла кого-то другого, но та женщина не подошла. Мне удалось попасть сюда за несколько недель до поступления его высочества. Теперь оставалось лишь ждать. Комета появилась в прошлом году. Немагов она взволновала так же, как и магов. Их газеты писали о ней до февраля. Я думала, что готова, но все же когда в апреле появился Фэрфакс, я так волновалась, что едва смогла прочесть молитву перед ужином.

Иоланта поразились:

— Вы думали, что я Лиходей?

— Я думала, что ты, возможно, шпион. А сегодня зашел Уэст.

Тит бросил на Иоланту взгляд, означавший «я же тебе говорил».

— Я не раз видела Лиходея. Когда Уэст шагнул в мой кабинет, чтобы записаться в журнале посетителей, я думала, мои колени — и сердце — не выдержат. Все произошло в точности, как говорил Икар: «Когда великая комета появится и исчезнет, Лиходей войдет в пансион миссис Долиш в Итонском колледже». Я пронаблюдала за ним во время тренировки по крикету, чтобы удостовериться, что ошибочное первое впечатление не влияет на мое суждение. И чем больше смотрела на Уэста, тем больше уверялась, что это должен быть он. Я решила, что нет смысла ждать дальше. Надо действовать немедленно. Представьте мое удивление и недовольство, когда я пришла к нему и обнаружила, что он уехал всего несколько минут назад — по словам хозяйки его пансиона, отец послал за ним из-за плохого самочувствия матери. Я перескочила на все три близлежащие железнодорожные станции. Уэст нигде не появлялся. Не зная, что делать дальше, я прокралась в его комнату осмотреть вещи. И тут Кашкари с палочкой в руках оказался рядом со мной.

— Если принц передал тебе то, что я говорил ему, — обратился Кашкари к Иоланте, — тогда ты знаешь, что я попал в Итон из-за слов об Уинтервейле, сказанных кем-то в одном из моих снов. Но лишь совсем недавно я узнал, что говорила миссис Хэнкок. Принц был убежден, что она — преданный агент Атлантиды. Я надеялся, что это не так, но не имел доказательств. А сегодня миссис Хэнкок пришла на тренировку, что я счел странным, поскольку она почти никогда не покидала дома.

— Я хотела быть здесь, когда войдет Лиходей, — сказала миссис Хэнкок.

— Затем я увидел в окно, что она вновь уходит, последовал за ней, и это привело меня к дому Уэста. Когда она проникла в его комнату, я решил, что можно объясниться с ней там.

— Кашкари заявил, мол, он враг Лиходея, и если я тоже, то должна сказать об этом немедленно. Оправившись от шока и страха, я потребовала соглашения о правде.^[15] Когда через четверть часа мы его разорвали, я посоветовала проверить записи об Уэсте в школьной канцелярии. Его отец — профессор в Оксфорде. Никто из нас там не был, так что мы не могли совершить скачок. Кашкари предложил свой летучий ковер. Придумав предлоги пропустить трапезу, мы полетели в Оксфорд. Семья как раз усаживалась за ужин. Мы спрятались в соседней комнате, но было вполне очевидно, что миссис Уэст пребывает в полном здравии. Тогда девочка спросила, приедет ли домой брат к ее дню рождения. И профессор Уэст ответил, мол, да, сегодня получил письмо, он будет дома в субботу через две недели. Мы ничего не понимали. Почему исчез Уэст? Неужели его кто-то обманул и похитил? И если он не Лиходей, то что имел в виду Икар, говоря, будто Лиходей войдет в дом миссис Долиш?

— Я почувствовал, что мы должны с вами поговорить, принц, — вмешался Кашкари. — Миссис Хэнкок согласилась, поскольку слышала, что ваша покойная мать была ясновидящей. Прошу, скажите, не оставила ли ее высочество хоть какие-то видения, способные нам помочь.

Иоланта могла бы до последнего слова предсказать, что ответит Тит, и он не отклонился ни на йоту:

— Прежде чем помочь, я потребую от вас обоих кровную клятву, что вы говорите правду и не пытаетесь причинить какого бы то ни было вреда Фэрфакс или мне сейчас или в

будущем.

Кашкари кивнул. Миссис Хэнкок сглотнула и ответила неловким кивком. Тит вызвал язык зеленого пламени истины и удостоверил клятву.

— Теперь расходимся и встретимся здесь через пятнадцать минут после отбоя.

* * *

Через пятнадцать минут после выключения света, когда миссис Хэнкок и Кашкари вновь перескочили в комнату Фэрфакс, Тит выложил на стол Горнило.

— Дневник моей матери, содержащий записи всех ее видений, не показал ничего, связанного с Уэстом или Лиходеем. Но я могу отвести вас к Оракулу Тихих вод.

Сад Оракула отличался от того, что Тит видел в прошлый раз. Тогда — на пике весны — здесь тоже стояла ночь, но пахло распускающимися цветами, а тишину оживлял писк влюбленных насекомых. Сейчас фонари высвечивали голые ветви и шуршащие под ногами опавшие листья.

— Вы можете задать лишь один вопрос, который поможет кому-то другому, — сообщил Тит спутникам.

— Каждый из нас? — уточнил Кашкари.

— Нет. Она отвечает на один вопрос в неделю, если он хорош. И вы можете получить ответ лишь раз в жизни. Хотя иногда она говорит чуть больше, если вы ей нравитесь.

— Я бы хотела спросить. — Миссис Хэнкок поднялась по ступенькам, заглянула в бассейн и повернулась к остальным: — Не могу найти вопрос, отвечающий требованиям Оракула. Каждую ночь я думаю о мертвых, обо всех мертвых: своей сестре, Икаре и остальных, кого Лиходей убивал и мучил на протяжении жизни. Все эти годы меня вела потребность в правосудии. Вряд ли я могу честно сказать, что пытаюсь помочь кому-то из живых.

Прежде чем кто-то из присутствующих успел ответить, Оракул мягко рассмеялась серебристым голоском:

— Добро пожаловать, Гайа Архимедес, также известная как миссис Хэнкок. Я еще не встречала подобной честности. По крайней мере, ты понимаешь, что тобой руководит мщение за умерших.

— Спасибо, Оракул. Но это не поможет мне с вопросом, не так ли?

— Что ты жаждешь понять?

— Я хочу знать, прав ли был Икар. Действительно ли Лиходей вошел в дом миссис Долиш. И как я могу воспользоваться возможностью что-то изменить. Большую часть своей взрослой жизни я посвятила этим усилиям и не хочу провалиться сама или подвести мертвых, которые на меня рассчитывают.

— Я уверена, что как минимум одна живая душа от этого выиграет, — ласково сказала Оракул.

— Думаю, от этого выиграет весь магический мир. Но я не в состоянии назвать кого-то одного.

— Как насчет Уэста? — спросила Фэрфакс. — Если мы выясним, кто стоит за его похищением, это может ему помочь.

Лицо миссис Хэнкок скривилось от смертельной нерешительности. Тит понял ее нежелание — если у нее лишь один вопрос, то Уэст выглядит слишком незначительной

фигурой, чтобы занимать центральное место.

— Есть другая возможность, — вмешался Тит. — Спросите Оракула, как вы можете помочь тому, кто больше всех нуждается в вашей помощи.

Именно так поступила Фэрфакс прошлой весной. Он думал, что она спрашивает о своем опекуне, и лишь позже узнал, как звучал вопрос.

«Помоги мне помочь тому, кто нуждается в этом больше всего».

И полученный ответ спас Тита.

Миссис Хэнкок поколебалась еще минуту. И наконец, стиснув зубы, произнесла:

— Должно быть, есть кто-то, кому я способна помочь, даже если не могу назвать его или ее. Скажи, как.

Воды бассейна превратились в яркое зеркало. Когда Оракул заговорила, твердые звучные слова будто исходили из самой земли под ногами:

— Если желаешь спасти запасных, уничтожь то, что осталось от Лиходея.

Миссис Хэнкок оглянулась, всем своим видом выражая непонимание.

— Поблагодарите ее, — одними губами показал Тит.

Она сделала это подавленным тоном.

Вода заколебалась, пошла паром, а затем вновь превратилась в милый пруд. Оракул устало сказала:

— Прощай, Гайа Архимедес. И да, ты видела ее прежде.

* * *

— Что имела в виду Оракул, говоря: «Ты видела ее прежде»? — спросила Иоланта, когда они вернулись в комнату.

— Думаю, эту книгу, — ответила миссис Хэнкок. — Но, конечно, я видела ее много раз. Принц годами хранил ее в своей комнате, а мне периодически требовалось устраивать там проверки и в порядке выполнения обязанностей у миссис Долиш, и в качестве соглядатая Атлантиды.

— Что осталось от Лиходея, — пробормотал Кашкари. — Что осталось от Лиходея. Чего ему не хватает?

— Души. — Миссис Хэнкок не спрашивала, а утверждала. — Говорят, у того, кто занимается жертвенной магией, не остается души.

— Похоже, Лиходей не слишком-то печется о своей душе, — заметила Иоланта.

— Возможно, и печется. Может, он начал беспокоиться о душе, когда стало уже слишком поздно, — отозвался Тит. — И твердо настроен на продление своей жизни любыми доступными средствами, чтобы не выяснять, что происходит после смерти с человеком, лишенным души.

Иногда Иоланта забывала, как много он думает о жизни и смерти.

— А что, по-вашему, она подразумевала под запасными? — спросила миссис Хэнкок. — И почему мы должны хотеть их спасти?

— Не знаю, почему, — заговорил Кашкари, — но я все думаю о той книге о докторе Франкенштейне. Кто-то из вас ее читал?

Все покачали головами. Иоланта вспомнила, что Кашкари держал при себе упомянутый роман в тот день, когда Уинтервейл устроил смерч.

— Это об ученом, который собрал чудовище из частей человеческих тел, — продолжал

Кашкари.

В голове будто бы закрутились колесики.

— Уэста разберут на запасные части?

Тит уставился на Иолу:

— Думаешь, «запасные» относится к Уэсту?

— Это имеет смысл, правда? Если тебе нужны части, не хотел бы ты, чтобы они выглядели твоими, а не чьи... — Охваченная удивлением и ужасом, она схватилась за край камина, прежде чем смогла продолжить: — Запасные. Запасные! Защити меня Фортуна. Думаешь, так он... Так он...

Тит выглядел столь же пораженным:

— Да. Должно быть, так.

— Что должно быть? — едва ли не прошептала миссис Хэнкок.

— Должно быть, так он воскресает.

Кашкари рухнул в кресло:

— До нас доходили слухи, но я никогда в них не верил.

— Я никогда не слышала подобных разговоров, — потрясенно сказала миссис Хэнкок. — Почему я их не слышала?

— Полагаю, Лиходей делал все возможное, чтобы до его людей такое не долетало. Ничего, даже отдаленно связанного с жертвенной магией, которая разрушила бы законность его правления.

Иоланта вновь обрела голос:

— Вот почему забрали Уэста. Не для того, чтобы разобрать по частям, но чтобы использовать целиком. — Она повернулась к Титу: — Помнишь, что говорили в Цитадели, когда Лиходей воскрес прошлым летом? Говорили, будто он вернулся более молодым и крепким, чем прежде.

— Потому что он вернулся в другом, но похожем теле, — согласился Тит. — Именно так он смог воскреснуть на следующий день после того, как на Кавказе взорвали его мозги, и выглядеть невредимым.

— Забрать чужое тело целиком — это страшная власть. Вы слышали о других подобных примерах? — слабым голосом спросила миссис Хэнкок.

Кашкари покачал головой:

— Только в сказках.

— Значит, мы должны беспокоиться не о первом разе, когда Уэст вошел в дом миссис Долиш, а о следующем, — заметила Иоланта.

— Что ты имеешь в виду?

— В следующий раз, когда мы его увидим, это вполне может быть Лиходей, использующий тело Уэста.

Повисло молчание.

— Интересно, сколько времени занимает у Лиходея подготовка тела к использованию? — пробормотал Кашкари.

— Такое должно быть контакт-зависимым, — откликнулась Иоланта. — По крайней мере семьдесят два часа.

— Предположим худшее, — сказал Тит. — Предположим, что он вернется завтра.

Миссис Хэнкок заскулила, точно раненое животное:

— Что мы можем сделать? Сразу напасть на него?

Тит покачал головой:

— Бесплезно. Сейчас все мы знаем, что Лиходея можно уничтожить только в логовище, где находится его изначальное тело. Если мои сведения о жертвенной магии хоть в чем-то верны, то принося в жертву другого мага, Лиходей должен также пожертвовать чем-то своим. Именно поэтому он всегда ищет самого сильного стихийника — раз уж ему приходится отдавать часть себя, он старается извлечь из этого максимум. И я догадываюсь, что его выгода от убийства действительно феноменального мага должна быть в разы выше получаемого от более ординарных жертв.

— Откуда он может знать это наверняка? — недоумевал Кашкари. — Моего дядю убили прежде, чем Лиходей смог до него добраться. Девушка, вызвавшая молнию, по-прежнему избегает его лап, насколько всем известно. До них веками не появлялись великие маги стихий.

— Один был при жизни Лиходея, и наверняка в самой Атлантиде, — ответила Иоланта. — Я недавно просматривала старую книгу путешествий. В те времена, когда еще любой мог посетить Атлантиду, какие-то странники по пути туда наткнулись на невероятный водоворот. Лишь сильнейший стихийник мог создать воронку, которая существует почти два века спустя. Но я о таком никогда не слышала. Кто-то сомневается, что этот бедный чародей оказался первой жертвой Лиходея?

— И возможно, убив его, тот долгое время не нуждался в новых жертвоприношениях — ведь первое оказалось очень сильным, — добавил Кашкари. — А потом, когда эффект начал таять...

Тит кивнул:

— В любом случае, Лиходей здесь, поскольку отчаянно нуждается в следующем великом маге стихий — у него есть ограниченное количество частей тела, которые можно отдать, прежде чем он исчезнет. И наша задача — удостовериться, что он никогда не поймает этого мага.

— Но мы даже не знаем, где эта девушка с молниями.

— Не девушка с молниями, — поправил Тит. — Уинтервейл.

— Что? — одновременно вскрикнули Кашкари и миссис Хэнкок.

Тит кратко описал видение матери и затем воплощение этого видения в доме дяди Сазерленда.

На лицо Кашкари снизошел почти блаженный свет.

— Наконец-то! Я годами раздумывал об истинной цели, с которой защищаю Уинтервейла. Мы должны забрать его и уйти. Сейчас же.

— Ты можешь это сделать, — согласился Тит, — а я, к сожалению, нет. Я должен отчитываться о своем местонахождении каждые сутки. Если пропаду на семьдесят два часа, на трон посадят кого-нибудь другого. Так что я могу уйти лишь в самую последнюю минуту.

— И я, — добавила миссис Хэнкок. — Иначе мои надзиратели немедленно узнают, что что-то не так.

— А я уже говорил парням, что уезжаю в Америку, — вступила Иоланта. — Мой отъезд никого не удивит. Так что, если вам нужно, я могу забрать Уинтервейла в безопасное место.

— Ты можешь использовать мой запасной ковер, если не хочешь путешествовать немагическими средствами, — предложил Кашкари. — Он способен переносить более десяти пудов, пролетает около двухсот верст в час и может не касаться земли на протяжении восьмисот верст.

— Подождите минутку, — вмешалась миссис Хэнкок. — Почему Уинтервейл не участвует в наших обсуждениях?

Кашкари взглянул на Тита:

— Не знаю, каковы причины принца, но я назову свои. Через три недели после нашей встречи Уинтервейл показал мне фокус. Он сложил ладони, а когда раскрыл их, в воздухе повис крошечный язычок пламени. Он показал этот фокус не мне одному — уверен, его видела половина учеников с этого этажа, то есть, как минимум все, кто играет в крикет. После этого я пережил легкое потрясение. Я проехал тысячи верст, оставил семью, чтобы защищать этого мальчишку? Того, кто беспрестанно рисуется перед немагами, поскольку отчаянно нуждается в одобрении и восхищении? Поймите меня правильно. Мне очень нравится Уинтервейл, но я не думаю, что он сильно изменился за годы нашего знакомства, и не рискну доверить ему то, что надо сохранить в тайне.

— Значит, вы планируете забрать Уинтервейла в последнюю секунду, ничего ему не говоря? — с сомнением уточнила миссис Хэнкок.

— Его мать здесь, но не хочет, чтобы он об этом знал, — заметил Тит. — Мы все должны проявлять ту же осторожность.

На этом он закрыл тему.

* * *

Едва миссис Хэнкок и Кашкари ушли, Тит обнял Иоланту, и она прижалась к нему крепче.

— Боишься?

— Цепенею от ужаса.

— Я тоже, — призналась она.

После разоблачений этого вечера в голове царила неразбериха. Хотелось лечь в постель и ненадолго забыться, но Иола боялась, что если действительно заснет, то, случись что посреди ночи, ее застанут врасплох.

— И подумать только, именно миссис Хэнкок ответственна за твоё обучение вне Державы, в этой немагической школе, — продолжала она. — Правду говорят о причудливом сплетении нитей Фортуны.

— Ты оказалась права, наши с Лиходеем жизни всегда были тесно связаны. — Тит выдохнул. — Но что, если мы не справимся?

— Скорее всего. Ты это знаешь. Как и я — и все другие маги, когда-либо поднимавшие палочку против Атлантиды. — Иоланта поцеловала его в щеку. — Так что забудь об этом, и давай сосредоточимся на том, что нужно сделать.

Тит медленно кивнул:

— Ты права. Опять.

Она поставила чайник на очаг. Вряд ли они выспятся этой ночью, можно и чаю попить.

— В прошлый раз Атлантида установила вокруг школы закрытую для скачков зону и легко может это повторить. Только теперь у нас не будет портала в шкафу Уинтервейла.

— Но у нас есть несколько ковров: два у Кашкари, один у меня. Этого хватит, чтобы всех перевезти. Горнило в случае крайней необходимости может действовать как портал. Не говоря о том, что у тебя есть скачкозаменитель.

— Дай вершины Уинтервейлу. — Они должны пробыть в контакте с телом три дня,

иначе не работают. — Перенести его будет сложнее всех — гораздо лучше, если он сможет сам ими воспользоваться.

Тит открыл шкаф Иоланты и вынул жестянку с чаем.

— Хорошо. Уверен, я придумаю, что ему сказать, не выдавая всего.

И вновь это недоверие к Уинтервейлу.

— Твое суждение не может быть затуманено долгим знакомством с ним? Я чувствую, что после шторма он стал гораздо сдержаннее и скромнее.

— Вполне возможно, что я испытываю предубеждение против старого Уинтервейла, а не против нового. Но вспомни, его никто не ищет, зато все агенты Атлантиды по-прежнему ищут тебя.

Тит говорил это уже несколько раз, и Иоланта всегда принимала сказанное без вопросов. Но сейчас засомневалась.

— Ты уверен, что Уинтервейла не ищут? Он потопил атлантический корабль. Даже если никто на борту не отправил сигнал бедствия и не выжил, чтобы рассказать о произошедшем, неужели Атлантида не станет расследовать исчезновение судна?

— Далберт приглядывает за ситуацией. Он ничего не слышал о «Морском волке».

На ум пришел недавний разговор с Купером. Тот неправильно скопировал слово. Что, если и Иоланта неверно прочитала название корабля? В конце концов, греческий всегда ее поражал.

— Возможно, я ошиблась в названии. Можешь спросить у Далберта, нет ли новостей о судне «Свирепом»?

Написанные заглавными буквами, слова «ΛΑΒΡΑΞ» («морской волк») и «ΛΑΒΡΟΣ» («свирепый») были достаточно похожи, чтобы вызвать путаницу.

— Спрошу сегодня же, — согласился Тит.

— Только выпей до ухода чаю.

Иоланта добавила дров в очаг, чтобы вода быстрее закипела. А когда Тит обнял ее со спины, положила голову ему на плечо.

— Почему мне кажется, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля?

— Наверное, потому что так и есть. — Он поцеловал ее в висок. — Отчасти мне хочется, чтобы ты была далеко, вне опасности и безумия. И все же я безмерно благодарен, что ты по-прежнему останешься здесь, со мной, когда развернется ад.

Пустыня Сахара

Посреди пустыни вздымалась крутая гора. Тит с Иолантой словно летели напрямиком в нее, однако ковер впереди вдруг исчез. Иоланта вцепилась в ткань, и они стремглав ворвались в узкую расщелину. Судя по тому, как дальше ковер принялся выписывать зигзаги, проход изгибался — хотя в крошечной тьме Иола могла лишь догадываться о маршруте.

— Как ты им управляешь? Разве тебе что-то видно?

— Я не управляю, — отозвался Тит. — Ковер сам знает местность.

Внезапно туннель расширился, превращаясь в подобие пещеры, залитой ярким теплым светом. В ее стенах были вырезаны сотни пещер и ниш поменьше, но Иоланта не заметила лестниц или ступеней, чтобы к ним подобраться. И тут ей на ум пришло, что у всех, кто жил в лагере повстанцев, скорее всего, имелись ковры.

Половину пещеры отвели под огороды: зеленые, покрытые листвой башни поднимались практически до потолка и размещались таким образом, чтобы получать максимальное количество света и не отбрасывать друг на друга тень. В другой части изготавливались и обслуживались ковры-самолеты. И несмотря на поздний час, по крайней мере сто магов были при деле: одни собирали овощи и фрукты, а другие либо ткали за станками новые ковры, либо ремонтировали старые и потертые.

Тит с Иолантой приземлились на большой выступ метрах в шести над полом пещеры. На платформе их ждала невероятно красивая молодая женщина в простой бежевой тунике и подходящих по цвету брюках.

Незнакомка обняла юношу, нашедшего их в пустыне:

— Рада, что с тобой все в порядке. К сожалению, твоего брата здесь нет, но не стоит беспокоиться — с ним все хорошо. Он принимал участие в облаве на базу атлантов, и в случае, если Атлантида у них на хвосте, его группа не вернется еще как минимум дней пять.

Юноша повернулся к Титу и Иоланте:

— Позвольте представить Амару, командира базы и мою будущую невестку.

Иоланта уловила странные мрачные нотки в его тоне и перевела взгляд на Амару.

— Здесь она также известна как Богиня Дурга, — продолжил их спаситель, — у нас принято брать позывные на время войны. Возможно, вы слышали, как другие называли меня Вришика, но для вас я по-прежнему Кашкари.

Вот и имя его выяснилось.

Тит с серьезным видом кивнул Амаре:

— Рад знакомству.

— Благодарим, что почтили нас своим присутствием, ваше высочество. И вы, мисс Сибурн. — Она улыбнулась, практически ослепив Иоланту своей красотой. — Ваше высочество, вы наконец решили оставить мисс Сибурн под нашей защитой?

— Нет, — решительно отрезал Тит. — Мы не станем долго злоупотреблять вашим гостеприимством — близость Атлантиды не способствует комфорту. Если у вас есть переместитель, мы бы хотели им воспользоваться, особенно если он настроен на крупный немагический город или его окрестности.

Иоланта была полностью согласна, в толпе спрятаться намного легче. Изначально она

думала о Каире, но даже Хартум с его политической нестабильностью — замечательный вариант.

— У нас два переместителя, но, к сожалению, уже три дня ни один из них не работает.

— Ты уверена, что Атлантида нас не нашла? — заволновался Кашкари.

По лицу Амары пробежала тень.

— Мы задаем себе тот же вопрос, но пока все выглядит нормально.

— Тогда, может, вы одолжите нам быстрый ковер, зачарованный на дальние перелеты?

Нам надо немедленно улететь — Лиходей в Сахаре.

Заявление Тита вызвало у присутствующих легкий шок.

— Почему вы мне раньше не сказали? — требовательно спросил Кашкари.

— Я собиралась, — ответила Иоланта, — но мы понятия не имели, кто т...

— Богиня Дурга! — Подлетевшая на ковре Ишана едва не сбила Иолу с ног. — Экипаж поддержки нашел следящую метку в третьем оазисе.

— Что? — закричала Амара. — Как такое могло случиться? Вы же говорили, что ни с кем там не сталкивались!

— Так и есть. Никто не посещал оазис кроме его высочества и мисс Сибурн.

Тит выругался:

— Песчаная виверна. Тогда мы еще не знали, что на ней остались следилки. Наверное, одна спала, когда дракон задел финиковые пальмы.

Иоланта схватила его за руку:

— Тогда Атлантида решит, что мы здесь — а ведь так и есть.

— Давайте возьмем новые ковры и я провожу вас в Луксор, — предложил Кашкари. — Если вылетим прямо сейчас, то к полудню доберемся.

Ишана спустила их вниз, к месту, где хранились новые ковры. И ни один из них не напоминал обычный — толстый и пушистый. Все ковры, свисавшие со стальных прутьев, больше походили на одеяла для пикника, полотенца или занавески — даже на плащи.

Ишана остановилась перед стойкой с теми, что выглядели точно как простыни.

— Самое лучшее, что у нас есть. Эти ковры могут пролететь полторы тысячи верст, развивая скорость более двухсот верст в час и с грузом до пятнадцати пудов.

— Нужны самые неприметные, — сказал Кашкари. — На случай, если база захвачена.

Ишана нервно выдохнула, очевидно расстроенная одной только мыслью о подобном.

— Да, ты прав. Тогда лучше возьми эти — рассчитаны верст на тысячу, выдержат пять пудов, ну и летят чуть медленнее.

— Ты сможешь сама управлять ковром? — спросил Тит Иоланту.

— Я повелеваю воздухом, так что справлюсь.

Вдруг пещеру заполнил бой барабанов и раздался приятный женский голос:

— Всем наездникам явиться к командиру эскадрильи. Бронированные колесницы на горизонте. Виверны на горизонте. Линдвормы на горизонте.

Линдвормы — самые крупные из летающих драконов, не слишком быстрые, но свирепые. Иоланта полагала, что их невозможно приручить, но, кажется, Атлантиде нравилось привносить нечто новое в животноводство.

Позади них пронесся вниз и остановился другой ковер — прибыла взбудораженная Шулини.

— Ваше высочество, Богиня Дурга просит вас и всех остальных пройти со мной — вы должны это увидеть.

Они поднялись вслед за нею до потолка пещеры и помчались по расщелине, что вела в закручивающийся кверху туннель. Воздух становился все холоднее и холоднее, пока они внезапно не очутились под открытым небом.

— Смотрите! Смотрите! — закричала Шулини.

Иоланта не видела ничего необычного и даже задумалась на мгновение, не стоит ли воспользоваться заклинанием дальнорукости, но вдруг уловила еле заметное движение на краю неба. Искривление воздуха, отчего звезды тоже искажались и мигали. Приглядевшись, Иоланта поняла, что искажение напоминает огромное и несколько неровное кольцо, обхватывающее все вокруг и быстро приближающееся к земле.

— Защити меня Фортуна, — выдохнул Тит. — Стеклянный колпак!

Стекло́нный колпак — оружие осады. Почти такое же древнее, как и заговоренные копьа. Но разбить его, попав внутрь, практически невозможно.

— Быстрее! — выкрикнул Кашкари. — Мы можем успеть спасти Фэрфакс.

Как будто услышав его, на них обрушился стеклянный купол.

— Поздно, — процедил Тит сквозь стиснутые зубы.

И тут прогремел зычный мужской голос:

— Лорд главнокомандующий великого мира Новой Атлантиды ищет беглянку Иоланту Сибурн. Выдайте ее и сохраните жизни остальным.

Тит стиснул руку Иоланты:

— Тебя никто не обидит.

Она пожала его ладонь в ответ:

— Меня не так-то просто обидеть.

И все же внутренности сковал страх.

Ишана посадила ковер на вершину горы, вздымавшейся из песков пустыни. Амара уже была здесь, рассматривала колпак.

— Кажется, нас поставили перед выбором, — спокойно заметила она.

— Отнюдь, — возразил Кашкари, хотя Иоланта ожидала услышать это от Тита. — Мы не отдадим ее Лиходею, даже если придется заплатить десятками жизней наших людей.

— Конечно, — согласилась Амара. — Отдать ее — значит погубить все. Но нас мало, а мощь Антлантиды неизмерима. И несмотря на все наши усилия, Лиходей все равно может ее забрать.

Еще больше удивив Иоланту, Кашкари решительно заступил Амаре дорогу:

— Даже не думай.

— Мы находимся в состоянии войны, друг мой. И я должна быть готова ко всему.

— Тогда подумай и отбрось эту идею.

И тут Иоланту наконец осенило: они обсуждали ее убийство — только так Лиходей не получит желаемого. И судя по тому, как крепко Тит сжимал ее руку, он тоже это понял.

— Мохандас, я знаю, что случилось с твоим дядей, — сказала Амара. — Но эта трагедия помогла избежать худшего — Лиходей не стал непобедимым.

Кашкари достал свою палочку:

— И что в итоге? Непобедимый или нет, Лиходей, как и много лет назад, по-прежнему при власти.

— Но если бы семья твоего дяди поступила иначе...

— ...то, вероятно, мы жили бы совсем в другом мире. Помощь пришла вскоре после того, как дядю убили — вижу, ты этого не знала? Даже мой брат не в курсе. Если бы только

все не отчаялись преждевременно, дяде, возможно, удалось бы достичь величия и сыграть важную роль в более решающих битвах десятки лет назад. — Кашкари глубоко вздохнул. — Кроме того, мне уже приснилось будущее: моя подруга приблизится к дворцу главнокомандующего сама, без чьей-либо помощи и по собственной воле — дабы покончить с Лиходеем и не стать следующей жертвой в его кровавых ритуалах. Значит, сегодня она перехитрит Лиходея и сумеет не только выжить, но и остаться свободной.

У Иоланты отвисла челюсть. Чтоб она добровольно пошла во дворец главнокомандующего? И почему Кашкари представляет простой сон так, будто тот что-то значит?

Но это явно заставило Амару задуматься.

— Ты уверен в своем видении?

— Несомненно. И поверь, наше сопротивление Лиходею принесет мало пользы, если мы не сможем ударить прямо в логово.

— Хорошо, Мохандас. — Она сжала плечо Кашкари. — Мне пора вниз — созывать всех наездников. Позаботься о наших гостях.

И улетела вместе с Ишаной и Шулини, оставив Кашкари, Тита и Иоланту на вершине горы.

— Это правда? То, что ты сказал о Фэрфакс и своем дяде? — В голосе Тита слышалось сомнение.

— Нет, я все придумал.

— О, — только и произнесла Иоланта.

Она не верила Кашкари безоговорочно, но он казался таким пылким и убежденным в своей правоте, и ей очень хотелось, чтобы все сказанное им оказалось правдой.

— По крайней мере, сейчас вы в безопасности. — Кашкари прижал руку к груди. — Последний раз мое сердце так колотилось лишь во время тех событий с Уинтервейлом.

Иоланта и Тит переглянулись.

— Мне очень неловко, но придется признаться: мы с его высочеством находимся под действием заклинания памяти и не помним ничего, что было до пустыни, — сказала Иоланта.

— Да ладно! — воскликнул Кашкари и перевел взгляд с одного на другую и обратно. — Как можно забыть об Уинтервейле?

Тит с Иолой дружно пожали плечами.

— Просто невероятно, — задохнулся Кашкари. — Вы что, действительно все забыли?

Англия

Следующим днем было воскресенье с обязательной для всех утренней службой.

Впечатляющего вида часовня Итона уже не вмещала всех учеников. Обычно старшие занимали скамьи, а младшим приходилось стоять за ними, в проходах и даже снаружи за открытой дверью. Сегодня Тит и Фэрфакс намеренно устроились в толпе сзади и, пока никто не заметил, ускользнули.

Фэрфакс отправилась к леди Уинтервейл, решив, мол, та должна знать, что ее сын скоро покинет школу. Тит же вернулся в лабораторию, дабы в последний раз посмотреть, не добавит ли чего-нибудь в сумку для экстренных случаев.

Он проверил мешочек в почти пустом ящике — лекарства, взятые из лаборатории для Уинтервейла, когда состояние кузена внезапно ухудшилось в тот день в доме дяди Сазерленда. К сожалению, от всего предложенного Титом пациенту становилось лишь хуже, а последнее средство вообще вызвало судороги, которые удалось подавить лишь двойной дозой панацеи.

Обычно Тит не бросал лекарства как попало. Но в ту ночь он вернулся в лабораторию в состоянии полнейшего отчаяния. И вместо того, чтобы убрать их на место, сунул в первый попавшийся ящик с глаз долой.

Сейчас же, когда они с Фэрфакс залатали трещину в отношениях, причин избегать напоминаний не осталось. Тит выдвинул ящик со средствами для живота и принялся расставлять по местам пузырьки из мешка. *«Головокружение»*. *«Аппендицит»*. *«Разлитие желчи»*. *«Рвота инфекционной природы»*. *«Воспаление слизистой желудка»*.

А вот и то, что вызвало судороги. *«Изгнание инородного»*. Тит повертел флакон в пальцах, потряхнул головой, вспоминая о поднявшейся суматохе.

И застыл. Он выбрал лекарство, думая, что оно поможет быстрее выгнать из организма вредные субстанции, но таково назначение средства под названием *«Извлечение инородного»*. *«Изгнание»* же, со своей стороны, позволяет избавиться от паразитов и тому подобному.

Верно?

Тит вытащил толстый фармакологический справочник и прочел:

«Изгнание инородного. Старинное средство, ныне мало распространенное. Подходит для очистки от паразитов. Может быть использовано для извлечения проглоченных предметов и объектов, застрявших в различных отверстиях организма. Способно помочь в разоблачении нематериального вторжения».

Что, полымя его возьми, означает «нематериальное вторжение»?

Тит хотел это проверить, но сигнал карманных часов напомнил, что утренняя служба вот-вот закончится. Кашкари приведет Уинтервейла обратно в пансион миссис Долиш, и нужно будет дать последнему вершины скачкозамениителя, чтобы он носил их на себе, и рассказать ему о грозящей страшной опасности — без подробностей, но впечатляюще.

Сделав себе зарубку на память, чтобы узнать позже о нематериальном вторжении, Тит покинул лабораторию.

— События развиваются так быстро — мы не знаем, что произойдет в ближайший час. Или даже в следующую минуту. — Иоланта сидела в гостиной Виндзорского замка, приспособленной леди Уинтервейл для собственных нужд. — Похоже, довольно скоро нам придется забрать вашего сына из школы ради его безопасности. Я подумала, вы захотите об этом узнать.

Леди Уинтервейл взглянула в окно на Итон, стоящий на другом берегу Темзы:

— Имеешь в виду, я не увижу его очень долго, а может, и никогда? — Голос ее звучал отстраненно.

— Вполне возможно.

Иоланта ждала, что леди Уинтервейл заявит о своих родительских правах, что-то вроде «если Ли должен покинуть школу, то он вполне может остаться под защитой матери». Но та лишь продолжала смотреть в окно.

— Вы бы хотели увидеть сына до отъезда? Мы проверим, чтобы никто не отследил его перемещение к вам. И полагаю, он никому не скажет о вашем местонахождении. В последнее время он более осмотрителен — во всяком случае, сохраняет в тайне тот факт, что стал великим магом стихий.

Леди Уинтервейл стиснула пальцы и вновь не ответила.

Иоланта считала часы до того момента, как они с Титом закончат все приготовления и принц доставит ее в Париж к учителю Хейвуду, который, верно, жаждет новостей. После этого неизвестно, когда они встретятся вновь. И встретятся ли.

И намерение леди Уинтервейл держать своего ребенка на расстоянии казалось бессмысленным.

— Могу я спросить, мэм, почему вы не хотите видеть сына?

Леди Уинтервейл перешла к другому окну, сглотнула, но снова промолчала. На фоне насыщенного красного портьер она выглядела призрачно-бледной.

Недоумение Иоланты сменилось тревогой. Чувствовалось, что леди Уинтервейл боится.

— Пожалуйста, миледи, умоляю вас. Если вы знаете что-то важное, не молчите. На кону стоят жизни, множество жизней.

— Думаешь, я этого не знаю? — огрызнулась леди Уинтервейл.

Но ничего не произошло. После томительной, нескончаемой паузы Иоланте пришлось признать, что большего она не добьется.

— Спасибо, что встретились со мной, мэм. Да пребудет с вами Фортуна.

Однако стоило подняться, леди Уинтервейл сказала:

— Подожди.

Иоланта вновь села. К напряжению примешался страх.

Прошла еще минута, прежде чем леди Уинтервейл наконец проговорила:

— Во время последнего путешествия я потеряла Ли.

Иоланта моргнула:

— Я не совсем понимаю.

— Изгнанники создали собственную сеть сообщений между общинами. Но с весны Атлантида активно вмешивалась в работу этой сети. К началу сентября, когда мы с Ли двинулись в путь, в Лондоне не осталось ни одного действующего переместителя. Нам пришлось выбирать между летучими коврами и плаванием на пароходе через Ла-Манш. Ли

не любит ни то, ни другое. Но в наши дни существуют отличные средства от морской болезни, и он предпочел пароход. Уложив сына в кровать — лекарство позволяло ему проспать все плавание, — я вышла наверх подышать воздухом, поскольку люблю океанские путешествия. Когда пароход пристал в Кале, я пришла его разбудить. Но Ли в каюте не было, исчез и его чемодан. Я подумала, что мы разминулись и он ищет меня на палубе. Но нет, там его тоже не было. Не ждал он и на берегу. Я призвала на помощь команду парохода и людей в гавани, однако никто не смог его найти. Я принялась отчаянно писать в двустороннем блокноте — Ли не ответил. Наконец я отправилась на железнодорожную станцию, и там кто-то вспомнил, что подходящий под описание юноша покупал билет до Гренобля. Я немедленно двинулась в Гренобль, расспрашивая на всех станциях по пути. А когда добралась туда, побывала во всех мыслимых и немыслимых местах проживания, но безрезультатно. Не зная, что делать дальше, я вернулась домой. Лишь для того, чтобы получить телеграмму от Ли из Гренобля с вопросом, где я. И тут же поспешила обратно и нашла его там в целостности и сохранности. Он сказал, будто не смог найти меня на пароходе, решил, что я поторопилась сесть на поезд, и бросился на железнодорожную станцию. И лишь в Париже, где должен был сделать пересадку, понял свою ошибку и вернулся в Кале. А там узнал, что я действительно отправилась в Гренобль. Так что он снова поехал в Гренобль и, вероятно, добрался туда уже после того, как я направилась домой. При виде его я пережила невероятное облегчение. Последующие события ты уже знаешь. В Северном море наш корабль преследовала Атлантида. У Ли не оказалось при себе ковра, как и двустороннего блокнота. Поэтому мне пришлось посадить его в спасательную шлюпку. Я собиралась плыть с ним, но на нас напали, и я не смогла сразу выбраться. Когда же удалось это сделать на ковре-самолете, меня преследовали всю дорогу до Франции. И поймали бы, кабы не сильнейший туман с канала. Лишь через несколько дней я добралась до Англии. Если и Ли сумел это сделать, он бы отправился или домой, или в Итон. Я не рискнула показаться дома и попробовала заглянуть в Итон. И обнаружила, что пансион миссис Долиш охраняется круглые сутки.

— Это атланты наблюдают за принцем, — сказала Иоланта.

— Я тоже так подумала. Но затем вспомнила, что мы с Ли расстались в этой поездке на семьдесят два часа.

Леди Уинтервейл взглянула на нее, словно на основании сказанного Иола должна придти к каким-то важным выводам.

— Не уверена, что улавливаю смысл ваших слов, мэм, — растерянно произнесла она.

— Я и сама в этом не уверена. И не знаю, хочу ли знать наверняка. — Леди Уинтервейл пересекла комнату и встала перед пылающим камином, словно замерзла под сквозняком от окон. — Но ты права. Мне надо повидаться с Ли. Возможно, это мой последний шанс.

Иоланта подождала продолжения, но леди Уинтервейл лишь махнула рукой:

— *Пожалуйста, оставь меня.*

Иоланта поспешила в лабораторию. Эта беседа ее глубоко встревожила, требовалось поговорить с Титом.

Того на месте не оказалось, но слышался стук печатного шара. Когда машина замерла, Иола вытащила послание.

«Ваше сиятельное высочество,

Относительно вашего запроса, касающегося атлантического военного корабля «Свирепый» — «ΛΑΒΡΟΣ» на греческом: подобное имя носило судно атлантической

прибрежной охраны. Судя по найденным мной записям, оно было списано три года назад и недавно превращено в лом.

*Ваш преданный слуга,
Далберт».*

Иоланта просмотрела сообщение во второй и в третий раз, испытывая все большее замешательство. Она никогда не слышала, чтобы Атлантида испытывала недостаток флота. Почему же в море отправили списанное судно, если есть множество действующих кораблей?

Она отправила послание Далберту: *«Можешь вновь подтвердить, что не существует атлантического корабля под названием «Морской волк»?»*

Ответ пришел немедленно:

«Ваше сиятельное высочество,

Подтверждаю, что ни военного, ни гражданского судна под названием «Морской волк» (или «ЛАВРАЭ», если пользоваться греческим языком) не существует.

*Ваш преданный слуга,
Далберт».*

В памяти что-то щелкнуло. Что она читала в той книге о путешествиях?

Иоланта вбежала в библиотеку и поспешила к стойке. Через несколько секунд книга была у нее в руках. Листающие страницы пальцы внезапно стали неуклюжими.

Почти два столетия назад туристы отправились в Атлантиду, чтобы увидеть снос обреченной плавучей гостиницы. И уничтожилась она не иначе, как отправкой в атлантический вихрь.

«Как бы ни было зрелищно само уничтожение, покидая Атлантиду, мы наткнулись в пути на гораздо менее приятные для глаз обломки гостиницы, ставшие мусором. Что ж, по крайней мере, в отличие от настоящей морской катастрофы, рядом с кусками остова и палубы не плавали мертвые тела».

В висках застучало. После исчезновения водоворота Иоланта осматривала море и тоже видела обломки, но не тела.

Если в водоворот попало списанное пустое судно, то между вовлеченными сторонами должен быть какой-то сговор. Значит, кто-то намеренно послал за Уинтервейлом старую бесполезную посудину, зная, что в какой-то момент она будет уничтожена, и не желая терять действующие корабли и людей.

Кто мог знать, что ее уничтожат? По словам и принца, и Кашкари, Уинтервейл был крайне слабым стихийным магом, едва способным развести огонь в камине. Кто мог заранее предсказать, что он запросто превратит атлантический корабль в щепки?

Иоланта прикусила губу и потянулась за сумкой для экстренных случаев.

* * *

С воскресной службы еще никто не вернулся — проповедь нередко затягивалась. Тит остановился посреди комнаты Фэрфакс и осмотрелся.

За годы до ее появления он украсил стены комнаты портретом королевы, открытками океанских лайнеров и видами Бечуаналенда, ее «родины». Фэрфакс заменила королеву Викторию светской красавицей и повесила новые занавески, но в остальном все осталось без изменений.

Взгляд Тита упал на фотографию Фэрфакс, где она совсем не походила на себя. Ту, что

она показывала мальчишкам в день, когда Сазерленд пригласил всех в дом своего дяди — кажется, невероятно давно.

Фэрфакс материализовалась рядом с сумкой для непредвиденных ситуаций через плечо. Тита пронзила тревога.

— Почему ты с сумкой? Что происходит?

— Что ты думаешь о моем зрении? — спросила Фэрфакс напряженным тоном.

Неожиданный вопрос.

— Оно безупречно. Теперь скажи мне, почему ты уже взяла сумку.

Она пропустила требование мимо ушей:

— Что ты думаешь о моем знании греческого?

Можно было бы заорать, добиваясь сначала ответа на свой вопрос, но это же Фэрфакс, она никогда ничего не делает без причины. Тит сдержался.

— Неплохое.

— Думаешь, я могла бы совершенно неправильно прочесть название потопленного Уинтервейлом корабля?

— Но ты же сама вчера сказала, что, возможно, прочла его неправильно.

— Спутала с похожим словом — во всяком случае, я так подумала. Может ли быть, чтобы настоящее название не имело ничего общего с увиденным мной?

— Все может быть. — Тит вспомнил нос корабля, кружившегося по внешнему краю воронки, прежде чем затонуть. — Но если ты обратила на него внимание еще до водоворота, для такой ошибки нет причин.

Фэрфакс стиснула его руку:

— Если я права в отношении названия корабля, то это должен быть или «Морской волк», или «Свирепый». Далберт подтвердил тебе — а сегодня и мне, — что не существует атлантического военного судна «Морской волк». Но «Свирепый» существовал и был списан три года назад. Когда я в тот день осматривала море, то не видела тел. Обломки, но никаких тел. Думаешь, возможно, что потонул пустой корабль? Что... — она сглотнула, — все это сделано напоказ?

Тит уставился на нее, ощущая, будто попал в огромную ловушку, слишком глубокую, чтобы сбежать.

— О чем ты?

— Точно не знаю и не уверена, что хочу знать. — Рука Фэрфакс взлетела к горлу. — Защити меня Фортуна, это почти то же, что сказала леди Уинтервейл.

— Что? Когда?

— Я только от леди Уинтервейл, и она сказала, что по пути в Гренобль они с сыном расстались больше, чем на семьдесят два часа.

Разговор о Лиходее еще оставался свеж в памяти, и в голове Тита громко зазвенел гонг: семьдесят два часа — это порог для самых сильных контактных заклинаний.

— Такое время требуется провести в прямом контакте с кем-то, чтобы... чтобы...

Семидесятидвухчасовое исчезновение.

А по возвращении юноша, едва способный зажечь свечу своей магией стихий, оказался достаточно силен, чтобы создать зрелищный водоворот.

Защити его Фортуна.

— Средство, которое я дал Уинтервейлу и которое вызвало у него судороги... Ты знаешь, что такое «нематериальное вторжение»?

Фэрфакс придушенно охнула:

— Я слышала об этом прежде. Коллега учителя Хейвуда изучал оккультизм. Ведь сказать, что кто-то подвергся нематериальному вторжению, — это более многословный способ назвать человека одержимым?

«Одержимым...»

— Защити нас всех Фортуна. — Она внезапно охрипла. — Ты дал Уинтервейлу экзорцистское средство?

В самом деле?

— *А что случится, если дать его по ошибке?*

— *Ничего. Именно так обнаруживали, одержим человек или притворяется. Подсыпали в еду средство, и если не было реакции, то это лишь игра. Но если у испытуемого начинались судороги...*

Они в ужасе смотрели друг на друга. Именно это произошло с Уинтервейлом.

А затем Тит в панике затолкнул ему в глотку королевскую дозу панацеи. Единственная цель панацеи — стабилизация всей системы. Лекарство остановило изгнание и все сражения, которые могло вести тело Уинтервейла в попытке избавиться от того, что им овладело.

Тит вспомнил сигнал бедствия, сообщивший ему о присутствии Уинтервейла. И слова Фэрфакс: *«На месте леди Уинтервейл я бы вывела из строя сигнал бедствия на спасательной шлюпке. Вероятно, это и позволило Атлантиде выследить Уинтервейла».*

А если сигнал намеренно снова включили, чтобы Тит наверняка все увидел?

Они уже пришли к заключению, что Лиходей способен «ездить» в других телах, похожих на его собственное. Кто может сказать, что он не в силах управлять телом, отличным от своего?

— Измеритель здоровья определил у Уинтервейла умственную нестабильность, — услышал Тит свой практически ровный голос. — Что, если это именно так и есть?

— И неспособность Уинтервейла ходить без помощи... Должно быть, она вызвана тем, что он совершенно не похож на управляемое им тело, — добавила Фэрфакс. — Вот почему до сих пор Лиходей использовал только похожие тела — вероятно, мозг не может настолько обмануть себя, чтобы все контролировать, если лицо выглядит иначе.

— И охрана возле дома миссис Долиш — ее не было в начале семестра. Стражники появились только после водоворота.

Их поставили не для того, чтобы наблюдать за Титом, как он считал, но для обеспечения безопасности кого-то другого.

Фэрфакс потянула за воротничок, словно он стал слишком тесным.

— Я всегда считала чудом, что Атлантида позволила тебе вернуться в школу в этом семестре. Не стоило.

Икар Халкедон был прав. Когда великая комета появилась и исчезла, Лиходей действительно вошел в пансион миссис Долиш. В теле Уинтервейла. А Уэст исчез, потому что, на свою беду, походил на Лиходея. И тот всегда мог использовать еще запасные части.

— Но я по-прежнему не понимаю, для чего все это, — продолжала Фэрфакс. — Чего Лиходей пытается добиться?

Тит схватил ее за плечи:

— Тебя, разве не видишь? Он не смог найти тебя раньше, и все эти трюки нужны, чтобы добраться до моего разума. Ведь в случае удачи ему открылись бы все мои секреты. После

случившегося в прошлый раз нет возможности подвергнуть меня новой инквизиции, не спровоцировав войну. Да и нет в его распоряжении сколько-нибудь сильного мага мысли после того, как я убил инквизитора. А обычные заклинания для контроля памяти или ума на меня не действуют, поскольку наследники дома Элберона с рождения защищены от подобных махинаций. Единственный способ для Лиходея проникнуть в мой мозг — контакт-зависимые заклинания.

Фэрфакс вздрогнула:

— Вот почему он всегда хотел, чтобы ты поддерживал его при ходьбе. И потому же напал на Кашкари с книгой и черепицей, ведь тот мешал его стремлению попытаться накопить достаточное время прямого контакта с тобой.

— Но он все еще не набрал это время. Так что пока я в безопасности. И ты тоже. И...

Дверь резко распахнулась. Тит чуть не проделал дыру в стене, прежде чем понял, что это всего лишь Кашкари.

— Я знаю, кто ты, — объявил индеец.

Фэрфакс пошатнулась, но быстро пришла в себя:

— Я уже говорил тебе, кто я. Я охранник принца.

Кашкари закрыл дверь.

— Ты девушка, вызвавшая молнию.

Тит заслонил Фэрфакс собой и вытянув палочку:

— Если ты...

— Конечно, нет. Я просто был в шоке и хотел знать наверняка.

— Ты ни с того ни с сего догадался? — резко спросил Тит. — И где Уинтервейл? Он здесь?

— Нет, он все еще болтается возле часовни — миссис Хэнкок за ним присматривает. А я угадал, потому что Робертс показывал фотографии, сделанные несколько недель назад.

— Кто такой Робертс? И что за фотографии?

— Игрок в крикет. Никогда не входил в одиннадцать. Хотел подделать фотографические доказательства для потомства, что был частью школьной команды. Я оказался на нескольких изображениях с краю, а рядом был кто-то, — Кашкари оглядел комнату и схватил фотографию Фэрфакс, где она не походила на себя, — с этим лицом. Сначала я не понял, что вижу. Я помнил, что в тот день рядом со мной сидел Фэрфакс. И он не мог так отличаться от себя. А потом я вспомнил снимок в его комнате. И вспомнил, что Атлантида затрудняется найти девушку, вызвавшую молнию, потому что ее изображение нельзя зарисовать или уловить как-то иначе. А еще Фэрфакс впервые прибыл в школу в тот день, когда девушка продемонстрировала свою силу.

Фэрфакс судорожно вздохнула.

Тит мгновенно ее обнял:

— Что такое?

— Уинтервейл. Раньше или позже кто-то покажет ему эти фотографии.

— И? — спросил Кашкари.

— Уинтервейл — это Лиходей. Или стал им с того дня, как появился в доме дяди Сазерленда.

Кашкари задрожал:

— Нет. Пожалуйста, нет.

Рядом материализовалась миссис Хэнкок. И заговорила прежде, чем кто-то успел

спросить, почему она не присматривает за Уинтервейлом:

— С Уинтервейлом что-то не так. Он рассматривал эти фотографии и вдруг принялся смеяться — и не мог остановиться.

— Уинтервейл — это Лиходей. А я та, кто вызвал молнию. Он пытался достичь контактного порога с принцем, чтобы выяснить, где я, — объяснила Фэрфакс. — Но фотографии, которые он рассматривал, показали, что я все время была у него под носом.

Миссис Хэнкок с трудом отступила на шаг:

— *Теперь я наконец поняла. — Она повернулась к Кашкари: — Оставайся рядом с Уинтервейлом, ты спас его. Его высочество, не Уинтервейла.*

Кашкари вытаращил глаза, словно громом пораженный.

— Мы должны идти, — сказал Тит Фэрфакс. — Сейчас же.

Она схватилась за сумку для экстренных случаев, уже висевшую на плече:

— Идем.

Но они не смогли перескочить. Вероятно, Лиходей пришел к тому же заключению, что и Кашкари. А раз он пробыл в Итоне довольно долго, то и закрытая для скачков зона была подготовлена уже давно. Требовался лишь приказ, чтобы ее задействовать.

Кашкари рванулся к окну:

— На ковре улететь тоже не получится. Снаружи бронированные колесницы.

Колесницы кружили в вышине, словно стая птиц. Но отважся Тит с Иолантой бежать на ковре, машины мгновенно бы спустились. И скорость у них выше, чем две сотни верст в час, доступные коври.

— Тогда скачкозаменитель, — предложила Фэрфакс.

— Прибережем его на крайний случай. А пока у нас есть это. — Тит положил на стол Горнило.

— Вам двоим лучше выйти из комнаты. — Фэрфакс посмотрела на Кашкари и миссис Хэнкок. — Вы еще не скомпрометированы. Лиходей не знает о нашей связи, так что вы можете остаться в безопасности.

— Мы еще встретимся? — спросил Кашкари.

Тит снял половину своего кулона и протянул ему:

— Будем надеяться.

Кашкари и миссис Хэнкок ушли. Тит и Фэрфакс положили ладони на Горнило — его поверх ее.

Тит начал читать пароль.

* * *

— Как далеко Запретный остров? — Иоланта попыталась перекричать свистевший в ушах ветер.

— В полутора сотнях верст, — отозвался Тит.

Значит, сорок пять минут пути.

Они тесно прижались к коври в метр шириной и полтора длиной. На такой скорости можно было путешествовать лишь одним способом: на животе, вцепившись руками в край ковра и пристегнувшись ремнем за пояс.

Глядя на пролетавшие внизу окрестности, Иоланта узнала Равнину Гигантов. А где-то на севере виднелась Бездна Бриги, едва различимая благодаря испарениям, что поднимались

из глубин рва и стелились по земле подобно туману в солнечном свете.

В Бездне Бриги тоже был портал, но он вел в потерянную копию Горнила, и Тит не хотел рисковать, не зная, где она находится. Так что они направлялись к Запретному острову, чтобы добраться до копии Горнила в монастыре, еще безопасном для властителя Державы.

— Подобрали бы для порталов истории попроще, — сказала Иоланта, прекрасно зная, что смысл труднодоступных мест в том, чтобы уменьшить вероятность преследования при перемещении из одной копии в другую. — Большого страшного волка я могу разорвать в клочья одной левой.

— Да и у семи гномов против меня никаких шансов, — парировал Тит, осторожно оглядываясь назад.

— Нас преследуют?

— Пока нет.

— Думаю, в школу нам уже не вернуться.

— Да, не вернуться.

Возможно, она видела мальчиков в последний раз. Иоланта надеялась, что Купер не забудет ее, когда дородным немолодым адвокатом будет возвращаться в школу на Четвертое июня, дабы отпраздновать воспоминания юности.

И Хейвуд. Иола держала в кармане одну из визиток с адресом в Вайоминге — если она не сможет сама попасть в Париж, то отправит карточку учителю, чтобы он ее не ждал и не беспокоился.

Она повернулась к Титу:

— Надеюсь, Кашкари и миссис...

Ковер резко закрутился вдоль длинной оси, и мир завертелся в тошнотворном калейдоскопе неба и земли. Иоланта закричала. Принц выругался и потянулся к уголку ковра. От внезапного рывка тот выровнялся — нижней стороной кверху. Но не остановился, а продолжал лететь на бешеной скорости. Иоланта не могла видеть небо, но, откинувшись назад, могла смотреть на землю, проносившуюся с головокружительной быстротой.

— На счет три! — закричал Тит. — Оттолкнись ногами и перебрось весь свой вес к голове. Раз, два, три!

Вдвоем им удалось перевернуть ковер. Наконец они оказались сверху, но ковер со свистом остановился — теперь они смотрели в противоположную сторону.

А оттуда верхом на собственном ковре приближался Лиходей в теле Уинтервейла.

К сожалению, он уже знал, как попасть в Горнило, когда оно используется как портал, и в школе остановить его было некому.

Ковер Тита и Иоланты завибрировал и начал движение. Они наклонились, перенося вес на одну сторону. Ковер выгнулся, поворачиваясь. Затем, под рев ветра, несколько раз перевернулся — и они бы упали, если бы не ремни безопасности.

— Не давай Лиходею играть с нами! — крикнул Тит.

Иоланта направила в преследователя молнию. Но та ударила лишь в щит, а Лиходей не пострадал. Иоланта вызвала еще несколько вспышек, разорвавшихся и зашипевших, словно в разгар грозы.

Лиходей легко и умело маневрировал между потоками электричества, уворачиваясь от нападения. И двигался слишком быстро. Он нагонит их раньше, чем они смогут достичь Запретного острова.

Иоланта сбросила несколько огромных огненных шаров, отчего земля внизу загорелась.

— Что ты делаешь? — заорал Тит.

— Заставляю его хотя бы пробиваться сквозь дым. Если бы только Уинтервейл страдал от астмы...

Едва она договорила, ковер отклонился к северу.

— *Куда мы летим?* — *пораженно спросила Иоланта.*

— *За астмой. Или, возможно, кое-чем получше.*

Время года в Горниле всегда соответствовало внешнему. На деревьях в саду не было цветов, фрукты тоже уже собрали. Вдалеке возвышался дом, по форме напоминавший плетеный улей: маленький у основания, раздувавшийся посередине и вновь сходящийся на конус вверху.

Тит приводил сюда Иоланту в самом начале их знакомства, прежде чем она научилась управлять воздухом. В этом доме принц пытался ее к этому принудить, и она почти утонула в меду.

Или, скорее, почувствовала, что тонет, но без реального риска: большую часть времени они использовали Горнило как площадку для тренировок, и ранения — даже смерть — здесь не отражались в мире снаружи.

Но сейчас Горнило использовали как портал, и правила изменились: ранения причиняли настоящий вред, а смерть становилась необратимой.

Они летели на малой высоте между рядами аккуратно подрезанных яблонь. Иоланта длинной веткой переворачивала ульи, освобождая полчища жужжащих возбужденных насекомых. Позади ковра пчелы сбивались вместе — потоки воздуха, словно рыболовная сеть, удерживали их в стороне от Тита и Иоланты.

Лиходей приближался. Иоланта разделила пчел на две группы и, заставляя их лететь понизу, направила на край сада.

Затем послала в Лиходея очередную молнию. И чтобы сильнее его отвлечь, ветром подняла мелкие ветки, подожгла их и швырнула в преследователя. А пчел затолкала еще дальше, туда, где их не видно.

Лиходей отмахивался от горящих ветвей, словно они были всего лишь спичками. И в отместку целиком выдирал деревья на их пути, заставляя Тита лететь выше, без прикрытия.

— Еще чуть-чуть, — почти неслышно заклинала Иоланта.

Тит вскрикнул и резко повернул налево. Что-то произошло так близко к голове Иоланты, что ее волосы взметнулись. Планка изгороди, чей треугольный наконечник на такой скорости мог и убить.

Одна доска мчалась на них сзади, другая — справа, третья — слева, а дерево, с корней которого еще сыпались комья грязи, взмыло в воздух и подлетело спереди.

Иоланта, едва не ослепнув, с криком вызвала еще молнию, расщепив дерево надвое, как раз вовремя, чтобы они могли пролететь через него.

— Пчелы готовы? — потребовал ответа Тит.

— Почти.

Земля поднялась и чуть не ударила ковер. Их окружил огромный огненный шар. Иоланта с трудом успела проделать в пламени дыру, сквозь которую они и выбрались. Ее куртка загорелась, но Иола быстро потушила огонь, и он не причинил вреда.

Сейчас или никогда.

Она оглянулась. Да, ей удалось поднять рой пчел на высоту ковра Лиходея. Самым

сильным воздушным течением, на какое была способна, Иоланта послала их к нему.

Лиходей рассмеялся, и вокруг него заструился огонь. Пчелы падали, как дождевые капли. Но Иоланта защитила небольшую часть полчища насекомых. Они миновали пламя и достигли цели.

Лиходей перестал смеяться и непонимающе уставился на свою ладонь, на которой сидела не одна, не две, а три пчелы. Ладонь распухла у Иоланты на глазах.

Лиходей схватился за горло. Ковер потерял высоту, налетел на ветки и свалился на землю.

Разум, контролировавший Уинтервейла, мог обладать невообразимой силой, но тело мальчика отличалось одним серьезным недостатком — аллергией на пчелиный яд.

Тит опустил ковер и покопался в сумке. Он приготовил для кузена противоядие на случай возможных пчелиных укусов и теперь достал небольшой ящичек с флаконами.

— Нет! — закричал кто-то. — Не помогай ему!

Леди Уинтервейл.

Она слезла с ковра и встала между своим сыном и Титом.

— Мы не можем смотреть, как он умирает! — возмутилась Иоланта.

— Вы способны хоть на мгновение поверить, что иначе Лиходей его оставит? Нет, пока есть шанс заставить вас думать, будто он снова стал Лиандром Уинтервейлом, Лиходей останется и продолжит уничтожать все вокруг.

Уинтервейл на земле подпрыгнул и забился в судорогах. Иоланта вздрогнула и уткнулась лицом в спину Тита. Но продолжала слышать, как Ли издает булькающие звуки, словно пытаясь говорить.

А потом наступила тишина.

— Нет, не считайте его мертвым, — предупредила леди Уинтервейл. — У вас есть инструменты?

Принц нашел измеритель здоровья и заклинанием левитации положил его на тело Уинтервейла. Кончик прибора загорелся зеленым.

Все трое одновременно выставили защиту: Тит для Иоланты, она для него, а леди Уинтервейл для них обоих. Даже при этом Тит отшатнулся и схватился за грудь.

— Со мной все в порядке, — сказал он, уже поднимая палочку, чтобы установить дополнительный щит.

Лиходей снова извернулся и уронил ладонь на горло. Зеленый огонек медленно стал темно-серым. Темно-серый превратился в красный.

Уинтервейл был мертв.

Леди Уинтервейл взяла ладонь сына в свою. Ее губы дрожали.

— У него была такая красивая душа, у моего Ли. Он волновался, что не станет великим человеком, как отец, но всегда был лучше него. — Она оглядела сад. — В детстве Ариадна иногда приводила меня сюда поиграть. Никогда не думала, что именно здесь мой сын встретит свой конец.

Тит опустился на колени и поцеловал Уинтервейла в лоб:

— Прощай, кузен. Ты спас нас всех.

В его глазах стояли слезы. Струились они и по щекам Иоланты. Уинтервейл, всю жизнь такой открытый, доверчивый и безыскусный, заставлял своих более циничных друзей хранить секреты при себе. И благодаря этому они защитились от Лиходея.

Тело Уинтервейла исчезло. Горнило не удерживает мертвецов.

— Вы хотите пойти с нами, мэм? — спросила Иоланта.

Леди Уинтервейл покачала головой:

— Нет, я здесь только из-за сына. Я похороню его, как должно. Пусть парит его душа.

— На крыльях ангелов, — вместе ответили Иоланта с Титом.

— Эти слова убивают меня, — наконец сквозь рыдания выдавила леди Уинтервейл, — но... И жили они долго и счастливо.

И тоже покинула Горнило.

Тит заметил, что одежда Иоланты порвалась в клочья. Она переделалась в пару туник из сумки, и они снова взмыли в воздух. Приближались новые преследователи на пегасах и драконах — должно быть, атланты обчистили конюшни в нескольких историях.

— Мы не успеем добраться до острова, — хмуро заметил Тит.

Значит, оставалась лишь Бездна Бриги.

Они спустились на край пропасти. Атланты отставали не более чем на полсотни метров. Густой туман, заполнявший провал, клубился и разлетался, затеняя все вокруг.

— Мы можем надеть противотуманные очки и проскочить через него? — спросила Иоланта на бегу ко входу в туннели, что вели на дно.

Тит сложил ковер и приторочил его к сумке, как показывал Кашкари. Ковер — на самом деле, парусиновое полотнище с карманами — сменил цвет в тон сумке.

— Я как-то пытался. Это не туман, и он совершенно непроницаем даже с очками.

Ступив на необычно пористый пол туннеля, Иоланта вздрогнула. Сквозь трещины в потолке проникал болезненный свет. Поверхность выглядела влажной. Слизкой.

— Ни к чему не прикасайся, — велел Тит, вкладывая ей в руку вершины скачкозаменителя.

Иоланта никогда здесь не тренировалась, но давным-давно читала историю Бездны Бриги. В этих туннелях жили безумные создания, не столько охраняя территорию, сколько просто охотясь на всех и все, сюда попадавшее.

Кто-то закричал. Тит и Иола на мгновение замерли, прислушиваясь. Вероятно, этот кто-то не знал, что нельзя касаться стен туннеля, содержащих разъедающие вещества.

Впереди по земле что-то скользнуло. Это могла быть маленькая змея — или отделяющаяся конечность безумного червя, посланная на разведку.

Сзади послышался еще крик.

— Глупцы, — чуть слышно пробормотала Иоланта, остро ощущая, что ранения и смерть здесь слишком реальны.

В этом году на праздники несколько атлантских семей недосчитаются любимых сыновей и дочерей. Никто из них не заслужил смерти из-за мании величия извращенного старика.

Мясистый червь, диаметром с поезд и почти такой же длины, прополз по поперечному туннелю. Иоланта схватила принца за руку и постаралась подавить рвотный позыв.

— Что-то идет за нами, — сказал Тит.

Но дорогу впереди уже закрыл скользкий монстр. И судя по всему, позади находился такой же. Тит и Иоланта, насколько хватило смелости, подкрались к перекрестку. Она не знала, что хуже: смотреть на огромную волосатую морщинистую тушу, скользкую впереди, или на голову с шестью парами многогранных отсвечивающих глаз, что быстро приближалась сзади.

Рот под глазами распахнулся. Зубов внутри не было. Пугающая, отвратительно мягкая

пасть истекала, казалось, бушелями черной слюны.

Иоланта в ужасе не отводила взгляда.

Тит рванул ее в поперечный туннель — другое существо (или, возможно, задняя часть этого) наконец прошло. Но их преследователь, несмотря на свою немалую скорость, сумел вовремя повернуть в тот же туннель.

Они побежали, увязая ботинками в пористой почве. И лишь для того, чтобы увидеть, как приближается другая дюжина глаз.

На этот раз перекрестка рядом не было.

— Ломай стену, — велел Тит. — Ты сможешь.

Иоланта так и сделала, хотя при обрушении стены послышался скорее тошнотворный хруст ломающихся костей, чем падающих камней. Они с принцем ринулись через пролом в смежный туннель.

— В сравнении с этим, Черный Бастион кажется роскошным курортом, а? — каким-то чудом на бегу выдавила Иоланта.

— Уж обитатели там точно симпатичнее, это я гарантирую, — отозвался Тит.

Туннель вел к какому-то просвету.

Тит огляделся:

— Мне это не нравится. Все туннели ведут вверх. По крайней мере один должен вести вниз.

Иоланта покрылась потом: из всех пяти туннелей появилось по маленькой скользкой твари.

— *Надеюсь, это не означает, что еще пять крупных ползут следом.*

Ее надежды рассыпались прахом, когда почти одновременно в просвете показались пять огромных чудовищных голов.

Иоланта бросила вершины на землю:

— Мы убираемся отсюда. Сейчас же.

Тит не протестовал, только снял со спины сумку и повесил ее на Иоланту:

— На случай, если мы разделимся.

Держась за руки, они шагнули в скачкозаменитель как раз в тот момент, когда ближайшая тварь выстрелила в них струей черной слюны.

Пустыня Сахара

Взошла луна — огромный низко висящий в небе серп. Первая группа повстанцев взмыла в воздух и облетела вокруг в сопровождении двух небольших эскадрилий, которые временами отклонялись от курса, чтобы проверить стеклянный колпак.

— Значит, меня вы тоже не помните? — Кашкари взял протянутый Титом питательный батончик. — И все это время понятия не имели, кто я?

— Боюсь, что так, — ответила Иоланта, снова наполняя его бурдюк.

Она старалась не выказать страха, но сомневалась, что получается. Одно дело скрываться от Атлантиды и совсем другое — знать, что даже у магов-союзников имеются на тебя планы.

— Последователи Богини Дурги, — снова раздался все тот же зычный голос, — отдайте нам Иоланту Сибурн и сегодня не понесете никаких потерь.

Иоланта сглотнула.

— Проклятье, заткнись, — почти беззлобно огрызнулся Тит. — Ты ее увидишь только на своем смертном одре.

— Спасибо, ваше высочество. — Иоланта слабо улыбнулась.

— Для тебя, моя судьба, ничего не жалко.

Теперь она не могла сдерживать усмешку, помня его недавнее обещание никогда не называть ее «моя судьба». Благодарная за эту шутку, понятную лишь им двоим, Иола поцеловала Тита в щеку:

— Это почти так же хорошо, как плохие стихи.

Он на мгновение притянул ее к себе:

— Пока я в силах держать в руке палочку, с тобой ничего не случится.

Иоланта закрыла наполнившийся бурдюк и отдала его Каршкари.

— Значит, — подытожил тот, — вы не помните ничего, только друг друга?

— Нет, и друг друга не помним, — призналась она, — но ничто так не сближает, как спасение бегством от...

В голове возникло странное ощущение, и отнюдь не от позднего часа. Иоланта дернулась; перед глазами вспыхнули яркие полосы, точно метеоры, пробороздившие небеса — такие же объятые пламенем снаружи и ледяные внутри.

Скрипнув зубами, Иола сжала пальцами виски.

Тит приобнял ее за плечи:

— Что с тобой?

Она покачнулась и в следующее мгновение, содрогаясь всем телом, опустилась на четвереньки.

— Фэрфакс, может, отправить тебя вниз? — забеспокоился Кашкари. — У нас есть несколько хороших врачей.

Иоланта подняла руку:

— Я... я...

От всплывающих в голове образов ее не просто тошнило — выворачивало наизнанку.

Вот к ней приближается отвратительное, похожее на гигантского червя существо,

капающее черной слюной.

Леди Уинтервейл, по впалым щекам которой текут слезы.

Ее сын лежит на земле. Мертвый.

А потом воспоминания хлынули потоком, будто плотину прорвало — Иоланта даже испугалась, как бы не захлебнуться. Но, как оказалось, они без проблем помещались в голове, и неприятные ощущения постепенно отступали, оставляя после себя только легкую дезориентацию.

Тит находился рядом, обнимал Иоланту за талию. Кашкари тоже опустился на корточки, глядя на нее с тревогой. Иола села на пятки и на секунду накрыла руку Кашкари своей:

— Я тебя помню. — Затем повернулась к Титу и нежно погладила его по щеке: — И тебя помню. И, к сожалению, не избежать тебе вечного позора за те пламенные слова на ручке моей сумки.

На его лице промелькнуло облегчение, тут же сменившееся разочарованием.

— Но почему я ничего не помню?

— Вспомнишь. Мы приняли меры предосторожности, чтобы никогда надолго не попасть под воздействие заклинаний памяти, однако точное время возврата воспоминаний для всех разное.

К ним подлетела Ишана и вручила каждому тонкую дыхательную маску.

— Богиня Дурга хочет, чтобы они у вас были — на случай, если Атлантида выпустит что-то в воздух.

Иоланта сразу же надела свою — маска оказалась намного удобнее, чем ожидалось.

— Так что же случилось с Уинтервейлом? — спросил Кашкари, поправляя свою маску.

— Его больше нет.

А ведь из Ли вышел бы преданный делу повстанец, приносящий радость всем, кто сражался бы с ним бок о бок. Иола сморгнула слезу:

— Мне так жаль.

Кашкари потер лицо ладонью:

— Этого я и боялся.

— Расскажи, что случилось после нашего отъезда. — Иоланта промокнула уголки глаз. — С миссис Долиш все в порядке?

— Я подождал в уборной, пока Лиходей пройдет в комнату Фэрфакс, а затем подбил других мальчишек поиграть в футбол — старшие против младших. Я не хотел, чтобы они были в доме, когда тот развалится или случится еще что-нибудь. Но перед игрой нам все равно пришлось переодеться — я слишком нервничал и забыл, что все были в своих воскресных нарядах. А потом пришла леди Уинтервейл. Я прошептал ей на ухо, что ее сын — Лиходей, и указал на твою комнату. Где-то через минуту по лестнице поднялась группа атлантов. Часть из них тут же ушла, забрав Горнило, а остальные начали вытаскивать все из обеих ваших комнат.

— Прямо у тебя на глазах?

— На глазах у всех. Купер, будь он благословен, тут же начал болтать о том, как принц вечером у костра на пляже рассказывал о вражеских ублюдках в Сакс-Лимбурге, пытающихся свергнуть его с трона. И раз уж Фэрфакс, как известно, самый близкий друг принца, то твоя комната, естественно, тоже подверглась досмотру на предмет доказательств преступлений, в коих они собирались обвинить его высочество. А когда начали вытаскивать

еще и вещи Уинтервейла, Купер предположил, что тот родом из тех же мест и, видимо, тоже вовлечен в дворцовые интриги. Вот потому-то его мать и приехала так внезапно к миссис Долиш — знала, что опасность близко и Уинтервейлу надо бежать.

— Даже не знаю, Купер идиот или гений, — пробормотал Тит.

— Так или иначе, он был решительно настроен на поездку в Сакс-Лимбург, дабы убедиться, что с вами все в порядке. Я ему сказал, что, даже попади принц в беду, в темницу его не бросят — скорее посадят под домашний арест в роскошном поместье с садами и парком для охоты. Надеюсь, Купер поверил, иначе его ждут весьма неприятные деньки в тщетных поисках Сакс-Лимбурга.

— И как же ты спасся? — спросила Иоланта.

— Я собирался подождать, но после того, как из ваших с Уинтервейлом комнат все вынесли, к миссис Долиш явился человек, назвавшийся камердинером принца. Он попросил поговорить с некоторыми вашими друзьями, а после его ухода я нашел в кармане листок бумаги. Может, это было послание для вас, принц — я не смог его расшифровать, но разнервничался, что тот человек выбрал меня. Атланты осмотрели комнаты и других мальчиков — искали подозрительные вещи. Даже мой напольный коврик забрали — немагический, летает он не лучше, чем говорит. А теперь я думаю: может, этот камердинер понял, что мои занавески — это на самом деле ковер-самолет? И вдруг кто-нибудь из агентов Атлантиды тоже догадался? Той ночью, — продолжал Кашкари, — я зачаровал диванные подушки, чтобы, отвлекая всех, они вылетели из окна гостиной. И пока атланты с ними разбирались, ускользнул и сел на последний поезд. — Он вынул из внутреннего кармана листок и отдал Титу. — То самое послание.

Тит вызвал шар света, прочитал записку и протянул ее Иоланте:

— Взгляни.

Послание гласило: *«Во время допроса с применением сыворотки правды к леди Калисте вернулись определенные воспоминания. Очевидно, она поделилась информацией, необходимой для захвата мага стихий, что может повелевать молниями».*

Значит, леди Калисту все же поймали.

Похоже, она защитила свою память, и заклинание учителя Хейвуда, подавляющее все ее воспоминания об Иоланте, имело лишь временный эффект, который закончился в самый неподходящий момент — прямо посреди беседы с дознавателем Атлантиды.

А может, как раз во время этого допроса Иоланта и Тит использовали скачкозамениТЕЛЬ, что само по себе вызвало возвращение подавленных воспоминаний леди Калисты.

Значит, это она настроила скачкозамениТЕЛЬ на Сахару и наложила заклинание памяти на его активацию. Ничего о себе не зная, Иоланта стала бы легкой мишенью для обмана и манипуляции. А круг крови — просто мера предосторожности, чтобы она никуда не делась, пока леди Калиста ее не найдет. Как бы плохо Иоланта ни думала о своей так называемой матери, вряд ли та действительно желала ее убить.

Послание залил яркий свет — намного ярче, чем синеватое сияние магического шара. Иоланта подняла голову: в небе распустился серебристо-белый сигнальный огонь.

— Замечательно! — воскликнул Кашкари. — Амара призывает моего брата и остальных, кто атаковал базу атлантов.

Иоланту охватило волнение.

— Разве не так разбивается стеклянный колпак? При помощи внешних союзников?

Но свет рассеялся, едва коснувшись вершины купола.

Кашкари застонал:

— Он должен подняться намного выше, иначе его не увидят.

Внезапно Тит схватил ее за руку. Даже через дыхательную маску было видно, как он скривился. Затем покачнулся, но Иоланта его поддержала.

— Я... я все вспомнил, — сказал принц, подавшись к ней. — И решил наконец, что Купер, конечно, идиот, но помощь его неоценима.

Иоланта радостно улыбнулась:

— Если когда-нибудь снова его увижу, обязательно передам твои слова о его ценности.

Тит тихо засмеялся и прижался своим лбом к ее:

— Ради тебя, ради тебя одной.

Иола взяла его руки в свои:

— Живи вечно.

И больше не нужно было слов.

Принц поднял палочку. В небо устремился огненно-красный сноп света, легко миновав стеклянный колпак.

— Что это? — спросил Кашкари.

— Феникс войны. Выпускается, когда правителю Державы грозит опасность.

— А он поможет? — забеспокоилась Иоланта. — Мы за тысячи верст от Державы.

— Ты права, но наши друзья рядом. В ту первую ночь в пустыне бронированные колесницы подобралась слишком близко, и чтобы отвлечь их внимание, я выпустил двух фениксов, сам толком не понимая, что творю. Одним из них как раз был феникс войны, который указывает военному совету дома на мое точное местоположение. Помнишь, я рассказывал о всадниках на пегасах, появившихся во вторую ночь? Войска Атлантиды их не используют, только мы. А зачарованные копыя? Как думаешь, у кого их целая куча?

Иоланта задыхнулась:

— Ну конечно! Ты еще сказал, мол, это походило на реконструкцию исторического сражения. В музее Тита Великого таких экспонатов тысячи — как раз для этой цели.

— Значит, нужно лишь протянуть до появления подмоги. А потом ты просто растворишься в толпе немагического города, пока не минует опасность.

— И когда придет подмога?

— Лучше бы поскорее, — напряженно заметил Кашкари. — Судя по всему, долго мы не продержимся...

Еще две группы повстанцев поднялись в воздух, заслонив небо, а в следующее мгновение под купол ворвалась целая стая крылатых тварей, зловеще поблескивая чешуей, в которой отражался исходящий от феникса войны свет.

— Защити меня Фортуна, — пробормотала Иоланта. — Здесь что, весь батальон виверн?

— Лиходей в Сахаре — где еще быть батальону виверн? — Тит развернул ковер, на котором они добрались до лагеря повстанцев. — Ну что, полетели?

Драконы кружили над их головами, громко хлопая крыльями — словно тысячи влажных простыней встряхивали одновременно. И хоть они не извергали пламя, само их присутствие наполняло воздух запахом серы, к счастью, приглушенным дыхательной маской.

Ковры повстанцев зависли в воздухе. Иоланта устроилась на своем, плечом к плечу с Титом, обняв его за шею.

Он дважды стукнул о ладонь палочкой, и тотчас на ней загорелись семь инкрустированных бриллиантами корон.

— Возьми эту и дай мне свою.

— Но это же Валидус!

Жест принца смутил, ведь Валидус когда-то принадлежал Титу Великому. Не говоря уже о том, что это одна из последних палочек-клинков — в отличие от обычных, они многократно увеличивают силу мага.

— Да, знаю. А еще знаю, кто из нас может взять на себя большее число виверн. — Тит сунул бесценную палочку Иоланте. — В твоих руках Валидус куда полезнее.

— Лорд главнокомандующий великого мира Новой Атлантиды приветствует ваше сиятельное высочество, правителя Державы, — слышался уже знакомый голос. — Ныне между Атлантидой и Державой царят дружеские и взаимовыгодные отношения. Передайте Иоланту Сибурн под опеку Атлантиды, и эта дружба останется нерушимой.

— Как тебе формулировка? — тихо спросил Тит.

— Хотела бы сказать, что понравилась, но каждый раз, едва заслышав этот голос, я задыхаюсь от ужаса.

И даже могущественный Валидус в руке не мог уменьшить этот страх.

— А меня все больше раздражает, что кто-то по-прежнему полагает, будто я собираюсь тебя отдать. — Тит пробормотал заклинание, и когда снова заговорил, его голос разнесся на многие версты вокруг: — Правитель Державы готов передать Атлантиде разве что несколько мешков слоновьего навоза, но не более того. Также он шлет самые теплые слова приветствия лорду главнокомандующему и желает тому сгинуть в бездне, где ему и место.

Иоланта ошарашенно уставилась на Тита: он только что послал Лиходея в ад. В ответ раздались сердитые крики всадников на вивернах — повстанцы же, как и Иоланта, были ошеломлены.

— Правитель Державы — просто вспыльчивый ребенок! — Теперь голос незримого оратора звучал угрожающе и презрительно. — Но ради важной цели лорд главнокомандующий готов не обращать внимания на безрассудство юности. Отдайте нам Иоланту Сибурн, и вы сможете удержать свой трон.

— Правитель Державы, несомненно, самый глупый мальчишка из всех когда-либо живших на земле, — ответил Тит. — Но он гордится тем, что не является мерзким старикашкой, использующим жертвенную магию — в отличие от лорда главнокомандующего.

Не будь Иоланта привязана к ковру, то точно бы с него свалилась. На сей раз атланты погрузились в изумленное молчание, а пораженные повстанцы завопили.

— Каждое сказанное принцем слово — правда, — громко произнес Кашкари. — И я ручаюсь за это своей жизнью.

Не успела Иоланта забеспокоиться, как вновь зазвучал глас Атлантиды, скрежещущий, словно трущиеся друг о друга камни:

— Атлантида всегда стремилась к миру и дружбе. Но вы, Тит из Элберона, призвали на свою голову войну.

Тит сжал руку Иоланты. Он боялся — его страх пульсировал в ее жилах. Но глянув на его профиль, она вспомнила их первую встречу и тот судьбоносный разговор у Темзы. Уже тогда Иола подумала, какой же принц невероятно храбрый — будто родился под крыльями Ангелов. Теперь она знала это наверняка.

— Я с тобой, — прошептала она. — Всегда.

Тит крепче сжал ее ладонь и ответил Лиходею и всем его приспешникам:

— Значит, так тому и быть. — И все так же на версты вокруг разнеслось его решительное: — Фортуна любит смелых!

На мгновение повисла мертвая тишина. А затем Иоланта закричала что есть мочи, и ее голос почти потонул в приветственном реве повстанцев:

— И смелые сами выбирают свою судьбу!

Это был боевой клич Январского восстания, прозвучавший впервые после долгих лет...

Слезы нескончаемым потоком текли по щекам Иоланты. Она притянула Тита к себе и крепко поцеловала.

— Прости, — вставил он между поцелуями, — прости, что так ошибался.

— Тебе не за что извиняться. И ты не ошибся — я не Избранная. Никаких Избранных вообще нет.

— И все же, как подумаю, что чуть не потерял тебя...

— Но ведь не потерял. Я здесь... и я люблю тебя. Всегда любила.

Он снова ее поцеловал:

— Я буду любить тебя до самой смерти.

Одна из виверн с ревом извергла пламя. Еще сто драконов последовали ее примеру, и воздух тут же стал горячим и едким. Плюясь огнем, виверны ринулись на повстанцев.

Иоланта подняла палочку, которая когда-то принадлежала Титу Великому, и призвала молнию — раскаленную добела вспышку, озарившую небо.

Война с Атлантидой началась.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

Держава — общий термин для Объединенного Княжества Геркулесовых столбов. Название произошло от двух оконечностей территории в период объединения: Гибралтарской скалы и Башни Посейдона — базальтовой колонны, выступающей из Атлантики верст на пятьдесят севернее самой северной точки островов Сирены, — которые повсеместно известны как Геркулесовы столбы.

Из книги «Держава. История и обычаи»

Противодействуя ограничениям, наложенным Атлантидой на каналы для путешественников, живущие под ее господством маги обратились к старым, менее прогрессивным средствам передвижения, от которых все давно отказались из-за скорости и удобства современных способов. На земли, не имеющие выхода к морю, вернулись сухие доки. В секретных мастерских собиралось множество летательных аппаратов. А ковры-самолеты, возродившись, по уровню развития переплюнули даже свои лучшие времена.

Из «Хронологии Последнего Великого Восстания»

Распространенное заблуждение о магии крови включает в себя и ее изначальную цель — мол, все придумано, чтобы заставить магов действовать против собственной воли. Истина же намного сложнее: магия крови с самого своего зарождения использовалась, чтобы удерживать племена и кланы вместе и не позволить отдельным представителям навредить всей группе.

Означает ли это, что иногда магию крови применяли для принуждения? Несомненно. Это обоюдоострый клинок, как и любая другая ветвь магии.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

Магам, планирующим посетить Срединные хребты Лабиринтных гор, я настоятельно рекомендую не терять бдительности. На то есть две причины. Во-первых, большая часть этого района является королевским заповедником, а потому закрыта для посещений. Во-вторых, весь участок перемещается без какой-либо видимой схемы — так много веков назад Гесперия Величественная решила защитить свою крепость, — и даже жители ближайших поселений ориентируются здесь неважно.

Лет двадцать назад я убедил местную молодежь взять меня на короткую прогулку, которая обернулась ужаснейшей неделей блуждания в глуши. Если бы мы случайно не наткнулись на выход, то сгнули бы среди этих безжалостных гор.

Но насколько же они великолепны и живописны в своей первозданной красоте!

Из «Путеводителя по Лабиринтным горам»

Заклинания левитации — одно из древнейших достижений магии тонких сфер. Как и всем остальным имитациям магии стихий, им не удалось и близко приблизиться к мощи последней, лишь стихийники способны поднимать огромные валуны. Однако в то время как магия стихий перемещает только землю и воду, область применения левитации гораздо шире.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

Сухие доки когда-то были обычными в магических владениях без выхода к морю — из такого дока можно спустить корабль непосредственно на море, даже если до ближайшего берега тысячи верст. Но с появлением более быстрых способов передвижения, совсем не требовавших путешествия по морю, сухие доки почти вышли из употребления.

Из книги «Века магических путешествий»

Поскольку кровная магия тесно связана с концепциями семьи и кровных уз, на нее распространяется приоритетность по степени родства. Например, сестра может ослабить определенные заклинания, сплетенные братом, так же, как в реальной жизни может убедить его изменить о чем-либо свое мнение.

Однако если объектом конкретного применения магии крови является сын брата, влияние тети становится ограниченным: отец имеет гораздо больше прав на собственное дитя.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

В разные моменты истории Новой Атлантиды ее правители пытались сделать официальным языком государства классический греческий, бывший, предположительно, языком мифической Древней Атлантиды. Последний король Атлантиды издал указ о том, что все внутреннее общение, устное и письменное, должно осуществляться на греческом. Неэффективность и непонимание, вызванные подобной политикой, сыграли не самую последнюю роль в падении этого дома.

Одним из наследий сих приступов эллинизации оказалась тенденция нарекать атлантисские суда — как военного, так и торгового флота — греческими именами. Во время Январского восстания имена на кораблях настоящих древнегреческих государств, как известно, стали переписываться буквами латинского алфавита, чтобы их не приняли за атлантисские и не устроили на них диверсию.

Из «Хронологии Последнего Великого Восстания»

Магические законы часто не успевают за развитием волшебства. Чары, что популярны в магическом мире сегодня, через пару поколений активного использования могут выйти из употребления.

Так случилось и с магией памяти, которую не одобряли, а многие грубые заклинания из этой области даже признали незаконными из-за их навязчивости и потенциального ущерба.

Магией памяти обычно пользовались преступники, не желавшие, чтобы их жертвы запомнили грабителей. Однако теперь лицензированные профессионалы-медики иногда стирают воспоминания об ужасных травмах, но только после освидетельствования и с согласия пациента.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»

Скачкозаменитель изобрели не для того, чтобы обойти закрытые для скачков зоны, но чтобы маги, не умеющие совершать скачки, могли притвориться, будто обладают этой способностью. Четыре небольших шара, называемые вершинами, приходят в действие, когда их кладут на землю на четыре вершины воображаемого четырехугольника. Чародей, ступивший в этот четырехугольник, тут же перенесется в заранее определенное место назначения, а вершины растворятся без следа.

Когда маги поняли, что скачкозаменители способны преодолевать барьеры закрытых зон, они потребовали у изобретателя полный пошаговый план разработки прибора, дабы составить новые антискачковые заклинания, не допускающие пользование этой лазейкой. Изобретательница, эксцентричная старушка, предпочла снять свое детище с продажи, но не делиться секретами производства, которые и унесла с собой в могилу.

Нет нужды говорить, что за скачкозаменителями тут же разгорелась охота на черном рынке, которая стала еще более ожесточенной, когда Атлантида начала строить Инквизитории в столицах магических государств по всему миру.

Из «Хронологии Последнего Великого Восстания»

Сегодняшняя новость о том, что принцесса Ариадна назвала первенца Титом, вызвала переполох среди тех, кто следит за перипетиями дворцовой жизни.

После Тита VI, одного из самых ненавистных народу правителей в истории династии Элберонов, так в Державе почти никого не называли. Дом Элберона долго колебался, прежде чем возродить имя, которое в давние времена носили многие выдающиеся представители династии: новорожденный принц стал первым Титом в семье за последние двести лет.

**Из статьи «Имя новорожденного принца в обществе восприняли неоднозначно»,
газета «Деламерский наблюдатель»,
от 28 сентября 1014 державного года**

Меня чрезвычайно печалит, что Тита VI, одного из самых принципиальных и отважных магов в истории, колумнист «Деламерского наблюдателя» походя называет «ненавистным народу» в статье «Имя новорожденного принца в обществе восприняли неоднозначно». Еще больше меня расстраивает, что большинство читателей газеты без вопросов принимают эту точку зрения.

Да, все мы изучали в школе, что Титу VI пришлось отречься от трона в пользу младшей сестры после того, как он применил смертоносную магию против своих подданных. Но разве никто за пределами общины сихаров не помнит, почему он пришел к такому решению?

Те дни для сихаров Державы были страшнейшими в истории: наши заведения в крупных городах громили, наших детей избивали среди бела дня, а законопослушным добропорядочным сихарам пришлось бежать из своих домов. Буйная толпа собиралась на Морском приграничье, гордо заявляя, что не остановится, пока не вытеснит всех сихаров в море.

Тит VI приказал любыми возможными способами разогнать толпу. При этом погибли сто четыре человека, но если бы принц умыл руки и ничего не сделал, десятки тысяч сихаров оказались бы мертвы.

И не надо говорить, что именем Тит не называют детей во всей Державе. Мы, сихары, составляем девять процентов населения страны и часто называем сыновей именем Тита в память о принце и из чувства вечной благодарности.

**Из «Писем редактору», газета «Деламерский наблюдатель»,
от 30 сентября 1014 державного года**

Крупнейшая в мире диаспора сихаров проживает в Державе и рассредоточена в основном вдоль Морского приграничья, хотя в больших городах тоже существуют общины этого народа.

Исторически сложилось так, что магическое сообщество отвергло сихаров, ибо они практиковали магию крови. В королевствах на континенте преследования сихаров полномасштабно развернулись, когда Державой правила Гесперия Величественная. Часто пересказываемая история их прибытия в Державу обычно начинается с того, как Великий Матриарх сихарского народа обратилась к Гесперии с просьбой проявить сострадание и предоставить сихарам убежище.

Та уважила просьбу Матриарха. Сихарам был пожалован особый статус гостей принцессы и земли у Морского приграничья, охраняемые личной гвардией Гесперии.

Но побочным эффектом такой защиты стало полное отделение сихаров от остального населения Державы. Только двести лет спустя принц Тит V издал указ, дарующий сихарам право свободного передвижения по королевству. Во время своего правления Тит VI упразднил закон, согласно которому сихары обязывались носить опознавательные знаки, выезжая за пределы Морского приграничья.

Но их статус по-прежнему числился гостевым, и потому их в любой день могли изгнать.

Из «Этнографической энциклопедии Державы»

Часто говорят, мол, строительство «Роялиса» привело к свержению последнего царя Атлантиды. Это утверждение правдиво лишь отчасти. На самом деле, его отец начал — и закончил — возведение нового дворца, в то время как вне столицы, Люсидиаса, народ голодал.

Поэтому последнего царя Атлантиды нельзя обвинить в том, что он строил роскошный комплекс, пока его подданные страдали. Однако он, безусловно, тоже виноват, потому как решил снести и переделать половину «Роялиса» — ему не нравился его внешний вид.

Из книги «Империя. Возрождение Новой Атлантиды»

Маги изобрели различные способы добиваться правды и подтверждать ее, многие из которых весьма сомнительны в плане закона. Соглашение о правде — один из немногих методов, считающихся безупречными, поскольку оно с самого начала добровольно и не предусматривает наказания при обнаружении лжи: свечение, окружающее стороны, просто исчезает в тот момент, когда кто-то проявляет неискренность. Ни боли, ни страданий — ничего, кроме взаимной учтивости и обходительности.

Из учебника «Искусство и наука волшебства для начинающих»